
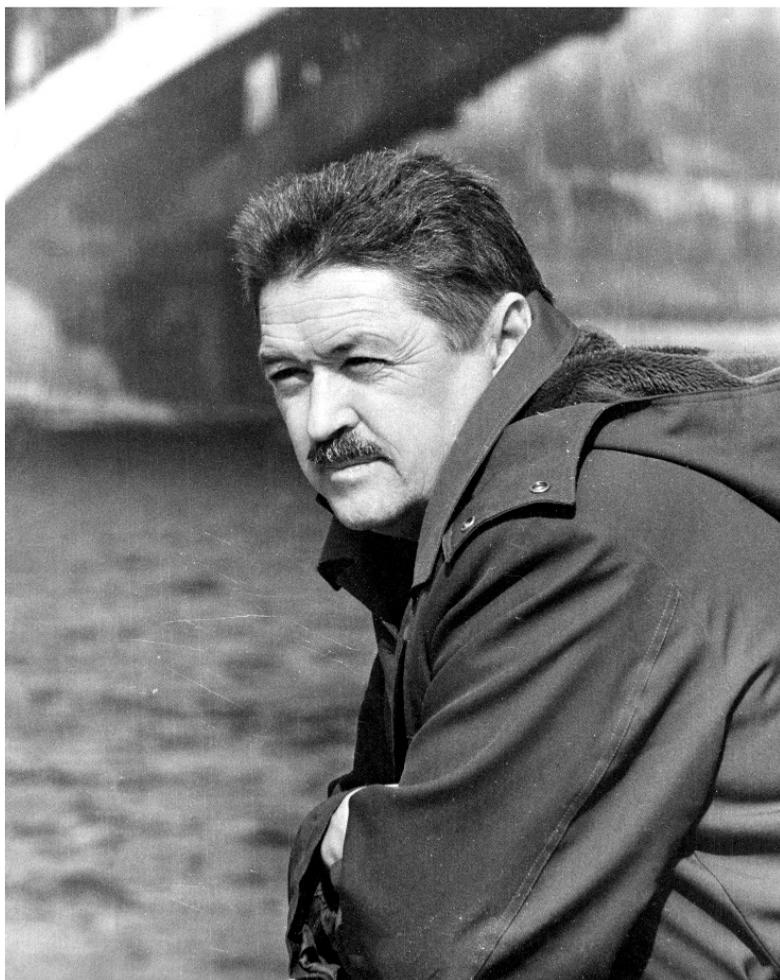
Каменный век Северной Азии и сопредельных территорий: от истоков к современным концепциям

Тезисы докладов
Всероссийской научной конференции,
посвященной 90-летию
Германа Ивановича Медведева

Иркутск, 16–18 февраля 2026 г.

**Герман Иванович Медведев
(1936–2015)**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Научно-исследовательский центр «Байкальский регион»

Каменный век Северной Азии и сопредельных территорий: от истоков к современным концепциям

Тезисы докладов
Всероссийской научной конференции,
посвященной 90-летию
Германа Ивановича Медведева
Иркутск, 16–18 февраля 2026 г.

УДК 903(571)
ББК Т4(5)
К18

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук Е. А. Липнина (отв. ред.), Д. Н. Лохов,
З. Ч. Ухинов (отв. секретарь)

К18 **Каменный** век Северной Азии и сопредельных территорий: от истоков к современным концепциям : тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию Германа Ивановича Медведева. Иркутск, 16–18 февраля 2026 г. / редкол.: Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, З. Ч. Ухинов. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2026. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2463-7.2026.1-152>

ISBN 978-5-9624-2463-7

Сборник содержит тезисы докладов Всероссийской научной конференции «Каменный век Северной Азии и сопредельных территорий: от истоков к современным концепциям», посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося российского археолога доктора исторических наук, профессора Германа Ивановича Медведева. В тематике докладов представлены результаты исследований в области геоархеологии, археологии, палеоантропологии Северной Азии и сопредельных территорий, включая самые ранние этапы освоения их древним человеком.

Предназначено для археологов, историков, специалистов смежных естественно-научных дисциплин, студентов гуманитарных факультетов вузов, а также читателей, интересующихся древнейшей историей региона.

УДК 903(571)
ББК Т4(5)

СОДЕРЖАНИЕ

Геоархеология каменного века: традиционные и инновационные методы междисциплинарных исследований

Щетников А. А., Казанский А. Ю., Филинов И. А., Бердникова Н. Е., Бердников И. М. Опорный разрез многослойной стоянки Игетей (нижний – верхний палеолит, Предбайкалье): стратиграфия, геохронология и обстановки формирования отложений	8
Пержаков С. Н. К проблеме выделения «парастратотипов» верхнего участка р. Лены в позднем неоплейстоцене (геоархеологические комплексы МИС 4 – МИС 3)	10
Шегутов И. С. Опыт дифференциации сырьевых групп артефактов при помощи портативного рентгенофлуоресцентного анализатора (по материалам местонахождения Большой Зангисан)	13
Сорокин А. Н. Из опыта практической геоархеологии	15
Круляно А. А. Суворовский геоархеологический микрорайон. Восточный Сихотэ-Алинь	18
Бобров В. В., Марочкин А. Г. Некоторые результаты геоархеологических исследований древностей Кузнецко-Салаирской горной области	21
Спасибко А. Б., Золотарев Д. П. Трехмерное моделирование как инструмент визуализации каменных артефактов: преимущества и недостатки	24
 <i>Род Ното и ранние этапы освоения им Северной Азии и сопредельных территорий</i>	
Шуныков М. В. О первоначальном расселении человека в Сибири	27
Кандыба А. В. Ранний палеолит Вьетнама: проблема интерпретации	29
Павленок К. К. Статус «все сложно»: новые данные по среднему палеолиту Западного Тянь-Шаня	31
Деревнина А. С. Продукты леваллуазского расщепления в среднепалеолитических комплексах Денисовой пещеры: материалы восточной галереи	33
Мороз П. В., Викулова Н. О., Истомина Ю. О. Культурный слой 5 Сухотинской мастерской как маркер распространения острейного леваллуа на северо-восток Евразии	35

Вопросы формирования и развития традиций верхнего палеолита, микропластинчатые индустрии и проблемы расселения охотников-собирателей в Северной Азии и сопредельных регионах

Кузнецов А. М. Ансамбли «Олонского палеолитического пласта» в системе среднего и верхнего палеолита Северной Азии	38
Питулько В. В. Массовые концентрации костных остатков мамонтов в контексте свидетельств прошлой человеческой деятельности	40
Плотникова П. Ю. К вопросу об использовании отжима в мелкопластинчатом производстве раннего верхнего палеолита Алтая: экспериментальные данные	43
Васильев С. А. Древнейшие культуры Северной Америки: к вопросу о первоначальном заселении человеком Нового Света	45
Кузнецов А. М., Молчанов Д. Н., Щетников А. А., Филинов И. А., Казанский А. Ю. Литостратиграфия и культурные отложения геoarхеологического объекта Стойло (Южное Приангарье)	48
Липнина Е. А., Лохов Д. Н., Дударёк С. П. Археологические материалы «классической» Мальты по результатам работ 2014 года	50
Липнина Е. А., Лбова Л. В. Археология «классической» Мальты: пространственное распределение артефактов палеоискусства (по материалам раскопок М. М. Герасимова)	54
Колесник А. В. О редукции каменных изделий в индустриях стоянок позднего палеолита в г. Красноярске	58
Мешерин М. Н., Никифоров Р. И., Быкова М. В. Культурные слои раннего верхнего палеолита на Афонтовой горе	60
Акимова Е. В., Харевич В. М. Итоги изучения позднепалеолитических стоянок Черемушкинского археологического района (Красноярское водохранилище)	63
Ташак В. И. Микропластинчатое производство на территории Окинского плоскогорья в Восточном Саяне	66
Тетенькин А. В. Поздний палеолит Нижнего Витима: современное состояние изучения	68
Горбунова Т. А., Шмидт И. В. Методические подходы к изучению культурных отложений дюнных стоянок эпохи финального палеолита на примере стоянки Черноозерье II	70
Шмидт И. В., Рогачев Е. А., Малий В. Ю. Костяной игольник финального палеолита: интерпретация следов утилизации на внутренней поверхности фрагментов изделия	72
Понкратова И. Ю. Каменный век Камчатки и сопредельных территорий: общее и особенное	75
Уланов А. А. Краткий обзор формирования терминологии, связанной с клиновидными микронуклеусами	77

*Проблемы перехода от палеолита к мезолиту
в контексте динамики традиций литопроизводства.
Комплексы раннего и начала среднего голоцена
по данным изучения стоянок и поселений*

Слободин С. Б., Зеленская А. Ю. Раннеголоценовые комплексы северо-востока Азии и проблемы перехода от палеолита к мезолиту	80
Золотарев Д. П., Бердников И. М., Спасибко А. Б., Дервянко Ю. А., Уланов И. В., Бердникова Н. Е. Приводная 3 – комплекс раннего голоцена Южного Приангарья	83
Спасибко А. Б., Золотарев Д. П., Шегутов И. С., Бердникова Н. Е., Бердников И. М. Особенности первичного расщепления в раннем голоцене Южного Приангарья (по материалам местонахождения Приводная 3): данные анализа последовательности сколов	85
Иванов Г. Л., Шергин Д. Л., Клементьев А. М. Материалы каменного века стоянки Манхай 4 (Кудинская долина)	87
Дьяконов В. М. Многослойная стоянка Мухатта на Средней Лене	90

*Технологии и искусство среднего –
начала позднего голоцена по данным изучения
стоянок, поселений и погребальных комплексов*

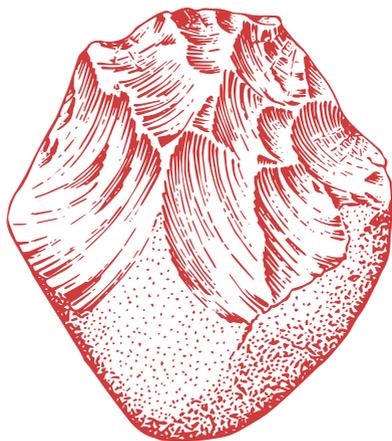
Соколова Д. С. Культурная преемственность в условиях миграции: параллели в материальной культуре периода голоцена от Восточной Евразии до Океании	94
Зеленская А. Ю., Слободин С. Б. Неолит Колымы и континентального Приохотья в контексте неолита северо-востока Азии	96
Зубков В. С. Вопросы изучения неолита Верхней Лены на современном этапе	99
Синицына Г. В. Данные планиграфического анализа верхнеангарских поселений с компрессионным слоем	101
Новиков А. Г., Горюнова О. И. Новый комплекс раннего неолита Прибайкалья (стоянка Перевозная)	104
Лыньша В. А. О различиях понятий «тип керамики» и «стиль керамики»	106
Степанов М. В. Традиции отбора сырья и подготовки формовочной массы сылахской сетчатой керамики (по материалам бассейна Алдана и Верхнего Вилюя)	109
Охлопков В. В. Шнуровая керамика стоянки Куллаты (Средняя Лена)	112
Гурулёв Д. А. Комплекс материалов среднего неолита археологического памятника Пинчуга-6 (Нижнее Приангарье)	114

Молчанов Д. Н., Песков С. А. Хронологическая характеристика материалов культурного слоя 2 стоянки Фурманова (г. Иркутск)	116
Коваленко С. В. Осиноозерская неолитическая культура Западного Приамурья: проблемы происхождения, хронология и периодизация	120
Дьяков В. И., Сидоренко Е. В. Комплекс зайсановской культуры поселения Рудная Пристань в Приморье	122
Бычков Д. А., Галажинский И. А. Новые сведения о взаимосвязи культур в неолите Томско-Нарымского Приобья и Прибайкалья	125
Ключников Т. А., Заика А. Л. Ангарская изобразительная традиция в наскальном искусстве Нижней Ангары	127
Ячменёв О. Ю. Сцена охоты Бутихинской писаницы (Восточное Забайкалье)	130
Непогодина М. Н. Образ змеи в искусстве неолита – бронзового века Прибайкалья	133

*История науки, проблемы изучения культур
позднего голоцена и сохранения археологического наследия*

Вдовин А. С., Макаров Н. П. К истории изучения неолита – энеолита р. Лены: письма А. П. Окладникова Н. К. Ауэрбаху 1930 г.	136
Майзик Е. И., Вдовин А. С. Участие иркутских археологов в реализации проекта «Новозэкспорта»	138
Панюхин М. В. Археология Братска: от первых открытий до современных исследований	140
Молодин В. И. Оригинальный комплекс керамики эпохи раннего металла в урочище Таи (Барабинская лесостепь): дополнение к сказанному или новая культура?	142
Мягашев Д. А., Хубанов В. Б., Хубанова А. М. Изотопные индикаторы потребления С4-растений у домашних животных Нижнемангиртуйского поселения хунну	146
Дьякова О. В. Отражение этнополитических составляющих в средневековой археологии Дальнего Востока	149
Власенко Д. Е. Результаты мониторинга состояния палеолитических памятников Сухотинского археологического комплекса в 2025 г.	150

ГЕОАРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА:
ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ
МЕТОДЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Опорный разрез многослойной стоянки Игетей (нижний – верхний палеолит, Предбайкалье): стратиграфия, геохронология и обстановки формирования отложений¹

А. А. Щетников^{1,2}, А. Ю. Казанский^{1,3}, И. А. Филинов^{1,2}, Н. Е. Бердникова⁴,
И. М. Бердников⁴

¹*Институт земной коры СО РАН, г. Иркутск*

²*Институт геохимии СО РАН, г. Иркутск*

³*Геологический институт РАН, г. Москва*

⁴*Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

The Igetey Reference Section of Multilayer Site (Lower – Upper Paleolithic, Cizbaikalia): Stratigraphy, Geochronology and Sedimentation Environment

A. A. Shchetnikov^{1,2}, A. Yu. Kazansky^{1,3}, I. A. Filinov^{1,2}, N. E. Berdnikova⁴,
I. M. Berdnikov⁴

¹*Institute of the Earth's Crust SB RAS, Irkutsk*

²*Vinogradov Institute of Geochemistry SB RAS, Irkutsk*

³*Geological Institute RAS, Moscow*

⁴*Irkutsk State University, Irkutsk*

Игетей – один из ключевых геoarхеологических объектов юга Восточной Сибири и важнейший опорный разрез континентальных отложений верхнего кайнозоя Байкальского региона. В него входит комплекс палеолитических местонахождений с содержанием разновозрастного археологического материала (от раннего до позднего палеолита) в различных позициях, в отложениях и на поверхности. Полученные новые геохронометрические данные позволяют уточнить, во-первых, временной объем представленных в разрезе отложений, сокращая его с 300 тыс. л. н., как считалось ранее, до 155–160 тыс. л. н., и, во-вторых, стратиграфическое положение в разрезе границы среднего и верхнего плейстоцена. При этом выделенный в разрезе сдвоенный педокомплекс, включающий хорошо развитый чернозем, который в регионе традиционно относится к казанцевскому (МИС 5) термочрону, согласно ИК ОСЛ данным удревняется до финальной подстадии МИС 6 среднего плейстоцена.

В литолого-фаціальном отношении разрез Игетей представлен сложно построенной толщей гетерогенных образований склонового (криогенно-делювиально-пролювиального) и субэразального ряда с 8 горизонтами

---

¹ Работа выполнена в соответствии с государственными заданиями Института геохимии им. А. П. Виноградова СО РАН (проект № 0284-2021-0003), Геологического института РАН (проект № АААА-А21-121011590055-6), Иркутского государственного университета (проект № FZZE-2026-0005).

педогенеза, включая современную почву, и 7 культуросодержащими слоями. При этом практически на всех стратиграфических уровнях разреза фиксируется наличие следов криогенного течения и хрупких деформаций.

По литологическим и петромагнитным данным разрез в средней части (на глубине 12 м) четко делится на две толщи – песчанистую верхнюю и глинистую нижнюю. Присутствие прослоев с мультимодальными спектрами, а также наличие крупнообломочного материала и широкое развитие субаквальных малакологических комплексов в верхней толще свидетельствует о значимом вкладе пролювиальных процессов в седиментогенез с формированием веерных фаций (разливов). Нижняя толща представлена лессово-почвенной последовательностью. Поведение петромагнитных характеристик свидетельствует о том, что формирование магнитных свойств лессово-почвенной части разреза Игетей происходило в соответствии с «сибирским» механизмом – горизонты погребенных почв характеризуются уменьшением концентрационных магнитных параметров, а разделяющие их осадки напротив – увеличением, в почвах уменьшается эффективный размер магнитного зерна и возрастает концентрация парамагнитных минералов.

Согласно полученным данным, в финале среднего плейстоцена 160–135 тыс. л. н. в районе расположения стоянки Игетей происходило накопление в основном лессовидных субаэральных накоплений с активным проявлением педогенеза. В последствии интенсивность экзолитодинамики возрастает, в седиментогенезе начинают преобладать склоновые и пролювиальные процессы, формируется мощная линза песков с включением грубообломочного материала. В МИС 4 снова усиливается роль эоловых процессов с формированием порядка 70 тыс. л. н. хорошо выраженной поверхности дефляции, субаэральные накопления опесчаниваются.

К проблеме выделения «парастратотипов» верхнего участка р. Лены в позднем неоплейстоцене (геоархеологические комплексы МИС 4 – МИС 3)

С. Н. Пержаков

ООО «Раритет», г. Иркутск

On the Problem of Identifying “Parastratotypes” of the Upper Lena River in the Late Pleistocene (Geoarchaeological Complexes of MIS 4 – MIS 3)

S. N. Perzhakov

“Raritet” LLC, Irkutsk

Первые объекты, входящие ныне в состав локальных, но взаимосвязанных комплексов – *Макаровского, Кистенёвского, Шишкинского*, были обнаружены и исследовались в основном старыми традиционными способами [Аксёнов, 2009, с. 42].

В настоящее время фактическая возможность решения проблемы в изучении геоархеологических (ГАК) комплексов (МИС 4 – МИС 3) на сопредельных территориях с этими, ставших «классическими», комплексами расширила свои территориальные границы (рис.). К существующим ГАК начального периода сер. 70-х – нач. 80-х гг. XX в. (Макарово 4, Шишкино 8) – «стратотипам», выявлены новые «сигнальные» площади, обладающие определенным набором данных, которые сочетают в себе явные признаки литостратиграфических «парастратотипов» и в соответствии с принятой в геологической градации «голостратотипов» [Международный ... , 1978, с. 24–25]. Впервые в долине самого верхнего участка р. Лены появляется реальная возможность хроностратиграфической корреляции фактических данных (геоморфология, стратиграфия, палеопедология, палеонтология, археология), полученных при изучении разрезов – «стратотипов», в которые включен, как массовый (Макарово 4), так единичные геоархеологические (палеолитические) компоненты (Кистенёво 9, Шишкино 8, Картухай 1, Никольский ручей 3) в хроносрезе (МИС 4 – МИС 3). Результаты изысканий последних десятилетий позволили частично опубликовать и ввести в научный оборот материалы с верхнеленских местонахождений с признаками присущих определенной группе *объектов* со следами самой «легкой» степени механического воздействия и «запечатанных» в литостратиграфических подразделениях в хроносрезе (МИС 4 – МИС 3) [Пержаков, Аксёнов, Куклина, 1998, с. 161–169; Пержаков, 2006, с. 176–184; Песков, Николаев, 2017, с. 464–466; Молчанов, Николаев, Песков, 2021, с. 445–450]. В настоящее время на ограниченном в линейном пространстве и территори-

альной близости находятся пять *объектов*, где стратиграфическое залегания артефактов четкое связано с галечно-дресвяной прослойкой с обильными включениями мелкой окатанной гальки, мощностью от 0,10–0,15 м. Строго выдержанное, устойчивое сочетание литологических, стратиграфических и археологических характеристик определяет статус этой прослойки как опорного стратиграфического диагностичного «репера», маркирующего постседиментационное положение культурных остатков в конкретных «справочных разрезах».

Рис. Иркутская область, Качугский район,
Качугско-Верхоленская группа объектов

Подавляющее большинство артефактов на всех без исключения *объектах*, в раскопах и шурфах лежит в теле и подошвенной части прослойки, повторяя все изгибы ее в местах локальных деформаций (криогенез и др.). Диагностичность характеристик (геоморфология, литостратиграфическое подразделение, гипсометрия в современном рельефе) делает возможным выделение «парастратотипов» и «голостратотипов» и так называемых справочных разрезов [Международный ... , 1978, с. 53], которые в будущем позволят провести более обоснованную хронокорреляцию этой группы георхеологических местонахождений со стратиграфическими подразделениями, выделенных на Макарово 4.

Внешний облик изделий из камня, несмотря на их четкое стратиграфическое положение, не позволяет определить положение находок как *in situ*.

Все каменные артефакты несут явные следы корразии, эолового воздействия, указывающие на наличие в определенный период существования «культуры» процессов жесткой дефляции. В результате подобных движений культурные остатки должны были перемещаться, скорее всего, по вертикали (спроецироваться) [Аксёнов, 2009, с. 85].

Проблемы выделения конкретных литостратиграфических подразделений, обеспеченность их «относительными» ^{14}C -радиоуглеродными датировками и другими датирующими материалами, является первостепенной задачей при определении таких понятий, как «стратотип», «парастратотип», «голостратотип», а также «справочные разрезы» (гипостратотипы) в отношении их соподчинения. Это важно для определения маркерных поздеплейстоценовых литостратиграфических слоев на выявленных местонахождениях МИС 4 – МИС 3 в пределах самого верхнего течения долины р. Лены.

Список литературы

- Аксёнов М. П. Палеолит и мезолит верхней Лены. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. 370 с.
- Международный стратиграфический справочник. М. : Мир, 1978. 226 с.
- Молчанов Д. Н., Николаев В. С., Песков С. А. Археологические исследования в г. Иркутске, Иркутском, Баяндаевском и Качугском районах Иркутской области // Археологические открытия-2019. М. : Ин-т археологии РАН, 2021. С. 445–450.
- Пержаков С. Н. Морфологические характеристики каменного инвентаря Шишкино-VIII (Верхняя Лена) // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. Вып. 4. С. 178–184.
- Пержаков С. Н., Аксенов М. П., Куклина С. Л. Палеолитическое местонахождение Кистенева-IX (Верхняя Лена) (предварительные стратиграфические и палеогеографические характеристики плейстоценовых отложений) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий : материалы Междунар. симп., посвящ. 90-летию акад. А. П. Окладникова. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 161–169.
- Песков С. А., Николаев В. С. Работы в Иркутской области // Археологические открытия – 2015. М. : Ин-т археологии РАН, 2017. С. 464–466.

Опыт дифференциации сырьевых групп артефактов при помощи портативного рентгенофлуоресцентного анализатора (по материалам местонахождения Большой Зангисан)²

И. С. Шегутов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Experience of Differentiating Raw Material Groups of Artifacts Using a Portable X-ray Fluorescence Analyzer (Based on the Materials of the Bolshoi Zangisan site)

I. S. Shegutov

Irkutsk State University, Irkutsk

Применение портативных рентгенофлуоресцентных анализаторов (ПРФА) в археологии каменного века открывает новые возможности в области изучения сырьевых стратегий древних производств, позволяя на уровне петрохимических признаков выявлять технологическую взаимосвязь между артефактами, не разрушая при этом анализируемые образцы. Несмотря на ряд ограничений, наиболее существенным из которых является диапазон измеряемых элементов [Бердников, 2025], в исследованиях переотложенных комплексов ПРФА может стать одним из инструментов хронологической систематизации материалов.

Объектом данной работы стала коллекция каменных артефактов местонахождения Большой Зангисан (Тункинская долина), которое открыто в 1983 г. Г. И. Медведевым и в 1983–1987 гг. исследовалось под руководством А. Б. Федоренко. Долгое время переотложенный характер материалов не позволял однозначно определить их хронологическую позицию, однако в последние десятилетия для Большого Зангисана получен массив естественнонаучных данных, который позволил отнести комплекс к ранней поре верхнего палеолита (РВП). Этой датировке не противоречат и результаты технико-типологического анализа [Шегутов, Золотарев, 2024], хотя на настоящий момент они могут быть уточнены путем рассмотрения сырьевого аспекта операционных последовательностей.

Целью настоящего исследования является анализ дифференциации представительных артефактов местонахождения Большой Зангисан в рамках метода сырьевых единиц [Белоусова, 2015]. Выборка составила 74 предмета, в число которых вошли нуклеусы, преформы, орудия, пластины и тех-

---

² Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-25-326.

нические сколы. Предварительным этапом работы была визуальная диагностика, позволившая установить, что в индустрии стоянки использовались осадочные, метаморфические и магматические породы, а также жильный кварц.

Рентгенофлуоресцентный анализ коллекции проведен при помощи имеющегося в распоряжении НИЦ «Байкальский регион» ИГУ портативного РФ-спектрометра Olympus Vanta M. Образцы измерялись в экранированной камере рабочей станции, количество замеров (от трех до пяти) зависело от степени зернистости породы. Данные ПРФА обрабатывались при помощи методов многомерного статистического анализа (метод главных компонент, метод иерархического анализа, алгоритм k-средних). Полученные результаты можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, отмечена хорошая кластеризация специфичных треугольных орудий с такими изделиями, как небольшое конвергентное скребло, концевой скребок, фрагмент реберчатой пластинки и преформы латеральных кареноидных нуклеусов. Степень визуального сходства позволяет предположить общий источник происхождения для субстрата этих образцов, а типологический набор – подтвердить их отнесение к РВП.

Во-вторых, некоторые группирующиеся на графиках артефакты образуют ремонтажные сборки, среди которых стоит выделить прием рассечения крупного нуклеуса для пластин и использование одного из его фрагментов для производства мелких пластинок. Этот факт свидетельствует о существовании различных методов получения заготовок, присутствие которых в индустрии комплекса ранее объяснялось лишь его хронологической неоднородностью.

В-третьих, на уровне сырьевых единиц установлена взаимосвязь между предметами, найденными в экспонированном состоянии и артефактами, зафиксированными в отложениях. Учитывая, что часть комплекса была уничтожена карьером, полученные данные имеют важность для оценки распространения артефактов по площади местонахождения.

Таким образом, проведенный анализ наглядно демонстрирует высокий потенциал применения ПРФА в исследованиях комплексов каменного века, изначальный геоархеологический контекст которых был нарушен. Полученные результаты служат надежным подтверждением выявленных ранее технологических особенностей каменной индустрии стоянки Большой Зангисан и позволяют определить направления для дальнейших исследований.

Список литературы

- Белоусова Н. Е. О методе сырьевых единиц // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 19–22.
- Бердников И. М. Портативный рентгенофлуоресцентный анализ в археологии каменного века: ограничения и возможности // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2025. Т. 12, № 1 (45). С. 151–158. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2025.12\(1\).151-158](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2025.12(1).151-158)
- Шегутов И. С., Золотарев Д. П. Большой Зангисан – комплекс раннего верхнего палеолита Тункинской долины (Юго-Западное Прибайкалье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2024. Т. 49. С. 47–68. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2024.49.47>

Из опыта практической геоархеологии³

А. Н. Сорокин

Институт археологии РАН, г. Москва

From the Experience of Practical Geoarchaeology

A. N. Sorokin

Institute Archaeology RAS, Moscow

В нынешнее время мало кого можно удивить возможностями и результатами геоархеологических изысканий. Стали очевидными и их преимущества по сравнению с традиционным археологическим подходом. Одним из пионеров отечественной геоархеологии стала Иркутская университетская школа, основанная Г. И. Медведевым.

Тем не менее говорить, что геоархеологические принципы стали исследовательской нормой, не приходится. Как ни странно, но наибольшее противодействие их внедрению ощущается в обеих столицах. В силу этого преимущества геоархеологического подхода приходится каждый раз доказывать.

Геоархеология базируется на шести «китах» – геологии четвертичной, геоморфологии, палеогеографии, почвоведении, тафономии и археологии [Butzer, 1982; Медведев, 2008; Сорокин, 2018]. Суть геоархеологии сводится к тому, что памятники археологии рассматриваются в ней в качестве объектов биосферы, антропогенная составляющая в генезисе которых стартовая, но не исключительная и не уникальная. Особенностью объектов археологического наследия (ОАН) служит то, что они символизируют земные следы присутствия человека, и даже погребения есть ни что иное, как отражение тех практик, которые характерны для реальной антропогенной деятельности. Тем не менее время, когда человек осваивает тот или иной ландшафт, по сути своей конечно; оно несопоставимо по длительности с тем отрезком, когда ископаемые следы «живут сами по себе», подвергаясь воздействию природных процессов и неизбежному физическому разрушению. Археолог пытается заниматься прижизненным эпизодом, отождествляя его с историческим процессом. Однако история – это череда событий, растянутых во времени. Археология, хоть и отражает некие процессы и изменения, имевшие место в древности, по сути своей бессобытийна и статична. Подобие развития возникает лишь при сравнении значительно разнесенных во времени артефактов, когда становятся различимыми некие технологические, морфологические и типологические изменения, но аналитические исследования такого рода малозаметны в публикационном потоке археологических «открытий».

---

³ Выполнено в составе Плановой темы № НИОКТР 126011315527-2 ИА РАН.

Геоархеология, помимо прижизненного эпизода, занимается изучением того, что было до момента обитания, и всем последующим процессом трансформации и омертвления антропогенных признаков. И все три отрезка в ней равноправны. Это означает, что она неизбежно обращается к постижению физических законов зарождения, трансформации и омертвления артефактов, т. е. всего того, что достается исследователям в качестве источников. Это объясняет, почему в ней всего одна гуманитарная составляющая и минимум пять – естественнонаучных.

Бурное внедрение в археологическую практику со 2-й половины XX в. естественнонаучных методов и инструментария ситуации коренным образом не изменило. Несмотря на внедрение тахеометров, дронов, лидаров, компьютеров, ГИС-пакетов и т. п., археология так и осталась дисциплиной, представители которой по-прежнему «вооружены лопатой» и нацелены на добывание раритетов. Декларация на заре археологии принципов историзма не привела к теоретическому и практическому осмыслению историчности добываемых материалов. Массив образуют публикации раскопок и разведок, сдабриваемые радиоуглеродными, палинологическими и реконструктивными экскурсами. Не вызывает сомнения, что новые методы, особенно в области абсолютного датирования, дополнили и расширили познавательные возможности археологии, разнообразили ее потенциал, но так и остались инородными «украшениями», не изменившими ее сути.

Тем не менее качественное изменение ситуации все же произошло, хотя развитие пошло совсем другим путем – зарождением иного качества, новой дисциплины – геоархеологии, базирующейся на объективной оценке роли человека и природной среды в генезисе и бытии ОАН.

В качестве полигона избран Заболотский торфяник, расположенный на восточной оконечности Дубнинской низины (Московская область). Традиционно генезис территории связывали с деградацией в поздневалдайское время гипотетического Тверского приледникового озера [Квасов, 1975; История ... , 1998], а начало заселения относили к рубежу плейстоцена – голоцена, когда, как полагали, обсохло бывшее озерное дно [Сидоров, 2009, 2015; Замостье 2 ... , 2013]. Гипотеза Д. Д. Квасова базировалась не на данных бурения и установлении возраста напластований, а на анализе картографических материалов и топографии, что сделало такой подход уязвимым при предметном натурном обследовании территории и датировании серийных образцов из скважин.

В ходе геоархеологических изысканий 2018–2021 гг. на территории Заболотского торфяника (палеогеографические и геоморфологические методы, геофизическое сканирование, аэрозондирование и аэросъемка БПЛА, бурение мобильной установкой, почвенный зондаж и почвенно-генетические анализы, компьютерное ландшафтное моделирование, изучение тафономии напластований и артефактов, AMS-датирование образцов, aDNA-

анализ и др.) были получены весомые результаты по всему комплексу изучаемых проблем.

Было установлено, что на протяжении поздневалдайской ледниковой эпохи в регионе господствовали флювиальные, а не озерные обстановки рельефообразования. Кардинальное изменение геоморфологических представлений обязало скорректировать взгляды на этологию древнего населения и определило необходимость отказа от традиционной археологической парадигмы, построенной на «озерном контенте» [Сидоров, 2009, 2015; Замостье 2 ... , 2013; Стоянка ... , 2018].

Главная роль в генезисе рельефа принадлежала деятельности р. Дубна, заложение русла которой произошло порядка 40–45 тыс. л. н. А потенциальная возможность его освоения человеком возникла не на рубеже плейстоцена – голоцена, а существовала, как минимум, последние 30 тыс. л., когда Дубной были сформированы ландшафты, вполне комфортные для проживания. Была получена значительная серия AMS-дат, маркирующих естественные и культурно-исторические процессы позднеплейстоценового и голоценового времени, установлена их взаимозависимость.

Реконструкция среды обитания и динамики погребенных ландшафтов позволили выйти на реальную поселенческую стратегию палеонаселения, не связанную с флуктуациями Заболотского озера.

Таким образом, в ходе геоархеологических изысканий был внесен весомый вклад как в постижение геохронологии событий и геоморфологии региона, так и в понимание процесса первоначального освоения Дубнинской низменности. Эти результаты объективнее тех, которые были получены традиционными археологическими способами с привлечением естественнонаучных данных [Замостье 2 ... , 2013; Стоянка ... , 2018]. Все сказанное определяет оптимизм в перспективу реализации и развития геоархеологического подхода. Надеюсь, что опыт его практического применения может представлять интерес особенно для молодого поколения.

Список литературы

- Замостье 2: озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита – неолита в бассейне Верхней Волги / под ред. В. М. Лозовского, О. В. Лозовской, И. Клементе Конте. СПб. : ИИМК РАН, 2013. 240 с.
- История плейстоценовых озер Восточно-Европейской равнины / под ред. В. И. Хомутова. СПб. : Наука, 1998. 406 с.
- Квасов Д. Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л. : Наука, 1975. 278 с.
- Медведев Г. И. Геоархеология. Сюжеты истории формирования // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск : Оттиск, 2008. С. 133–155.
- Сидоров В. В. Реконструкции в первобытной археологии. М. : Таус, 2009. 216 с.
- Сидоров В. В. Заболотское озеро. Развитие озерной системы // Археология Подмосковья. М. : ИА РАН, 2015. Вып. 11. С. 9–19.
- Сорокин А. Н. «Слоны» и «черепашки» геоархеологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 25. С. 3–18. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.25.3>
- Стоянка Замостье 2 и развитие природной среды Волго-Окского междуречья в голоцене / сост.: О. В. Лозовская, В. М. Лозовский. СПб. : ИИМК РАН, 2018. 214 с.
- Butzer K. W. Archaeology as Human Ecology. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 362 p.

Суворовский геоархеологический микрорайон. Восточный Сихотэ-Алинь

А. А. Крупянко

Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы, г. Владивосток

Suvorovsky Geoarchaeological Microdistrict. Eastern Sikhote-Alin'

А. А. Krupyanko

Research and Production Centre of the Historical and Cultural Expertise LLC, Vladivostok

На наш взгляд, при совокупности ряда специфических факторов, несомненный интерес представляет комплексное исследование четко определенных и обособлено ограниченных территорий через призму геоархеологии [Медведев, 2008] и социально-экономических составляющих геосистем [Геосистемы ... , 2008]. В нашем случае это реки Восточного Сихотэ-Алиня.

Актуальность заявленной темы, на наш взгляд, определяется уже тем, что при современном ярко выраженном биполярном отношении к сохранению даже зафиксированных ранее, много лет изучаемых объектов историко-культурного наследия, комплексное использование междисциплинарных знаний и возможностей, может позволить обратить внимание на озвученную проблему.

Бассейн р. Зеркальной связан с юго-восточной экспозицией горной системы Сихотэ-Алинь. Основная масса археологических объектов сосредоточена в среднем течении в 25–30 км от устья реки. Территория активно изучалась археологами в течении более полувека и считается одной из самых изученных в этом плане в Приморье. В пределах этой части долины выделяются три зоны концентрации: террасы обоих берегов р. Зеркальной в 3,5–4,5 км ниже по течению от с. Устиновка; долины и междуречье ее притоков – рек Курчумки и Садовой (правый берег в районе с. Суворово); стоянки левого берега у с. Богополь.

На сегодняшний день в окрестностях с. Суворово известно, как 10 объектов с индексом Суворово I–X и пять «именных» (Суворово-городище, Суворово-Мастерская, Усть-Садовая-I, Суворово-Петровичи, Суворово-Вовин дом (рис.), так и ряд, по разным причинам, незадокументированных местонахождений. В процессе изучения обозначенной территории были сделаны попытки систематизации их локализации [Крупянко, Табарев, 1996, 2004; Голохвастов, 2018].

Археологические объекты четко привязаны к «локальной» геосистеме правых притоков р. Зеркальной (Садовая – Курчумка) и перекрывают хронологически период социо-экономического освоения геосистемы р. Зеркальной в целом (от верхнего палеолита до позднего средневековья). Это утверждение документируется как 29 радиоуглеродными датами от 15,5 тыс. л. н. до рубежа эр, так и археологическим материалом, полученным при площадных раскопках ОАН «Суворово-городище» и «Усть-Садовая-І».

Рис. Суворовский геoarхеологический микрорайон

Рассматриваемая территория, в определенные периоды времени, активно изучалась археологами, а также осваивалась местным населением. При мониторинге современного состояния точно зафиксированных и хорошо документированных объектов археологического наследия [Крупянку, Табарев, 2004], мы столкнулись с неконтролируемым хозяйственным и промышленным освоением территории.

Мы не ставили перед собой вопрос решения глобальных, обозначенных в актуальности темы, проблем. В наши задачи входила попытка приглашения заинтересованных специалистов к совместным действиям по дальнейшему междисциплинарному изучению и активизации деятельности по охране, археологического, историко-культурного наследия, иллюстрируя его богатство и информативность на примере георхеологического микрорайона на япономорском побережье Российского Приморья.

Список литературы

- Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI веков : в 3 т. Владивосток : Дальнаука, 2008. Т. 1 : Природные геосистемы и их компоненты. С. 13–19.
- Голохвастов М. В. Картирование объектов археологического наследия в долине реки Курчумки // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. СПб. : Росток, 2018. С. 62–65.
- Крупянка А. А., Табаров А. В. Археологические памятники у с. Суворово (Приморский край): опыт выделения архео-экологической системы // Каменный век тихоокеанских побережий. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1996. С. 159–169.
- Крупянка А. А., Табаров А. В. Древности Сихотэ-Алиня. Археология Кавалеровского района. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2004. 76 с.
- Медведев Г. И. Георхеология. Сюжеты истории формирования // Антропоген. Палеоантропология, георхеология, этнология Азии. Иркутск : Отгиск, 2008. С. 133–155.

Некоторые результаты геoarхеологических исследований древностей Кузнецко-Салаирской горной области⁴

В. В. Бобров^{1,2}, А. Г. Марочкин²

¹Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

²Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, г. Кемерово

Some Results of Geoarchaeological Research on the Antiquities of Kuznetsk-Salair Mountain Region

V. V. Bobrov¹, A. G. Marochkin²

¹Kemerovo State University, Kemerovo

²Institute for Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo

Общеизвестен приоритет теоретических исследований Г. И. Медведева в формировании геoarхеологии, как научного направления, с определением предметной зоны и познавательных границ, методическим алгоритмом анализа геoarхеологических объектов [Волосова, 2023]. Заложенный им в 1980–1990 гг. базис получил широчайшее развитие и внедрение в первую очередь из-за высокой продуктивности применения методов наук о земле при изучении археологического контекста в рамках конкретной территории или отдельного памятника.

Не вдаваясь в полемику о характере взаимосвязи культурно-исторического и геoarхеологического подходов к изучению дописьменной истории, отметим важность последнего для изучения взаимодействия человеческих обществ с окружающей средой, а в источниковедческом аспекте – для воссоздания процессов формирования археологического памятника как потенциального источника.

Обозначим некоторые результаты реализации геoarхеологического подхода к изучению древностей Кузнецко-Салаирской горной области (юго-восток Западной Сибири).

Во-первых, важным итогом стало формирование региональной геoinформационной системы «Археологическое наследие Кузбасса», аккумулирующей данные о территориальном распределении и ландшафтно-геоморфологической специфике более тысячи геoarхеологических объектов палеолита, мезолита и неолита, палеометалла, средневековья и нового времени [Плац, 2022; Плац, Веретенников, Горлышкин, 2022]. Создана унифицированная система атрибутов, отражающая более двадцати параметров ба-

---

⁴ Работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН по теме: «Динамика культурно-исторических процессов в Сибири и сопредельных районах Центральной Азии от древности до Нового времени: тенденции и локальная специфика» (№ гос. регистрации 1023032300037-2-6.1.2).

звой характеристики каждого объекта, с последующим выходом на уровень обобщения массивов данных по конкретным территориям [Плац, Марочкин, 2022; Плац, 2025]. С учетом высокой вариативности ландшафтных условий Кузбасса (степи, лесостепи, горно-таежные массивы), поиск культурно-хронологических закономерностей в древних и средневековых практиках освоения пространства строится по принципу территориальных моделей на материалах Среднего Притомья и Мариинской лесостепи [Археологические ... , 2021].

Самостоятельной проблематикой является анализ возможностей использования цифровых моделей отдельных геоархеологических памятников как элементов общерегиональной ГИС. Методологической базой подхода выступает переход от территориальных обобщений к анализу локальной ландшафтной специфики, а затем к анализу геопространственных характеристик естественных и антропогенных составляющих культурного слоя и связанных с ним археологических объектов [Егорченко, 2023; 2024]. Рассматриваемые в едином геоинформационном контуре результаты дистанционного зондирования земли (аэрофотограмметрия и LIDAR-сканирование микрорельефа, геофизические исследования) и полученные во время раскопок данные (трехмерная модель пространственного распределения вещественных остатков и геостратиграфия) формируют новый тип высокоинформативного источника. Практическая апробация заявленного подхода подтверждается созданием хроностратиграфических моделей поселенческих памятников с выраженным компрессионным характером культурного слоя в Кузнецкой котловине [Первые ... , 2024; Хронологические ... , 2023].

Во-вторых, в 2022–2025 гг. впервые реализована научно-исследовательская программа по реконструкции истории изменения окружающей среды человека на севере Кузнецкой котловины [Человек ... , 2025]. Исследования строились на синергии методов археологии, четвертичной геологии и микропалеонтологии при изучении стратифицированной стоянки Писаная-4 (бассейн р. Томи). Установлено, что конец плейстоцена и ранний голоцен характеризовались степными ландшафтами; условия окружающей среды в периоды неолита и энеолита были суше современных; увлажнение климата произошло в бронзовом веке; становление современных условий произошло менее 3000 л. н. – в период раннего железа.

В настоящее время поставлена задача масштабирования полученных результатов для всей Кузнецкой межгорной котловины на базе междисциплинарного изучения новых геоархеологических разрезов в бассейнах рек Томь и Иня.

Немаловажное место в геоархеологических исследованиях в Кузнецко-Салаирской горной области и на сопредельных территориях занимает изучение сырьевых ресурсов в системе жизнеобеспечения древних этнокультурных объединений. Результатом петрографического анализа явились

направления поставки каменного сырья в районы лесостепной Барабы, одно из которых было связано с западной периферией южносибирского региона (В. В. Бобров, А. В. Веретенников). Цветная металлургия популяций эпохи бронзы и РЖВ региона была основана на сырье Минусинского горного центра, но не исключала и местную руду (А. С. Савельева). Изучение гончарного производства предусматривает исследование сырья, как его основы. В регионе в этой области изучения работы выполняет А. Ю. Юракова.

Региональная практика подтверждает эффективность и высокую научную продуктивность геоархеологического подхода при решении частных научных задач. Обозначенные результаты предварительны, характеризуют первый опыт и создают задел для дальнейших исследований. Существенное воздействие на результаты этого опыта оказала индивидуальная спецподготовка по конкретным направлениям в рамках мультидисциплинарного подхода.

Отметим, что изначальные утверждения о приоритете доказательных возможностей геоархеологического подхода относительно культурно-исторического базирования на научной практике палеолитоведения. Сейчас доказана состоятельность методов геоархеологии при изучении объектов всех археологических периодов. При должном применении эти методы способны значительно повысить фундированность реконструкции тех аспектов социокультурной динамики, которые были непосредственно связаны с адаптациями к изменениям природной среды и ресурсной обеспеченности.

Список литературы

- Археологические микрорайоны и проблемы культурной хроностратиграфии на юге Томь-Чулымья (неолит – палеометалл – средневековье) / А. Г. Марочкин, П. В. Герман, А. С. Савельева, И. А. Плац, А. В. Веретенников // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 37–44. <https://doi.org/10.17223/19988613/69/5>
- Волосова Е. Б. Методологические исследования Г. И. Медведова // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 44. С. 87–98. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.44.87>
- Егорченко С. Е. Проблемы и перспективы создания «цифровых двойников» археологических памятников // Развитие-2023 : сб. тр. конф. Кемерово, 2023. С. 198–218.
- Егорченко С. Е. Междисциплинарные методы создания цифровых моделей ландшафта и культурного слоя археологических памятников // Развитие – 2024 : науч. электрон. изд. Кемерово, 2024. С. 194–210.
- Первые результаты археолого-геофизических исследований городища «Лебеди-Ш» / О. А. Позднякова, С. Е. Егорченко, Д. А. Кулешов, А. Г. Марочкин // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, № 3. С. 95–108.
- Плац И. А. Свод археологических памятников северо-востока Кузбасса: опыт пространственного анализа в ГИС // Развитие-2022 : науч. электрон. изд. Кемерово, 2022. С. 339–354.
- Плац И. А. Археологические памятники в бассейне реки Яя : свидетельство о регистрации базы данных RU 2025621373. 26.03.2025.
- Плац И. А., Марочкин А. Г. Археологические памятники в среднем течении р. Томь : свидетельство о регистрации базы данных RU 2022620773. 08.04.2022.
- Плац И. А., Веретенников А. В., Горлышкин Н. Е. Разработка археологической ГИС Кузбасса: первые результаты и перспективы использования // Кузбасс: образование, наука, инновации. Вклад молодежи в развитие научно-образовательного центра «Кузбасс» : материалы X инновац. конвента. Кемерово, 2022. С. 385–389.
- Хронологические комплексы поселения Анисимово I: результаты спасательных раскопок 2023 года / А. Ю. Юракова, С. А. Васютин, Н. Е. Горлышкин, С. Е. Егорченко, А. Г. Марочкин, Ю. С. Беляева, И. А. Плац // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 977–986. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2023.29.0977-0984>
- Человек и окружающая среда в конце неолейтоцена – голоцене севера Кузнецкой котловины (по материалам памятника Писаная 4) / С. В. Лецинский, А. Г. Марочкин, Е. М. Бурканова, Е. А. Осипова, А. Ю. Юракова, А. В. Веретенников, А. Т. Джуманов // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Красноярск, 2025. Т. 3. С. 289–291.

Трехмерное моделирование как инструмент визуализации каменных артефактов: преимущества и недостатки⁵

А. Б. Спасибко, Д. П. Золотарев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Three-dimensional Modeling as a Means of Effective Illustration of Stone Artifacts

A. B. Spasibko, D. P. Zolotarev

Irkutsk State University, Irkutsk

Традиционные способы визуализации каменных артефактов (фотография и археологический рисунок) имеют как ряд преимуществ, так и некоторые ограничения [Трехмерная ... , 2022]. Применение технологий трехмерного моделирования позволяет оптимизировать и автоматизировать процесс подготовки иллюстраций. Целью работы является оценка преимуществ и недостатков использования трехмерного моделирования при визуализации каменных артефактов.

По нашему мнению, наиболее эффективным и качественным способом визуализации каменных артефактов является создание трехмерных моделей и подготовка изображений на их основе. В результате трехмерного моделирования получается точная, воспроизводимая и аналитически насыщенная цифровая копия артефакта. За последние годы усовершенствование аппаратных и технических возможностей позволили повысить качество и результативность использования трехмерных моделей. Во-первых, развитие технологий позволило снизить стоимость высокоточного оборудования, а единая процедура сканирования дает возможность оператору достаточно быстро освоить новые модели 3D-сканеров. Во-вторых, наличие объективов, сравнимых по характеристикам с оборудованием для профессиональной фотографии, позволяет качественно передать текстуру предмета, а дополнительные программные расширения для постобработки 3D-моделей минимизируют отклонения при «склеивании» отдельных текстур. В-третьих, развитие технологий преодолело прежние ограничения и расширило диапазон предметов, недоступных ранее для оцифровки, в том числе артефакты темных оттенков, двух и более цветов высокой контрастности, с высокой степенью прозрачности или зернистой структурой. В-четвертых, высокая степень автоматизации при сканировании и рендеринге позволила сократить время работы, а также минимизировать субъективность восприятия и влияние человеческого фактора на результат.

---

⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке ИГУ в рамках темы № 091-25-324.

Однако такой способ не лишен недостатков, которые на текущем уровне развития инструментария (оборудование, программное обеспечение) не могут быть решены при помощи технологических улучшений. Наш опыт, связанный с процессом создания 3D-моделей и двумерных изображений на их основе, позволил выявить некоторые недостатки.

Во-первых, настройка и калибровка оборудования, подготовка артефакта к сканированию (фиксация и иногда матирование поверхности артефакта) и его последующая оцифровка, постобработка 3D-модели и рендеринг требуют значительных временных (от получаса до двух часов) и вычислительных ресурсов. Последние во многом зависят от технических возможностей компьютера (несмотря на возможные способы упрощения процесса работ) [Трехмерная ... , 2022]. Поэтому все вышеперечисленные этапы требуют определенных практических навыков работы как с оборудованием, так и с программным обеспечением.

Во-вторых, в среднем трехмерная модель одного каменного артефакта, в зависимости от сложности геометрии и уровня детализации, занимает небольшой объем (ок. 100 Мбайт). Однако, если в работе используется большая выборка предметов, то для хранения такого объема данных потребуется значительное количество свободной памяти на устройстве или использование внешних систем хранения (диски, облачное хранилище, сервер).

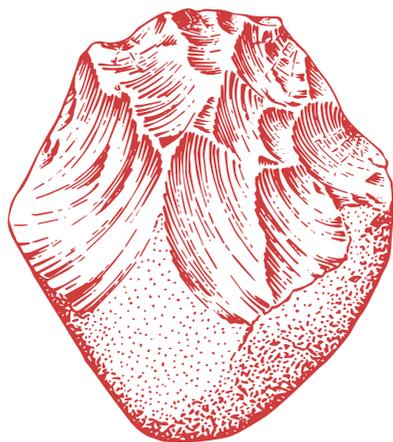
В-третьих, сложность проверки геометрии трехмерных моделей на начальных этапах сканирования часто не позволяет зафиксировать ошибки для их оперативного исправления. Несмотря на это, нами установлено, что сканирование при качественной калибровке оборудования, позволяет получить точную и детализированную модель артефакта, в отличие от фотографии и археологического рисунка, качество которых напрямую зависит от субъективного восприятия и опыта художника/археолога.

На наш взгляд, трехмерное моделирование, дополняя традиционные способы визуализации каменных артефактов, позволяет обеспечить более высокий уровень точности, детализации и объективности при визуализации конкретного артефакта, а также минимизирует субъективное восприятие исследователя.

Список литературы

- Трехмерная визуализация в археологических исследованиях : корреляц. исслед. / Е. Н. Бочарова, П. В. Чистяков, Р. К. Жданов, К. А. Колобова // Сибирские исторические исследования. 2022. № 3. С. 147–167. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/9>

РОД НОМО И РАННИЕ ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ИМ СЕВЕРНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

О первоначальном расселении человека в Сибири⁶

М. В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

About the Initial Human Settlement of Siberia

M. V. Shunkov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk

Среди научных приоритетов Г. И. Медведева, связанных с изучением древней истории Сибири, одно из главных мест занимали исследования древнейших палеолитических объектов на территории Южного Приангарья в контексте глобальной проблемы первоначального заселения человеком Северной Евразии. В ходе многолетних экспедиционных работ им были открыты и исследованы десятки палеолитических комплексов, среди которых в качестве древнейших рассматривались местонахождения кварцитовых изделий со следами сильной эоловой обработки, зафиксированные на высоких отметках склонов и на техногенных пляжах вдоль правобережья Ангары.

В настоящее время материалы древнейших палеолитических местонахождений, известных на территории Сибири, свидетельствуют, что ее первоначальное заселение происходило, скорее всего, с юго-запада, с низкогорных и предгорных районов Алтайского нагорья, где известны наиболее древние палеолитические объекты Карамы, Улалинка и МК I. Древнейшие культуросодержащие слои Карамы свидетельствуют о появлении здесь ранних гомининов, находившихся, видимо, на стадии *Homo erectus*, около 800 тыс. л. н. Эректусы пришли на территорию Алтая с первой миграционной волной из Африки, продвигаясь в северо-восточном направлении через Ближний Восток, Переднеазиатские нагорья и западные районы Центральной Азии.

Хроностратиграфическая колонка Карамы свидетельствует, что предшественники первой миграционной волны обитали на Алтае на протяжении почти всей первой половины среднего плейстоцена, за исключением фазы относительного похолодания MIS 18. После холодного максимума, следующего гляциала MIS 16, ранние гоминины, скорее всего, ушли в районы с более умеренным климатом или, не сумев адаптироваться к изменившимся ландшафтно-климатическим условиям, прекратили существование. В любом случае на этой территории наступает длительный перерыв в развитии палеолитической культуры, который закончился около 300 тыс. л. н. с появлением на Алтае денисовцев – носителей среднепалеолитических культурных традиций.

---

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00069, <https://rscf.ru/project/24-18-00069/>.

Если на Алтае с середины среднего плейстоцена начинается становление культуры среднего палеолита, то в других районах Сибири этот период вплоть до начала верхнего плейстоцена включительно ассоциируется с распространением галечных индустрий раннепалеолитического облика. Среди них самой архаичной является индустрия Диринг-Юрхя на Средней Лене с примитивной техникой дробления камня и грубой оббивкой галечных макроорудий. Более развитой выглядит индустрия местонахождения Торгалык в Туве, в составе которой удлиненные сколы, снятые с уплощенных нуклеусов, и простейшие формы бифасиально обработанных орудий. Кварцитовые изделия со следами эоловой корразии обнаружены на севере Минусинской котловины. В составе подъемных сборов на пляжах Красноярского водохранилища выделены дисковидные нуклеусы, чопперы и галечные орудия с шиповидным выступом.

Наибольшим технико-типологическим разнообразием обладают древнейшие ангарские индустрии. Для них характерны хорошо отработанные приемы бифасиально-радиального, конвергентного и параллельного расщепления, заготовки преднамеренно заданной формы, разнообразие скребла и другие специализированные орудия. Судя по геоморфологической позиции открытого экспонирования и условиям относительной стратификации, а также степени эоловой корразии поверхности, эти находки датируются, скорее всего, не моложе первого гляциала верхнего плейстоцена. Вместе с тем неоднократное переотложение коррадированного материала, отсутствие данных биостратиграфии и геохронологии затрудняют более точную оценку его геологического возраста. В такой ситуации важным показателем относительной древности палеолитических галечных изделий, по мнению Г. И. Медведева, является степень механического повреждения их поверхности ветровыми процессами в пустынных обстановках древности, при этом артефакты с признаками сильной ветровой эрозии следует рассматривать, как древнейшие, минимальный геологический возраст которых оценивается второй половиной среднего плейстоцена [Медведев, 2001]. Однако материалы местонахождения Балышово на Верхней Лене, свидетельствующие о формировании следов сильной эоловой корразии в условиях первого гляциала верхнего плейстоцена [Задонин, 1992], заставляют крайне осторожно подходить к более ранней датировке коррадированных галечных изделий, пока они не будут обеспечены надежными литологическими или биостратиграфическими показателями. Кроме того, в общий контекст развития древнейших технологий Приангарья плохо вписываются материалы местонахождения Георгиевское I [Роговской, 2008], демонстрирующие в хронологических рамках начала верхнего плейстоцена MIS 5e крайне архаичную галечную индустрию, но без следов эоловой корразии.

Список литературы

- Задонин О. В. Палеолитическое местонахождение Балышово I на Лене // Раннепалеолитические комплексы Евразии. Новосибирск : Наука, 1992. С. 124–133.
- Медведев Г. И. О геостратиграфии ансамблей эолово-коррадированных артефактов Байкальской Сибири // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 267–272.
- Роговской Е. О. Результаты исследований местонахождения Георгиевское I в Южном Приангарье // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. С. 63–71.

Ранний палеолит Вьетнама: проблема интерпретации⁷

А. В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

The Early Paleolithic of Vietnam: The Problem of Interpretation

A. V. Kandyba

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk

Проблема первоначального заселения Евразии и появления раннепалеолитических индустрий в различных частях материка является одной из самых сложных в современном палеолитоведении. И наиболее трудным для интерпретации моментом является определение культурно-хронологической эпохи посредством типологического описания каменного инвентаря. Эти трудности возникают, как по объективным причинам (отсутствие надежного геологического и биологического контекста), так и по субъективным (принадлежность определенной научной парадигме). В результате этого возникают спорные моменты в археологии палеолита в первую очередь об оценке возраста подъемных археологических комплексов. А для таких регионов, как Юго-Восточная Азия, где облик каменного инструментария претерпевал незначительные изменения в течение всего плейстоцена, эти проблемы могут послужить отправными точками для дискуссий.

Одной из таких тем является культурно-хронологическая принадлежность подъемных комплексов Горы До, обнаруженных в 1960 г. вьетнамскими учеными при участии советского археолога П. И. Борисковского, которые были отнесены к эпохе раннего палеолита. Также в 1960 г., в ходе продолжающихся геологических исследований бассейна р. Меконг, был обнаружен комплекс разновременных местонахождений на плато Суанлок, получивший такое же название. Из всего ансамбля стоянок к раннему палеолиту французским исследователем Э. Сореном были отнесены местонахождения с поверхностным залеганием археологического материала Заузэй и Нянзя. По данным Э. Сорена, на стоянке Нянзя были обнаружены три бифасиальных орудия, похожих на типичные ашельские, пять треугольных и три многосторонних орудий типа пик, кливер, скребок, рубящее изделие и бола, а на стоянке Заузэй, были найдены ручное рубило, два скребка, кливер и треугольное орудие типа пик.

В свете открытий раннепалеолитических индустрий на территории Юго-Восточной Азии, таких как байсэ и анкхе, представления о морфоло-

---

⁷ Исследование проводилось в рамках выполнения госзадания ИАЭТ СО РАН FWZG-2024-0001 «Каменный век Азии: общие тенденции и региональная специфика».

гии каменных изделий сильно изменились и продемонстрировали совершенно другой орудийный типологический ряд, включающий в себя различные категории нуклеусов, бифасов (орудия с двусторонней обработкой), орудий типа пиков, орудий с намеренно выделенным острием в виде носика (шипа), скребел различной модификации, рубящих орудия типа чопперов и чоппингов, зубчатых и выемчатых изделий. Для получения сколов-заготовок использовались простые монофронтальные нуклеусы с минимальной подготовкой одной или двух площадок. Преобладает поперечная ориентация скалывания. Практически нет сильно сработанных нуклеусов, на большинстве ядрищ можно проследить лишь одну серию первичных снятий. Очень мало радиальных ядрищ. Сколы, как потенциальные заготовки, играли второстепенную роль. Об этом свидетельствуют и отщепы, извлеченные из культуросодержащих горизонтов, которые не подверглись в дальнейшем вторичной обработке. В целом эту индустрию можно назвать галечной, подавляющее большинство орудий сделано из галек, только отдельные скребла, зубчатые и выемчатые орудия небольших размеров оформлены на сколах. Среди орудий преобладают орудия типа пик, изделия с выделенным острием-носиком, чопперовидные и чоппинговидные инструменты. Реже встречаются скребла и выемчатые изделия. Специфической особенностью этой индустрии можно определить двусторонне обработанные орудия (бифасы). Бифасиальные изделия, иногда называемые ручными рубилами и являющиеся одними из ярких маркеров каменного инструментария раннего палеолита, также оформлены на гальках и имеют совершенно другую технику изготовления.

Таким образом, это указывает на то, что подъемный комплекс Горы До и комплекса Суанлок не относится к эпохе палеолита, тем более раннего. Все это демонстрирует невероятную сложность применения технико-типологического метода для определения культурно-хронологического контекста археологических комплексов Юго-Восточной Азии и проблемность шаблонного использования типологического ряда.

Статус «все сложно»: новые данные по среднему палеолиту Западного Тянь-Шаня

К. К. Павленок⁸

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

“It's Complicated” Status: New Data on the Middle Paleolithic of the Western Tien Shan

K. K. Pavlenok

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk

В результате работ последнего десятилетия произошло увеличение количества и разнообразия среднепалеолитических объектов и индустрий Западного Тянь-Шаня.

В научных дискуссиях рубежа XX и XXI вв. доминировали гипотезы, постулирующие относительно монотонный характер развития среднепалеолитических индустрий этого региона (представлены комплексы, ориентированные на производство пластин) [Вишняцкий, 2008; Деревянко, 2011; Кривошапкин, 2012]. Однако новые открытия требуют усложнения региональной классификационной схемы этого периода.

В каменной индустрии стоянки Каттасай-1 (35–38 тыс. л. н.) [Новый ... , 2015; Katta ... , 2014; Middle ... , 2021] идентифицированы три основные схемы расщепления камня: наиболее распространенная, основанная на поперечной ориентации нуклеуса и центростремительном скальвании заготовок; однонаправленное, либо встречное параллельное скальвание удлиненных отщепов и пластин; снятие сколов в конвергентном направлении. Несерийная модель производства заготовок, частое использование поперечной ориентации нуклеуса, нецелевая роль присутствующих в индустрии пластин (технические снятия типа *débordant*), а также исключительно среднепалеолитический орудийный набор (скребла и сколы с ретушью) резко обособляют комплекс Каттасая-1 от пластинчато-ориентированных среднепалеолитических индустрий региона и близких по хронологии комплексов культулукской верхнепалеолитической культуры.

Результатом комплексного изучения стоянки Куксарай-2 (МИС 3–5с), которая исследовалась в 2021–2024 гг. [Культурная ... , 2024; New ... , 2022], стало обоснование присутствия нескольких технико-типологических компонентов в индустрии. Если в индустриях слоев, сформированных во время МИС 3 и 4\5a, было зафиксировано сочетание нескольких плоскостных и объемной пластинчатой стратегий расщепления камня, то более древ-

---

⁸ Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0009 «Центральная Азия в каменном веке: культура, хронология, палеоэкология».

ние материальные комплексы МИС 5 (b–e), имели в своей основе плоско-стную среднепалеолитическую технологию. Также в них присутствуют формы, соотносимые с остройной леваллуазской технологией и практикой изготовления орудий на отдельностях породы. При этом в индустриях Куксарая-2 наличествуют единичные нуклеусы-резцы, торцовые формы ядрищ для пластинок и пластины. Представлены орудия с двусторонней обработкой, а также изделия, свойственные «сельунгурской» индустрии Памиро-Алая [Middle ... , 2020].

Многообразие подходов к утилизации каменного сырья в индустриях указывает на то, что в среднем палеолите территория Западного Тянь-Шаня могла посещаться разнокультурными группами древнего населения.

Список литературы

- Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 247 с.
- Дервянко А. П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.
- Кривошапкин А. И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.
- Культурная мозаика среднего палеолита Западного Тянь-Шаня: стоянка Куксарай 2 / К. К. Павленок, С. А. Когай, П. М. Сосин, Е. А. Филатов, А. С. Деревнина, Н. М. Петржик, Р. Н. Курбанов, Г. А. Мухтаров, А. И. Кривошапкин // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5. С. 56–71.
- Новый индустриальный вариант среднего палеолита в западном Тянь-Шане / А. П. Дервянко, К. К. Павленок, С. В. Шнайдер, М. Кот, К. Шимчак, М. Крайцарж, С. Ю. Лазарев, А. Раджабов, М. Хужаназаров // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 53–57.
- Katta Sai: a Palaeolithic site in the Tian Shan piedmont, Uzbekistan, Central Asia / M. Kot, K. Pavlenok, A. Radzhabov, S. Sneider, K. Szymczak // *Antiquity*. 2014. Т. 88. № 340.
- Middle Paleolithic technological diversity during MIS 3 in the Western Tian Shan piedmonts: Example of the Katta Sai 1 open -air loess site / K. Pavlenok, M. Kot, G. Pavlenok, M. T. Krajcarz, M. Khudjanazarov, M. Leloch, K. Szymczak // *Archaeological Research in Asia*. 2021. Vol. 25. P. 100262. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2021.100262>
- Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave / A. Krivoshapkin, B. Viola, T. Chargynov, M. T. Krajcarz, M. Krajcarz, S. Fedorowicz, S. Shnaider, K. Kolobova // *Quaternary International*. 2020. Vol. 535. P. 88–103. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.09.051>
- New evidence for mountain Palaeolithic human occupation in western Tian Shan piedmonts, eastern Uzbekistan / K. Pavlenok, M. Kot, P. Moska, M. Leloch, G. Mukhtarov, S. Kogai, M. Khudjanazarov, A. Holmatov, K. Szymczak // *Antiquity*. 2022. Vol. 96, Is. 389. P. 1292–1300. <https://doi.org/10.15184/aqy.2022.99>

Продукты леваллуазского расщепления в среднепалеолитических комплексах Денисовой пещеры: материалы восточной галереи⁹

А. С. Деревнина

*Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск*

Levallois Products in the Middle Paleolithic Complexes of Denisova Cave: Materials from the East Chamber

A. S. Derevnina

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk
Novosibirsk State University, Novosibirsk*

Регулярное использование леваллуазского метода расщепления древними обитателями Денисовой пещеры фиксируется с эпохи МИС 6. К периоду наибольшего распространения этой технологии в индустриях восточной галереи относятся комплексы среднего палеолита, связанные с литологическими слоями 13–11.3, накапливавшимися в интервале от 156 ± 15 до 70 ± 8 тыс. л. н. [Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020]. В данной работе для исследования привлечены серии отщепов из слоев 12–11.3.

Ранее проведенный анализ коллекций леваллуазских изделий из восточной галереи показал направленность первичного расщепления на получение отщепов и остроконечников и использование при этом различных вариантов метода [Деревнина, Козликин, 2025б]. И если указанные острия в большинстве своем являются продуктами типичного леваллуазского конвергентного расщепления [Деревнина, Козликин, 2025а], то для отщепов характерно скорее отклонение от технологического канона. Лишь на наиболее древних материалах, приуроченных к средней стадии среднего палеолита, фиксируются исключительно привычные компоненты оформления леваллуазских изделий – конвергентная встречная огранка дорсальной поверхности, срединно-выпуклая ударная площадка, подготовленная множеством сколов, латеральные подправки поперечными снятиями. В единичных случаях наблюдается типичная «черепаховидная» форма отщепов.

При переходе к развитому среднему палеолиту отмечается смена определяющего подхода к оформлению ядрищ. На фоне преобладания заготовок с конвергентной огранкой получают распространение образцы с ортогональным оформлением дорсальной поверхности, что свидетельствует об интенсивном использовании латеральных подправок при формировании объема фронта. Среди ударных площадок прослеживаются не только срединно-выпуклые, но и прямые с несколькими гранями, а помимо обратного

---

⁹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 24-78-10006.

редуцирования карниза наблюдается как прямое, так и совокупность обоих вариантов на одном изделии или же отсутствие подправки.

Отщепы из коллекции заключительной стадии среднего палеолита, в отличие от изделий из нижележащих слоев, характеризуются параллельной одно- или бинаправленной огранкой дорсальной поверхности. Соотношение срединно-выпуклых и прямых ударных площадок остается сходным с показателем для отщепов из подстилающего слоя, составляя в среднем 1:1. Тем не менее, превалирует обратное редуцирование карниза площадки; случаи совмещения различных вариантов подправки единичны.

Стоит отметить, что, при сохранении, в целом, относительно сходных линейных параметров отщепов на протяжении всех среднепалеолитических стадий, среди материалов заключительного этапа наблюдаются предметы более удлинённых пропорций. Несомненно, это еще отщепы, но уже отходящие от классического соотношения параметров – рядом исследователей подобные предметы выделяются в категорию «пластинчатых отщепов» [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994]. По мере смены стадий среднего палеолита и приближения к начальному верхнему палеолиту проявляется все большее стремление к переходу от отщеповой к пластинчатой направленности расщепления, а конвергентное скалывание постепенно уступает параллельному. Данные характеристики применимы для разных продуктов леваллуазского расщепления в комплексах восточной галереи Денисовой пещеры – отщепов, пластин, острий [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994; Деревнина, 2025] – и дополняются данными анализа нуклеусов, что позволяет предположить единую линию развития метода в рамках исследуемой индустрии.

Список литературы

- Деревнина А. С. Пластины леваллуа в среднем палеолите Алтая (по материалам Денисовой пещеры) // Сборник материалов LXV Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2025. С. 45–47.
- Деревнина А. С., Козликин М. Б. Древнейшие леваллуазские острия в среднем палеолите Алтая // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Красноярск : Изд-во СФУ, 2025а. С. 126–128.
- Деревнина А. С., Козликин М. Б. К вопросу о вариативности леваллуазского метода в индустриях среднего и начального верхнего палеолита Денисовой пещеры // На северных рубежах Азии : сб. ст. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2025б. С. 21–24. <https://doi.org/10.17746/7803-0357-2.2025.021-024>.
- Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск : Наука, 1994. 228 с.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 3–32. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.3.003-032>

Культурный слой 5 Сухотинской мастерской как маркер распространения острейного леваллуа на северо-восток Евразии

П. В. Мороз¹, Н. О. Викулова¹, Ю. О. Истомин²

¹*Забайкальский научный центр ИИАЭ ДВО РАН, г. Чита*

²*Забайкальский государственный университет, г. Чита*

Cultural Layer 5 of the Sukhotino Workshop as a Marker of the Spread of the Pointed Levallois to the North-East of Eurasia

P. V. Moroz¹, N. O. Vikulova¹, Yu. O. Istomin²

¹*Transbaikalian Scientific Center IIAE FEB RAS, Chita*

²*Transbaikalian State University, Chita*

Одним из наиболее важных вопросов сибирского палеолитоведения в настоящее время является проблема распространения леваллуазских индустрий на северо-восток Евразии, на территории севернее и северо-восточнее Монголии. Для Забайкалья леваллуазские черты были обнаружены в индустриях Варваринной Горы, Санного Мыса и Толбаги, оцениваемые как индустрии РВП, где леваллуазские элементы были растворены в основной массе подпризматической техники расщепления. Подъемные материалы Восточного Забайкалья демонстрировали наличие отдельных предметов, включая нуклеусы, которые можно трактовать как леваллуазские, но без стратифицированных памятников СП, демонстрирующих отчетливую леваллуазскую традицию, говорить о явном ее присутствии на территории Забайкалья было преждевременно.

Ситуация во многом изменилась после открытия В. И. Ташаком памятника Бурун-Алан-1 в Западном Забайкалье [Ташак, 2015], демонстрирующего развитую леваллуазскую традицию в нижних культурных горизонтах стоянки-мастерской. В дальнейшем, в ходе изучения памятника, исследователями были обнаружены вполне убедительные свидетельства присутствия традиции получения леваллуазских острей, включая наличие соответствующих нуклеусов [Ташак, 2023]. Следует отметить, что Бурун-Алан-1 оказался не единственным стратифицированным памятником в Забайкалье, продемонстрировавшим леваллуазскую технологию расщепления, включая острейное леваллуа. Практически одновременно в Восточном Забайкалье были проведены раскопки на Сухотинской мастерской, объекте, известном с 80-х гг. XX в. и давшем уникальный материал. В нижнем культурном слое была выявлена яркая леваллуазская индустрия, а из основания культурного слоя 5 в последствии была получена OSL дата $66\ 400 \pm 3.97$ л. н. Данное открытие прошло слабо замеченным научной общественностью, по всей ви-

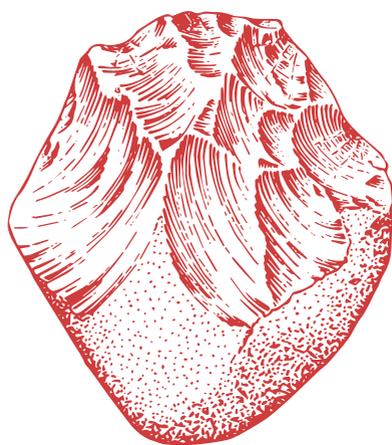
димости ввиду обзорного характера публикаций об этом уникальном объекте [Древняя ... , 2018]. Помимо отщеповой традиции леваллуазского расщепления в ходе работ 2019 г. были выявлены неоспоримые свидетельства наличия в к. с. 5 острейного леваллуа, в виде целого острья [Исследование ... , 2021; The easternmost ... , 2024] с характерной Y-образной огранкой дорсальной поверхности предмета, свойственной классическим индустриям. Изготовление острья на месте бесспорно, ввиду наличия ремонтажа из этого же культурного слоя и квадрата. В ходе раскопок 2025 г. на этом объекте в к. с. 5 выявлены нуклеусы для производства острей, а также атипичные первичные острья, что не оставляет сомнения в факте распространения острейного леваллуа в нижнем культурном слое памятника.

Таким образом, материалы к. с. 5 Сухотинской мастерской являются надежным маркером распространения острейного леваллуа на северо-восток Евразии, открывая широкие перспективы поиска археологических объектов СП на территории Восточного Забайкалья и российского Дальнего Востока.

Список литературы

- Древняя история Забайкальского края в свете новых археологических открытий / М. В. Константинов, С. Г. Васильев, Е. А. Филатов, Н. О. Викулова, С. В. Маслодудо // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 1. С. 9–19. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-1-9-19>
- Исследование Сухотинской мастерской в Восточном Забайкалье (по данным работ 2019 года) / П. В. Мороз, В. С. Славинский, А. А. Цыбанков, С. Б. Верещагин // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2021. С. 144–153. DOI: 10.31600/2310-6557-2021-24-144-152
- Ташак В. И. Леваллуазская индустрия Бурун-Алана-1 // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2015. Вып. 4. С. 229–339.
- Ташак В. И. Леваллуазские остроконечники в индустрии слоя 7г Барун-Алана-1 (Западное Забайкалье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 334–338. doi: 10.17746/2658-6193.2023.29.0334-0338
- The easternmost Late Middle Paleolithic and Initial Upper Paleolithic industries in Asia: assemblages of the Sukhotino workshop, Eastern Transbaikal, Russia / P. V. Moroz, V. S. Slavinsky, S. B. Vereshchagin, G. A. Yurgenson, Yu. V. Ryzhov, Ya. V. Kuzmin, A. A. Tsybankov // Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies. St. Petersburg. 2024. N 1. P. 24–40. DOI: 10.31600/2658-3925-2024-1-24-40

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИЙ
ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА,
МИКРОПЛАСТИНЧАТЫЕ ИНДУСТРИИ
И ПРОБЛЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ
ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ
В СЕВЕРНОЙ АЗИИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ

Ансамбли Олонского палеолитического пласта в системе среднего и верхнего палеолита Северной Азии

А. М. Кузнецов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Assemblages of the Olonki Paleolithic stratum in the Middle and Upper Paleolithic of Northern Asia

A. M. Kuznetsov

Irkutsk State University, Irkutsk

Олонский палеолитический пласт – условное объединение экспонированных ансамблей, обнаруженных Г. И. Медведевым на высоких поверхностях правого берега Ангары («ангарские горы») в районе с. Олонки Иркутской области. С момента открытия в конце 1960-х гг. эти материалы традиционно рассматривались в рамках раннего палеолита с возрастом около 200–250 тыс. лет, прежде всего на основе архаичного облика изделий и наличия следов эоловой корразии на поверхности артефактов [Медведев, 1975; Медведев, Алаев, Сокальский, 1978]. Однако подобная датировка опиралась в значительной степени на морфологический критерий и гипотезу о длительной эоловой обработке в условиях плейстоценовой криоаридной среды.

В последние годы в рамках возобновления работы по изучению феномена корразии в археологии Байкальской Сибири [Кузнецов, Липнина, Молчанов, 2024] была произведена ревизия накопленных материалов «ангарских гор», которая позволила предложить новую культурно-хронологическую интерпретацию. Методологической основой анализа выступил технико-типологический метод с последующим сопоставлением полученных данных с материалами среднего и верхнего палеолита Северной Азии.

Среднепалеолитический компонент пласта, составляющий основу коллекций Горы Глиняной и Горы Долгой [Кузнецов, 2025; Кузнецов, Спассико, 2026], характеризуется плоскостным и протопризматическим расщеплением галечного сырья при отсутствии развитой леваллуазской и пластинчатой техники. Орудийные наборы базируются в основном на простых типах скребел и различных зубчато-выемчатых формах. Почти все орудия имеют унифасиальную обработку. Чопперы, чоппинги, пики практически отсутствуют, также слабо выражена техника дробления. Облик индустрий находит определенные параллели в нелеваллуазских и нефасетированных ансамблях финального среднего палеолита Северной Азии. Это позволяет предполагать для данных комплексов возраст в рамках MIS 5 – начало MIS 3 (~130–50 тыс. л. н.).

Верхнепалеолитический компонент пласта наиболее отчетливо представлен в коллекции Горы Козьей. Он характеризуется доминированием призматического расщепления, ориентированного на получение пластин, наличием бифасиальных орудий и стандартизированных форм (овальные концевые скребки). Верхнепалеолитическая составляющая находит отражение и в материалах Горы Каменной, где, наряду со скребками и бифасами, зафиксирована серия специфичных галечных орудий, находящих аналогии в верхнепалеолитических комплексах Сибири [Абрамова, 1972]. Указанные особенности сближают этот компонент с индустриями средней поры верхнего палеолита региона в первую очередь с «классическим» комплексом стоянки Мальта. Присутствие же в сборках отдельных среднепалеолитических по облику артефактов может указывать на множественные эпизоды посещения ангарских высоких террас древним человеком.

Проведенные исследования ставят под сомнение изначальную концепцию Олонского палеолитического пласта как единой и хронологически однородной раннепалеолитической группировки. Вместо этого «пласт» содержит как минимум два разновременных и разнокультурных компонента. Степень корразии, ранее выступающая как хронометрический фактор, по итогам ревизии свидетельствует лишь об отдельных разновременных кратковременных эпизодах эоловой обработки артефактов, т. е. является исключительно тафономическим признаком.

Список литературы

- Абрамова З. А. Галечные орудия в палеолите Енисея (опыт типологии) // Палеолит и неолит СССР. Л.: Наука, 1972. Т. 7. С. 125–141. (МИА; № 185).
- Кузнецов А. М. Каменная индустрия экспонированного палеолитического ансамбля Гора Долгая (Южное Приангарье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21, № 2. С. 8–26. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-8-26>.
- Кузнецов А. М., Спасько А. Б. Экспонированный комплекс на Горе Глиняной (Южное Приангарье): типология, технология, периодизация // *Stratum Plus*. 2026. № 1. В печати.
- Кузнецов А. М., Липнина Е. А., Молчанов Д. Н. Эоловая корразия археологических комплексов: к постановке проблемы // *Stratum Plus*. 2024. № 1. С. 367–384. <https://doi.org/10.55086/sp241367384>
- Медведев Г. И. Местонахождения раннего палеолита в Южном Приангарье // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1975. Вып. 3. С. 3–36.
- Медведев Г. И., Алаев С. Н., Сокальский А. А. О топографии раннепалеолитических местонахождений на высоких террасах южного Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири: межвуз. сб. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-т, 1978. Вып. 4. С. 5–30.

Массовые концентрации костных остатков мамонтов в контексте свидетельств прошлой человеческой деятельности¹⁰

В. В. Питулько

*Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург*

Mass Concentrations of Mammoth Bone Remains as an Evidence of the Past Human Activity

V. V. Pitulko^{1,2}

¹*Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg*

²*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg*

Длительное сосуществование хоботных с человеком довольно часто вело к освоению их людьми в качестве ресурсной базы; эпизоды подобной деятельности известны уже в нижнем палеолите. Тогда малочисленные, они постепенно учащаются, несмотря на сокращение длительности соответствующих эпох (например, нижний vs. средний палеолит) [Haynes, 2022]. Для верхнего палеолита взаимодействие человека и мамонта, по причине использования дровяным человеком бивней и костей мамонтов в качестве сырья и для иных целей, в том числе, как полагают, домостроительства, становится уже фундаментальной характеристикой.

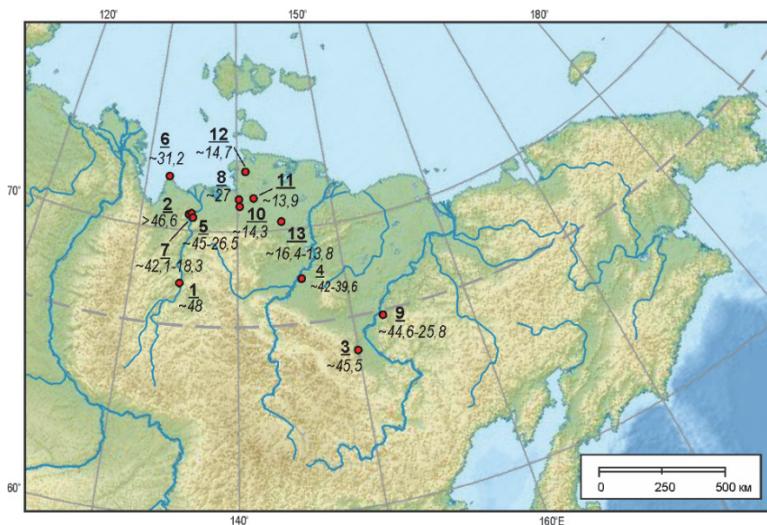
Среди объектов, содержащих костные остатки мамонтов, традиционно различают «стоянки» (поселения), скелетные залегания, мумифицированные трупы, часто мерзлые (обе категории – редкие), костеносные горизонты (слой, в котором кости составляют $\geq 5\%$ объема, литологически отличный от соседних), и массовые скопления костных остатков (МСКОМ). Причины их формирования разнообразны; по их природе различают водные, седиментологические и биогенные [Bonebeds ... , 2007], а среди последних – внутренние (связанные с деятельностью погибших организмов) и внешние (обусловленные действиями других животных), к которым принадлежат и антропогенные, сформированные прошлой деятельностью человека. В качестве таковых опознаются культуросодержащие горизонты, содержащие заведомые артефакты и структуры («стоянки»), однако в ряде случаев вклад человека в формирование подобных образований оценить непросто [Pitulko, Pavlova, Basilyan, 2016; From the Berelekh ... , 2024]. Геология и тафономия каждого такого местонахождения должны быть внимательно изучены, в противном случае, возникают устойчивые мифы, влияющие, в том числе, на судьбу таких объектов.

---

¹⁰ Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда, проект № 24-68-00031 «Первые в Арктике: комплексный анализ среды обитания древнего человека и его культуры в контексте палеогеографических изменений плейстоцена и голоцена арктической Восточной Сибири».

Так, неудачная интерпретация Берелёхского «костища» [Верещагин, 1977] в качестве природного «кладбища мамонтов», приобрела некоторую популярность и закрепилась в общественном сознании в качестве аргумента легитимации разграбления подобных объектов ради коммерческой добычи бивней, с особым размахом после 2003 г. Вместе с тем данная трактовка обусловила недостаток археологического интереса к изучению феномена МСКОМ, в связи с чем целый пласт информации оказался не востребован, а по сути – во многом утрачен.

Арктическая Восточная Сибирь (АВС) представляет собой особенную территорию. Общей чертой памятников всех этапов расселения человека в АВС являются свидетельства эксплуатации местных популяций мамонтов. Результатом этой деятельности являются МСКОМ, с которыми часто связаны археологические стоянки (рис.). Так, например, Янское МСКОМ достоверно является частью пространственной структуры Янского комплекса стоянок [Pitulko, Pavlova, Nikolskiy, 2017]. Показано [Pitulko, Pavlova, Basi-lyan, 2016], что МСКОМ, включая Берелёх [From the Berelekh ... , 2024], являются рукотворными образованиями и возникают в результате охоты человека на этих животных, что приводит к формированию «складов» (запасов сырья). Пищевое значение этого зверя, скорее всего, было ограниченным.

Рис. Археологические объекты (массовые скопления костных остатков мамонтов, МСКОМ) второй половины позднего плейстоцена арктической Восточной Сибири, составлено по данным из открытых источников:

1 – местонахождение Бунге-Толль-1885 (ВТ-1885); 2 – Пункт Верхний, Янский комплекс стоянок; 3 – Зырянка; 4 – Бадяриха; 5 – ЯММ (Янское МСКОМ, часть пространственной структуры Янского комплекса стоянок); 6 – Буор-Хая/Орто-Стан; 7 – Диринг-Айан; 8 – Илин-Сылах 034; 9 – Ирелях-Сиен; 10 – Илин-Сылахское МСКОМ; 11 – Озеро Никита; 12 – Урез-22; 13 – Берелёх. В знаменателе указан возраст объектов ($\times 1000$ л. н.)

МСКОМ имеют антропогенное происхождение и являются особым археологическим объектом, а их отложения представляют собой специфический культурный слой [Питулько, 2024]. На этом основании они должны быть признаны объектом государственной охраны наравне с иными памятниками археологии.

Список литературы

- Верещагин Н. К. Берелёхское «кладбище» мамонтов // Труды Зоологического института. 1977. Т. 72. С. 5–50.
- Питулько В. В. Многолетнемерзлые породы как археологическая среда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. 127 с.
- Bonebeds: genesis, analysis, and paleobiological significance / ed. by R. R. Rogers, D. A. Eberth, A. R. Fiorillo. The University of Chicago Press ; London, 2007. 490 p.
- From the Berelekh 'mammoth graveyard' to Berelekh geoarchaeological complex: site formation, paleoenvironment, and human-mammoth relationship / Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Dorozhkina M. V., Nikolskiy P. A., Basilyan A. E. // Quaternary Science Reviews. 2024. Vol. 334. P. 108692 DOI:10.1016/j.quascirev.2024.108692
- Haynes G. Late Quaternary Proboscidean Sites in Africa and Eurasia with Possible or Probable Evidence for Hominin Involvement // Quaternary. 2022. Vol. 5, Is. 1. P. 18. <https://doi.org/10.3390/quat5010018>
- Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Basilyan A. E. Mass accumulations of mammoth (mammoth 'graveyards') with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia // Quaternary International. 2016. Vol. 406. P. 202–217. DOI:10.1016/j.quaint.2015.12.039
- Pitulko V., Pavlova E., Nikolskiy P. Revising the archaeological record of the Upper Pleistocene Arctic Siberia: Human dispersal and adaptations in MIS 3 and 2 // Quaternary Science Reviews. 2017. Vol. 165. P. 127–148. DOI:10.1016/j.quascirev.2017.04.004

К вопросу об использовании отжима в мелкопластинчатом производстве раннего верхнего палеолита Алтая: экспериментальные данные¹¹

П. Ю. Плотникова

*Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск*

To the Issue about the Use of the Pressure Technique in Microblade Production of the Early Upper Palaeolithic of the Altai Mountains: Experimental Data

P. Yu. Plotnikova

*Novosibirsk State University, Novosibirsk
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk*

Метод производства мелких пластинчатых сколов является важным эпохальным маркером в контексте культурно-хронологической атрибуции каменных индустрий Горного Алтая. Время появления и характер использования техники отжима в регионе до сих пор остаются дискуссионными вопросами [Деревянко, Волков, 2004] и требуют специальных исследований, в том числе с применением экспериментального метода. Целью работы являлась разработка диагностических критериев идентификации техники отжима в ранних верхнепалеолитических индустриях Алтая на основе экспериментального моделирования.

Реконструкция метода расщепления базировалась на опубликованных данных о морфологии и технологическом облике мелкопластинчатого компонента ключевых стоянок Горного Алтая (Усть-Каракол-1, Ануй-1–3 и Денисова пещера) [Природная ... , 2003; Белоусова, 2022]. Предметом исследования являлась коллекция эталонов мелких пластинчатых сколов (n=193), полученная в рамках экспериментальных сессий в 2023 и 2025 гг. В процессе моделирования были реализованы восемь операционных последовательностей, направленных на производство мелких пластинчатых снятий из высококачественных пород сырья (туф, микрокварцит, роговик). При этом использовались три разных метода: 1) отжим мускульной силой руки с удержанием нуклеуса в ладони в небольшом деревянном зажиме с вырезанным пазом; 2) отжим с помощью составного Т-образного отжимника давлением от корпуса; 3) прямой удар роговым инструментом. Подготовка зоны расщепления производилась регулярно прямым редуцированием и пришлифовкой минеральным отбойником (67 г.).

---

¹¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10006.

В результате сравнительного анализа морфометрических характеристик сколов, полученных тремя методами, была уточнена диагностическая значимость атрибутов для реконструкции техники скола в индустриях раннего верхнего палеолита. Максимальные различия между техниками были выявлены по критериям симметрии, формы снятий и индексу удлиненности (l/w , где l – длина, w – ширина). Метрические параметры длины, ширины и уплощенности демонстрируют значительное наложение и малоинформативны при атрибуции техники скола. Т-отжим является самым контролируемым методом, для которого свойственны удлиненные заготовки (средний индекс ≥ 5) со слабой степенью фрагментации сколов. Отжим рукой приводит к получению менее удлиненных заготовок (средний индекс ≥ 4), характеризуется высокой степенью фрагментации и формированием преимущественно прямоугольных снятий. Метод прямого удара, напротив, обеспечивает получение коротких и широких сколов с большой вариабельностью морфологических признаков.

Исследование показало, что морфологические характеристики, определяемые техникой расщепления, в значительной степени обусловлены свойствами конкретного типа каменного сырья. Естественная фрагментация сколов, характер прохождения скальвающей и регулярность в большинстве случаев определялись свойствами конкретной отдельности породы, а не способом передачи импульса или организацией скальвания. Среди использованных материалов наилучшую технологическую пригодность продемонстрировал туф, тогда как для микрокварцита и роговика отмечалось разрушение заготовок и значительная фрагментация сколов с формированием петлевидных окончаний соответственно.

Перспективы дальнейших исследований связаны с использованием выявленных и проанализированных атрибутов для идентификации метода расщепления в рамках ранневерхнепалеолитических стратегий производства мелких пластин, что позволит приблизиться к решению вопросов появления и распространения техники отжима в регионе.

Список литературы

- Белоусова Н. Е. Мелкопластинчатое расщепление в индустрии горизонта В стоянки Ануи-2: отдельные акты производственной деятельности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 51–57. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2022.28.0051-0057>
- Деревянка А. П., Волков П. В. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2 (18). С. 21–35.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А. П. Деревянка, М. В. Шуньков; А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, Е. М. Малаева, В. А. Ульянов, Н. А. Кулик, А. В. Постнов, А. А. Аношкин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.

Древнейшие культуры Северной Америки: к вопросу о первоначальном заселении человеком Нового Света¹²

С. А. Васильев

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

The Earliest Cultures in North America: Concerning the Initial Peopling of the New World

S. A. Vasiliev

Institute of the Material Culture History RAS, St. Petersburg

Цель сообщения – дать краткую характеристику современного состояния знаний о древнейших следах человека на территории Северной Америки. Я остановлюсь на открытиях последнего десятилетия, не вошедших в ранее изданные сводки на русском языке [Заселение ... , 2015; Васильев, 2016]. При этом я буду опираться на четко стратифицированные памятники с радиоуглеродными (все приводимые ниже значения дат калиброванные) и ОСЛ-датировками, опуская упоминание местонахождений ископаемой фауны, где кости, несущие следы предположительного воздействия человека, не сопровождалась артефактами.

Работами предшествующего периода показано наличие на территории американской части Берингии (Аляски и Юкона) сосуществовавших культурных традиций, вероятно, отражающих разнонаправленные пути миграций древнего человека в финале плейстоцена. С одной стороны, известны индустрии, принадлежащие к микропластинчатой (берингийской) традиции, близкой по ряду параметров к позднему верхнему палеолиту Сибири. Древнейшие следы этой традиции известны по материалам стоянки Свон Пойнт и датируются временем до 14,2 тыс. лет [The Swan ... , 2023]. Группа комплексов данной традиции объединена под названием культуры денали.

С другой стороны, есть стоянки своеобразной культуры ненана с каплевидными наконечниками, лишенные микропластинчатого компонента. Наряду с возобновлением раскопок стоянки Оул Ридж, изучены новые стратифицированные комплексы ненана с датировками до 13–14 тыс. лет (Хольцман Саут, Шег Ксалтх, Натаел На, Линдас Пойнт и др. [Holzman ... , 2018; Blong, 2018].

Кроме того, на Аляске выделены северные палеоиндейские комплексы с метательными наконечниками различных типов, в том числе желобчатых форм. Порой морфологическое сходство наконечников позволяет говорить

---

¹² Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

о вероятности «обратной» миграции групп палеоиндейцев с основной территории Северной Америки на север, в Берингию, по «коридору Маккензи».

По-прежнему основным противоречием в картине первоначального заселения человеком Нового Света остается разрыв между генетическими и археологическими данными. Если первые говорят о длительном пребывании предков населения Америки на территории Берингии, начиная со времени, предшествовавшего последнему ледниковому максимуму, то древнейшие достоверные стоянки здесь относятся к финалу плейстоцена, моложе 15 тыс.

Большинство авторов склоняется к версии расселения первых поселенцев Америки вдоль тихоокеанского побережья. К сожалению, самые ранние стоянки на побережье Британской Колумбии оказались не древнее 12,6–13,6 тыс. лет. В качестве второго возможного пути распространения человека из Берингии на юг рассматривается проход, существовавший в позднеледниковое время между Кордильерским и Лаврентийским ледниковыми щитами («коридор Маккензи»). Несмотря на обилие находок наконечников различных типов, достоверных стратифицированных памятников с возрастом старше 11,5–12,5 тыс. лет в пределах коридора не встречено.

Памятники, предшествующие культуре кловис на основной территории Северной Америки, очень редки, что резко контрастирует со следами широкого распространения на континенте культуры кловис в последующую эпоху (12,7–13,5 тыс. лет). Новейший критический анализ древнейших местонахождений представлен в работе «Characterizing the American Upper Paleolithic» [2025].

Во Флориде объектом подводных раскопок стала стоянка Пейдж-Ладсон, где немногочисленные артефакты (треугольный бифас, фрагмент ножа и отщепы) сопровождалась костями мастодонта, верблюда и бизона. По этим отложениям получена серия датировок от 12,6 до 14,7 тыс. лет.

В Техасе на стоянке Голт ниже культурных слоев эпохи кловис встречены находки («комплекс голт»), датированные по методу ОСЛ от 16,7 до 21,7 тыс. лет. Здесь найдены листовидные наконечники, в том числе с вогнутым основанием, ядрища для снятия пластин, бифасы дисковидной формы, скребки, проколки, пластины и др.

Несколько моложе оказались остатки, открытые на расположенной рядом стоянке Дебра Фридкин (есть серия ОСЛ-дат в диапазоне от 13,5 до 15,5 тыс. лет). Набор изделий из камня включал фрагменты треугольных наконечников, листовидных наконечников с суженным основанием, бифасов, а также дисковидные ядрища, пластины, ретушированные отщепы.

В плане выделения ранних памятников традиции черешковых наконечников отметим стоянку Куперз Ферри в Айдахо. Здесь в нижней части культуросодержащего слоя встречены фрагменты черешковых наконечников, бифасы и пластины, залегавшие в сопровождении костей. Получены радиоуглеродные и ОСЛ-датировки от 15,3 до 16,5 тыс. лет. В то же время

отмечается большой разброс по вертикали находок, а также наличие рядов, спущенных из верхов слоя.

Можно констатировать наличие следов обитания древнего человека на территории Северной Америки к югу от ледниковых щитов в период, следующий за максимумом последнего оледенения. Время существования стоянок в основном не превышает 15–16 тыс. лет, хотя есть и более древние (до 20 тыс. лет и более) датировки.

Набор каменного инвентаря древнейших памятников разнороден и не дает основания для выделения единой до-кловисской культурной традиции. Наконечники представлены листовидными и треугольными (иногда с вогнутым основанием) формами. В западной части Северной Америки фиксируются первые следы появления традиции черешковых наконечников, которая затем сосуществует с культурами кловис и фолсом.

Список литературы

- Васильев С. А. Новые данные о древнейших памятниках Северной Америки // *Esse quam videri: к 80-летию Германа Ивановича Медведева*. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016. С. 110–120.
- Заселение человеком Нового Света: опыт междисциплинарного исследования / С. А. Васильев, Ю. Е. Березкин, А. Г. Козинцев, И. И. Пейрос, С. Б. Слободин, А. В. Табаров. СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2015. 680 с.
- Blong J. C. Late-Glacial hunter-gatherers in the Central Alaska Range and the role of upland ecosystems in the peopling of Alaska // *PaleoAmerica*. 2018. Vol. 4, Is. 2. P. 103–133. <https://doi.org/10.1080/20555563.2018.1460156>
- Characterizing the American Upper Paleolithic / B. Madsen, L. G. Davis, T. J. Williams, M. Izuho, F. Izuka // *Science Advances Review*. October 2025. P. 1–18. <https://doi.org/10.1126/sciadv.ady9545>
- Holzman South: A Late Pleistocene archaeological site along Shaw Creek, Tanana valley, Interior Alaska / B. T. Wygal, K. E. Krasinski, C. E. Holmes, B. A. Crass // *PaleoAmerica*. 2018. Vol. 4, Is. 1. P. 90–93. <https://doi.org/10.1080/20555563.2017.1408358>
- The Swan Point site, Alaska: the chronology of a multi-component archaeological site in Eastern Beringia / J. D. Reuther, C. E. Holmes, G. M. Smith, F. B. Lanoe, B. A. Crass, A. G. Rowe, M. J. Wooller // *Radiocarbon*. 2023. Vol. 65, Is. 3. P. 693–720. <https://doi.org/10.1017/RDC.2023.30>

Литостратиграфия и культурные отложения геоархеологического объекта Стойло (Южное Приангарье)

А. М. Кузнецов¹, Д. Н. Молчанов¹, А. А. Щетников^{2,3}, И. А. Филинов²,
А. Ю. Казанский⁴

¹Иркутский государственный университет, г. Иркутск

²Институт земной коры СО РАН, г. Иркутск

³Институт геохимии СО РАН, г. Иркутск

⁴Геологический институт РАН, г. Москва

Lithostratigraphy and Cultural Deposits of the Stoilo Geoarchaeological Site (Southern Angara Region)

A. M. Kuznetsov¹, D. N. Molchanov¹, A. A. Shchetnikov^{2,3}, I. A. Filinov²,
A. Yu. Kazansky⁴

¹Irkutsk State University, Irkutsk

²Institute of the Earth's Crust SB RAS, Irkutsk

³Institute of Geochemistry SB RAS, Irkutsk

⁴Geological Institute RAS, Moscow

ГАО «Стойло» открыт в 1934 г. А. П. Окладниковым. Подъемный материал, близкий по облику к материалам Верхоленской Горы, был зафиксирован в подъемном состоянии на пашне в местности Стойло, на слабонаклонной поверхности левого берега р. Ангары. В 2021 г. в ходе инвентаризации объектов Усольского района на стоянке был выявлен еще один культурный компонент – слабокоррадированный кремневый ансамбль палеолитического облика, залегающий в специфических литологических условиях [Кузнецов, Молчанов, Когай, 2023].

Важной особенностью строения отложений ГАО является наличие в нижней части разреза древесно-галечной дефляционной кирасы субгоризонтального залегания, к которой приурочен палеолитический материал. Дефляционную поверхность перекрывают лессовидные суглинки среднего – финального сартана (Sr^{2-4}) и техногенные голоценовые отложения (Н). Ниже кирасы залегают солифлюцированная толща, интерпретируемая как комплекс раннесартанского (Sr^1 sol) и позднекаргинского (Kr) времени, а также криотурбированные в кровле тонкослоистые супеси. Сам древесно-галечный прослой интерпретируется как реликтовая поверхность эоловой эрозии, сформировавшаяся в условиях криоаридизации климата, вероятно, во второй половине раннего сартана ($Sr^{1,2}$, ~21–18 тыс. л. н.).

По величинам магнитных характеристик и по их поведению по глубине, отложения разреза также разделяются на три интервала. Интервал 3 (нижний), соответствующий флювиальным отложениям ниже кирасы, содержит крупные магнитные зерна при ограниченном количестве мелких однодоменных зерен. Эти отложения формировались в активном гидродинамическом режиме. Интервал 1 (верхний), соответствующий субаэральным

лессовидным суглинкам и голоценовым отложениям, характеризуется значительно меньшим размером зерен и растущим вверх по разрезу вкладом педогенных процессов, свидетельствуя о спокойных условиях осадконакопления. Интервал 2 (дресвяно-галечный панцирь и связанные с ним отложения) представляет собой переходную зону и, вероятно, сформирован за счет эоловой переработки нижележащих осадков. Важно, что совпадение средних направлений намагниченности для интервалов 1 и 3 указывает на отсутствие между ними значительного стратиграфического перерыва.

Коллекция палеолитического комплекса включает 946 каменных артефактов. Более 90% сырья – местный бельский полосчатый кремь. Индустрия базируется на объемном пластинчатом расщеплении. Об этом свидетельствуют нуклеидные обломки, обилие технических сколов (подправка фронта, краевые сколы, сколы-таблетки), а также состав продуктов расщепления. Преобладает получение нерегулярных средних и мелких пластин. Для орудийного набора (56 ед.) характерна мелкогабаритность и специфический набор типов: орудия с шипом (острия), угловые резцы, ножи на пластинках с естественным обухом, ретушированные пластины, «клювовидные» орудия, а также одно массивное орудие на валуне. Главная тафономическая особенность – слабая и средняя степень коррозии. Следы выражаются в слабом блеске поверхности, сглаживании микрорельефа артефактов [Кузнецов, 2025].

Техноморфологические особенности индустрии сближают материалы стоянки с ансамблем «классических» горизонтов Мальты (слои 8–9). Сходство наблюдается в стратегии мелкопластинчатого призматического расщепления, параметрах заготовок, наборе ключевых типов орудий. В совокупности с литостратиграфией отложений, это позволяет рассматривать Стойло как периферийную, возможно, сырьевую станцию мальтинской культурной общности среднего этапа верхнего палеолита (Sr¹, ~21–18 тыс. л. н.).

Список литературы

- Кузнецов А. М. Между Мальтой и Макарово IV: Коррадированные кремневые ансамбли Ангаро-Бельского района (Южное Приангарье) // *Stratum Plus*. 2025. № 1. С. 173–196. <https://doi.org/10.55086/sp251173196>
- Кузнецов А. М., Молчанов Д. Н., Когай С. А. Палеолитический комплекс геоархеологического объекта Стойло (Южное Приангарье) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2023. Т. 51, № 4. С. 15–24. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2023.51.4.015-024>

Археологические материалы «классической» Мальты по результатам работ 2014 года¹³

Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. П. Дударёк
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Archaeological Materials of “Classical” Malta Site Based on the Results of the 2014 Work

Е. А. Lipnina, D. N. Lokhov, S. P. Dudarek
Irkutsk State University, Irkutsk

Осенью 2014 г. Мальтинским археологическим отрядом Иркутского государственного университета проводились исследования многослойного геоархеологического местонахождения Мальта. Раскоп № 3 (№ 57 по общей цифровой номенклатуре за все года исследований) общей площадью 265 м² располагался у юго-восточной границы V исследовательской площади, приблизительно в 1–1,50 м на север – северо-восток от раскопов 1928–1929/1932 гг. М. М. Герасимова, на проезжей части пер. Производственный между усадьбами № 11 и 13. Глубина вскрытия составила до 2,9 м до кровли галечника неогенового возраста. Археологические и палеонтологические остатки фиксировались в нескольких стратиграфических уровнях суглинистых отложений *in situ*, переотложенными в местах разрушения вмещающих слоев и в зоне их контакта с кровлей галечников.

Основной фонд собранной археологической коллекции «классических» мальтинских скоплений составили уровни отложения 8.2 и 8.1, дислоцированные в средней части и в подошве сизоватых лессовидных эолово-делювиальных суглинков слоя 8, относящихся к раннему отделу среднесартанского времени (Sr²) [Липнина, Медведев, Ощепкова, 2001, с. 53]. Положение находок на раскопанной поверхности приходится на ограниченное пространство полигона между простиранием крупных морозобойных трещин со следами древних промоин, с отложенным на их дне щебнисто-древяным материалом и фиксированными в переотложенном состоянии отдельными находками. Определенную роль в усложнении планиграфии сыграла конвекция частиц геологического вещества и артефактов. Многие кости, даже очень крупные, фрагменты рогов северного оленя, были разрушены конвекционными движениями грунта и разъединены по вертикали.

Вскрытая выработкой часть рассеянного скопления представлена полосой, вытянутой по линии север – юг. В его состав входили костные

---

¹³ Исследование выполнено в рамках Госзадания Минобрнауки, проект FZZE-2026-0005 «Археология Байкальской Сибири: преемственность и разнообразие древних культур в хронометрии и хронологии событий, в технологиях и стратегиях жизнеобеспечения».

остатки макрофауны, в основном мамонтов: обломки ребер, фрагменты позвонков, кости стопы, мелкие фрагменты зубных пластин, фрагменты бивней. Вместе с костями макрофауны находились трубчатые кости и обломки рогов северного оленя, кости лошади и носорога. Зафиксированы в значительном количестве остатки микротериофауны, представленные 15 видами насекомых, зайцеобразных и грызунов, характерных представителей холодных эпох плейстоцена Евразии [Paleogeographic ... , 2014].

Артефакты из камня слоя 8 представлены 210 единицами находок, которые были рассеяны по площади. Также было зафиксировано 14 плит доломитов среднего и малого размеров. В коллекции каменных артефактов выделяются следующие категории и формопроявления: фракции расщепления, нуклеусы и их фрагменты, обработанные пластины, скребок, манупорты.

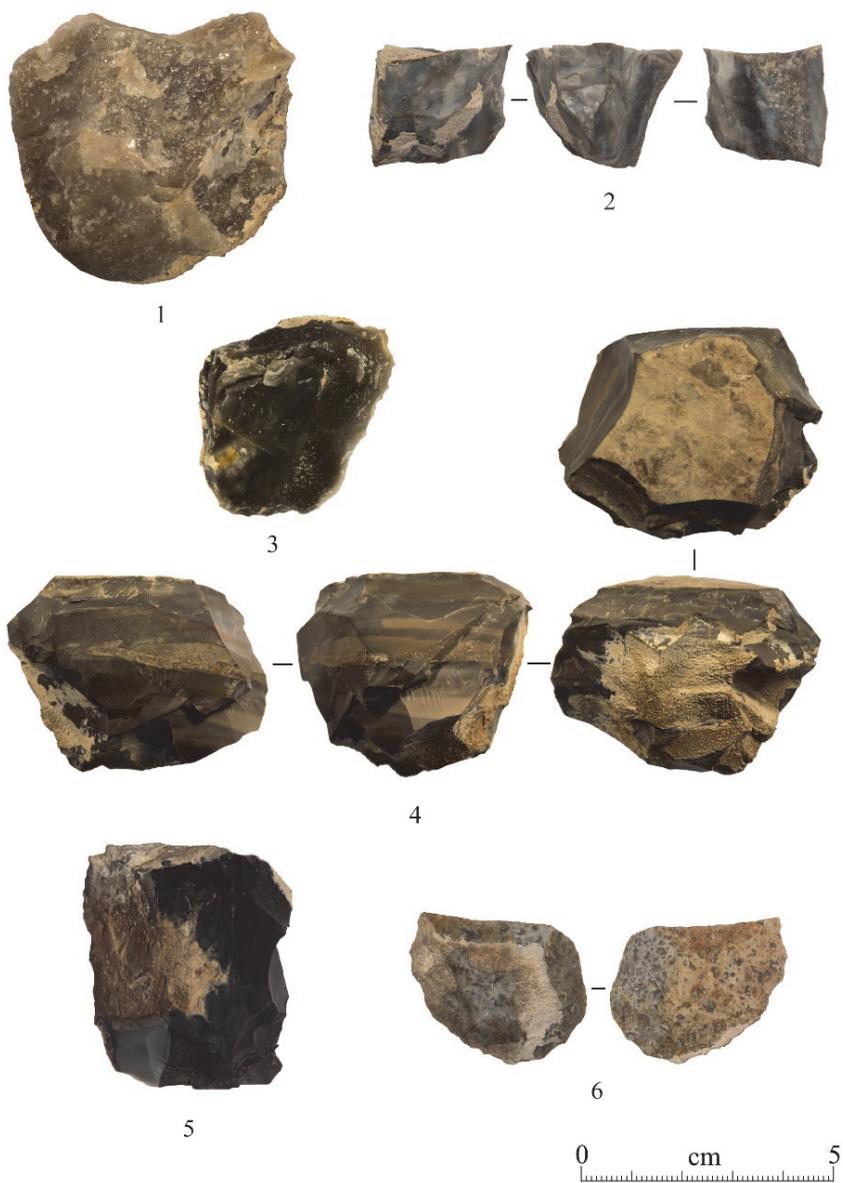
Фракции нуклеарного расщепления (119 ед.) представлены пластинчатыми немодифицированными сколами-отщепами крупных, средних и мелких размеров, модифицированными пластинчатыми сколами-преформами, крупным сколом-преформой кварцитовой гальки специализированной стратегии расщепления (рис., 5), пластинами параллельного принципа скальвания и их фрагментами, фракциями декорткации. К фракциям фасиальной обработки (55 ед.) относятся микросколы и чешуйки фасонажа.

В группе нуклеусов (7 ед.) присутствуют одноплощадочный монофронтальный нуклеус подтреугольной формы с полузамкнутым фронтом; объемный конусный одноплощадочный нуклеус с замкнутым фронтом (рис., 4); уплощенный одноплощадочный, монофронтальный нуклеус параллельного принципа скальвания; нуклеус уплощенный с негативами конвергентных снятий на поверхности фронта (рис., 1); одноплощадочный монофронтальный микронуклеус с полузамкнутым фронтом параллельного принципа скальвания (рис., 2); отслоившийся фрагмент нуклеуса для пластин параллельного принципа; фрагмент отслоившейся площадки.

Группа обработанных пластин (8 ед.) представлена двумя пластинами с лезвиями на дистальном конце; реберчатой пластиной с шиповидным срединным лезвием на дистале; пластиной с выемкой; двумя пластинами с зубчатой ретушью; пластиной с ровной краевой обработкой; пластиной с продольным негативом резового скола.

Скребок с высоким лезвием, оформленным крутой крупной захватывающей ретушью, выполнен на кварцитовом сколе-дежетэ (рис., 3).

Манупорты (20 ед.) – более древние артефакты с четкими следами пустынного выветривания на обработанных поверхностях, собранные древними мальгинцами для своих нужд. Часть из них переоформлена, но большинство осталось нетронутыми. К этой группе относится фрагмент бифасика, поверхность которого несет на себе следы слабой эоловой корразии (рис., 6). В группу манупортов также попадают хорошо окатанные разноразмерные кварцитовые гальки, которые либо имеют единичные негативы снятий на своей поверхности, либо несут на своих терминалах следы забитости или выщербленности.

Рис. Мальта. 2014 г. Раскоп 3 (57). Слой 8. Археологический материал:
 1, 2, 4 – нуклеус; 3 – скребок; 5 – скол-преформа; 6 – бифас

Таким образом, коллекция каменного материала дополнила группу артефактов «классической» («герасимовской») Мальты, не выбываясь из общей концепции технологий литопроизводства. Зафиксированный видовой состав фауны в целом и в особенности микрофауна являются ярким свидетельством существования в древности на данной территории холодных тундростепных ландшафтов.

Список литературы

- Липнина Е. А., Медведев Г. И., Ощепкова Е. Б. Мальтинское верхнепалеолитическое местонахождение // Каменный век Южного Приангарья. Иркутск, 2001. Т. 2 : Бельский геoarхеологический район. С. 46–83.
- Paleogeographic Significance of Mammal Fauna of the Palaeolithic Malta Site and its Vicinity (Baikal Siberia) / F. Khenzykhenova, T. Sato, G. Medvedev, E. Lipnina, K. Yoshida, H. Kato, E. Semenei, D. Lokhov // Similarities and Differences. Gongju, 2014. P. 87.

Археология «классической» Мальты: пространственное распределение артефактов палеоискусства (по материалам раскопок М. М. Герасимова)¹⁴

Е. А. Липнина¹, Л. В. Лбова²

¹*Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

²*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург*

Archaeology of “Classical” Malta: Spatial Distribution of Paleoart Artifacts (Based on the Materials of M. M. Gerasimov's Excavations)

E. A. Lipnina¹, L. V. Lbova²

¹*Irkutsk State University, Irkutsk*

²*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg*

Планиграфическая ситуация относится к способу представления информации о пространственных данных, что может быть актуально как в археологии, так и в искусствоведении. В контексте палеолитического комплекса это может включать в себя картирование мест находок, иных артефактов, конструктивных элементов культурного слоя и анализ их распределения на площадке раскопа или местности, что помогает в понимании культурных и социальных структур в сообществах палеолитического времени [Палеоэкология ... , 2006; Лбова, 2000; Медведев, Несмеянов, 1988; Разгильдеева, 2018; и др.]. Оценка планиграфии скульптуры в раскопах Мальты на протяжении последних десятилетий определяет содержание серии исследований российских и зарубежных археологов [Герасимов, 1935; Каменный ... , 2001; Sitlvy, Medvedev, Lipnina, 1997; и др.]. Каждый случай обнаружения мальтинской скульптуры оригинален как в месте нахождения, так и в способе расположения. Предлагаемое исследование носит постановочный характер и посвящено описанию планиграфических сюжетов организации распределения предметов мелкой скульптурной пластики – женских статуэток – в интерьере «классического горизонта» Мальты. Возраст женских скульптурных изображений, относящихся к мобильному искусству, оценивается в рамках 23 000 – 21 000 л. н.

С 1928 г., когда была открыта стоянка, и М. М. Герасимов впервые описал уникальные материалы и образцы палеолитического искусства, появилось множество публикаций, предлагающих различные интерпретации мальтинских миниатюр. Несмотря на это, до сих пор не составлена полная

---

¹⁴ Исследование выполнено в рамках Госзадания Минобрнауки, проект FZZE-2026-0005 «Археология Байкальской Сибири: преемственность и разнообразие древних культур в хронометрии и хронологии событий, в технологиях и стратегиях жизнеобеспечения».

сводка результатов исследований этого местонахождения. Также не проводилось тематических исследований, которые бы рассматривали археологический и планиграфический контекст находок предметов, относящихся к мобильному искусству.

Различные интерпретации палеолитического искусства Сибири охватывают широкий спектр значений, от прагматических и бытовых до космогонических мировоззрений, сформированных древним населением Северной Азии. Ни одна из существующих гипотез не может быть признана окончательно доказанной, хотя каждая из них в той или иной мере имеет свои основания. Исследователи рассматривают мобильное искусство как факт жизни древних охотников, наделяя его различными функциями и смыслами. Аналитическая реконструкция выявляет основные направления и предмет исследования [Липнина, 2008; Филиппов, 2004; Фролов, 1987; Marshak, 1991; Conroy, 1993; *The Paleolithic ...*, 1998, p. 132–136; Lbova, 2021].

Антропоморфные скульптуры (32 экз.) демонстрируют разнообразие форм и масштабов. В основном они созданы из бивня мамонта, за исключением одного образца, выполненного из рога северного оленя. Мастера верхнего палеолита при создании этих произведений искусства применили особые техники: рельеф, низкий рельеф, углубленный контур, гравировку, нанесение орнаментальных композиций, полное и частичное сверление, а также резьбу с перфорацией. Исследователи, изучая образы, выделили женские, мужские фигуры и группу изображений детей и подростков [Герасимов, 1931, 1935; Липнина, 2002; Lbova, 2021, Лбова, Волков, 2021]. При этом они отмечали, что мальтинская пластика, в отличие от европейских палеолитических традиций, отличалась «выраженной умеренностью», особенно в передаче деталей женской фигуры [Абрамова, 1987; Герасимов, 1931; *The Paleolithic ...*, 1998; *The techniques ...*, 2017]. По описанию в дневниковых записях и архивных материалах положения экземпляров женских статуэток в стратиграфии напластований археологических комплексов Мальты временной диапазон существования образов мальтинских мадонн может составлять до двух тысяч лет, что указывает на длительную устойчивость изобразительного канона этой тематики.

Независимо от размера, фиксированные формы зооморфной скульптуры следуют определенному набору обязательных элементов, которые можно рассматривать как технологический эталон исполнения [Липнина, 2002; Лбова, Волков, 2021]. Помимо традиционных изображений птиц встречаются более реалистичные представители плейстоценовой орнитофауны, отличающиеся оригинальностью исполнения. Такие работы можно классифицировать как «образцы-новации», например, «пасущийся лебедь», «куропатка» или «взлетающая» птица. Благодаря своим конструктивным особенностям, эти предметы могли использоваться по-разному: подвешиваться на одежду, храниться вместе в связке или крепиться на стержень, что говорит о их полифункциональности.

Расположение мальтинских Венер относительно археологических структур (комплексов) представлено тремя основными вариантами: внутри, в зоне контура (при неопределенности его принадлежности к внешнему или внутреннему слою) и за пределами комплекса. Внутри комплексов статуэтки чаще всего обнаруживаются в центральных, южных или западных секторах, а также у очагов, контуров скоплений и между самими конструкциями или структурами. Положение образцов зооморфной скульптуры характеризуются как наличием особых конструкций (оградок), так и случайным образом.

Предполагается, что мальтинские скульптуры не гомогенны в хронологическом плане, что подтверждается как их стратиграфическим расположением, так и существенно отличающимися технологическими приемами обработки. Важно отметить, что в микростратиграфии вмещающих суглинков скульптуры демонстрируют разнообразие уровней залегания. Каждое открытие мальтинской скульптуры представляет собой уникальный случай.

В качестве перспективного предмета обсуждения выдвигается гипотеза о понимании мобильного искусства мальтинского «классического горизонта», относящегося к позднему палеолиту, как проявления синкретической культуры. Предполагается, что данное искусство выступает как форма и инструмент осмысления и интерпретации окружающего мира. Мобильная скульптура верхнего палеолита, подобно всему искусству того времени, продолжают вызывать споры среди исследователей. Принято считать, что художественное творчество тесно связано с процессом сапиентизации, поэтому постоянно предлагаются новые гипотезы, пытающиеся раскрыть его сущность и направления развития.

Список литературы

- Абрамова З. А. О некоторых особенностях палеолитических женских статуэток Сибири // Антропоморфные изображения. Новосибирск : Наука, 1987. С. 28–36.
- Герасимов М. М. Мальта – палеолитическая стоянка: (предварительные данные). Результат работ 1928–1929 гг. Иркутск : Изд. краев. музея, 1931. 34 с.
- Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта // Палеолит СССР: Материалы по истории дорожового общества. М. ; Л., 1935. Вып. 118. С. 78–124.
- Каменный век Южного Приангарья. Бельский геологический район. Путеводитель международного симпозиума: «Современные проблемы палеолитоведения Евразии» / отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2001. Т. II. 242 с.
- Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БНЦСО РАН, 2000. 240 с.
- Лбова Л. В., Волков П. В. Древнейшее искусство Сибири (технологии, формы, символы). СПб. : Политех-пресс, 2021. 149 с.
- Липнина Е. А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 24 с.
- Липнина Е. А. Антропоморфные и зооморфные скульптурные изображения палеолитического ансамбля Мальты // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск : Отгис, 2008. С. 112–132.
- Медведев Г. И., Несмеянов С. А. Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск : Наука, 1988. С. 113–142.
- Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье) / Н. Б. Леонова, С. А. Несмеянов, Е. А. Виноградова, О. А. Воейкова, М. Д. Гвоздовер, Е. В. Миньков, Е. А. Спиридонова, С. А. Сычева. М. : Науч. мир, 2006. 360 с.
- Разгильдеева И. И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. Чита : ЗабГУ, 2018. 208 с.

- Филиппов А. К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб. : Нестор-История, 2004. 224 с.
- Фролов Б. А. Открытие человека (к опыту новых исследований первобытного искусства // Антропоморфные изображения. Новосибирск : Наука, 1987. С. 8–18.
- Conroy L. P. Female figurines of the Upper Paleolithic and the emergence of gender // *Women in Archaeology: A Feminist Critique* / eds. H. du Cros, L. Smith. Canberra : National Univ., 1993. P. 153–160.
- Lbova L. The Siberian Paleolithic site of Malta: a unique source for the study of childhood archaeology // *Evolutionary Human Sciences*. 2021. Vol. 3. P. 1–14.
- Marshack A. The Female Image: A “Time-factored” Symbol. A Style and Aspect of Image Use in the Upper Paleolithic // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 1991. Vol. 57. P. 17–31.
- Sitlivy V., Medvedev G. I., Lipnina E. A. Les civilisations Préhistoriques d’Asie Centrale. 1. Le Paléolithique de la rive occidentale du lac Baikal. Bruxelles : Musées Royaux d’Art et d’Histoire, 1997. 87 p.
- The Paleolithic of Siberia. New discoveries and interpretations / eds. A. P. Derev’anko, D. Shimkin, and R. Powers. Novosibirsk, Chicago : University of Illinois Press, 1998. 406 p.
- The techniques of Modeling and Decorating Upper Paleolithic Anthropomorphic Figurines from Malta, Eastern Siberia / L. V. Lbova, P. V. Volkov, E. N. Bocharova, V. S. Kovalev, N. A. Khaykunova // *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2017. Vol. 3 (45). P. 48–55.

О редукции каменных изделий в индустриях стоянок позднего палеолита в г. Красноярске¹⁵

А. В. Колесник

*Донецкий государственный университет, г. Донецк
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург*

On the Reduction of Stone Products in the Industries of the Late Paleolithic Sites in Krasnoyarsk

A. V. Kolesnik

*Donetsk State University, Donetsk
Institute of the History of Material Culture RAS, St. Petersburg*

Неотъемлемой составной частью научного наследия Г. И. Медведева являются разработки в области технологии расщепления камня, типологии и номенклатуры каменных изделий [Медведев, 1981]. Базовым элементом современных представлений о каменных индустриях палеолита следует признать постулат об изменчивости каменных изделий в зависимости от функционального типа участка поселения, а также глубины переработки каменного сырья. Основу для дискуссии составляют материалы стоянок позднего палеолита Стрелка-1, Афонтова Гора IV и Устье Базаихи 2.

Поселенческие стратегии мобильных популяций охотников-собирателей определялись пространственной структурой ресурсной базы, составляющей основу экономики в условиях ландшафтов Среднего Енисея позднего неоплейстоцена. Единое поселение отдельной популяции включало участки с сезонной эксплуатацией с различной функциональной нагрузкой в рамках годового хозяйственного цикла. Наиболее оптимальное сочетание комплексной ресурсной базы отмечалось в приустьевой зоне небольших рек, впадающих в долину Енисея; в районе Красноярска сформировался уникальный палеогеографический район в месте впадения двух малых рек Качи и Базаихи с левого и правого борта. В зону эксплуатации земельных ресурсов годового цикла, видимо, попадали участки долины Енисея (террасовой комплекс 1–2 террас), участки низовьев двух малых рек. Установлена беспрецедентная концентрация сезонных поселений на склонах Афонтовой Горы и в устье р. Базаихи – фактически это два мегапамятника позднего палеолита с преобладающей горизонтальной стратиграфией.

Сырьевые стратегии местных каменных индустрий строились на эксплуатации сырья из локальных и удаленных источников. Доминировали локальные источники камня из речного аллювия, расположенные в пределах

---

¹⁵ Материалы подготовлены в рамках проекта FRRE-2026-0023, номер госрегистрации НТНИ: 1025031300216-2-6.1.1.

ближней экономической зоны прибрежных стоянок. По данным петрографического анализа продуктов расщепления камня стоянки Стрелка-1 в устье р. Качи, в зону локальных сборов каменного сырья, помимо пород местного генезиса, попадали образцы пород, мигрировавшие естественным путем по руслу Енисея из районов геологических источников на расстояние до 30–90 км вверх по течению реки. Единственным достоверно отмеченным случаем специальной транспортировки каменного сырья на расстояние в несколько десятков километров является клад кремневых нуклеусов и сколов из стоянки Устье Базаихи 2. В целом каменные индустрии позднего палеолита Красноярского археологического микрорайона развивались в условиях хорошей обеспеченности каменным сырьем.

В рамках комплексного поселения годового цикла с сезонной специализацией локальных участков имела место миграция сырья и каменных орудий на различной стадии трансформации. В базовой модели миграции сырья и изделий рассматриваются три минимально необходимых технологических контекста, связанных с доставкой готовых изделий, изготовлением и утилизацией изделий на месте, а также изготовлением на месте и переносом. Полная цепочка расщепления со значительным числом технологических контекстов оказывается рассредоточенной в пределах пространственного каркаса всего поселения годового цикла.

Вовлеченные в производственный процесс каменные орудия динамически менялись в ходе утилизации. В материалах коллекций выделяются, как минимум, редуционные ряды изделий, связанные с трансформацией скребел, чопперов-стругов и продуктов биполярной техники расщепления. Данные наблюдения подтверждаются массовым ремонтом продуктов расщепления камня. По интенсивности подправки орудия делятся на несколько категорий. Наибольшей производственной ценностью обладали скребла, часть из них была изготовлена вне пределов раскопанных стоянок и имеет следы транспортировки. Этапы редукиции скребел связаны с использованием приемов утончения корпуса и др. При понимании перманентной трансформации орудий меняется акцент типологического анализа: сравнивать следует не формальные типы каменных орудий, а типы редукиции каменных орудий, многие разновидности орудий фактически являются редукиционными формами типов как крупных таксономических единиц [Колесник, 2021].

Список литературы

- Колесник А. В. Прикладные аспекты теории редукиционного анализа каменных индустрий // Известия Самарского научного центра РАН. 2021. Т. 3, № 1. С. 125–133.
- Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981. С. 16–33.

Культурные слои раннего верхнего палеолита на Афонтовой горе

М. Н. Мещерин¹, Р. И. Никифоров², М. В. Быкова²

¹ООО «Красноярская Геоархеология», г. Красноярск

²АНО «Археологическое исследование Сибири», г. Красноярск

Cultural Layers of the Early Upper Paleolithic on the Afontova Gora Site

M. N. Meshcherin¹, R. I. Nikiforov², M. V. Bykova²

¹“Krasnoyarsk’s Geoarchaeology” Ltd., Krasnoyarsk

²Autonomous Non-commercial Organization “Archaeological Research of Siberia”, Krasnoyarsk

В многочисленных трудах представителей современной иркутской школы палеолитоведения и ее лидера-вдохновителя – профессора Г. И. Медведева традиционно уделяется серьезное внимание анализу седиментации культурных отложений и детальной характеристике тафономических контекстов в ракурсе развития специфической междотраслевой дисциплины – геоархеологии. В основе идеологической парадигмы геоархеологического направления у иркутян лежит «...соразмерность объемов родовых понятий “геология” и “археология” и включение второго в первый (по типу «матрешки») должно быть обязательно» [Проблемы ... , 1996, с. 13].

Для большинства РВП комплексов Южной Сибири характерна высокая степень дезинтеграции культурных напластований, вызванных, видимо, контрастными палеоклиматическими обстановками в верхней части мегаинтерстадиала (МИС 3) и последующими событиями конца ледниковья. Отложения верхнего отдела куртаковского педокомплекса каргинского термочрона систематически фиксируются на южном склоне Афонтовой горы в интервале относительных высот 35–110 м на глубинах 4–7 м от поверхности. В зависимости от геоморфологической позиции, указанный стратоген залегает в лессовидных толщах, иногда частично переработанных пролювиально-делювиальными фациями, и всегда подвержен процессам криотурбации и солифлюкции.

В ходе спасательных раскопок 1996–1997 гг., проводимых Н. И. Дроздовым, В. И. Макуловым, Е. В. Артемьевым, В. П. Чехой на АГ V (Спартакцев), педокомплекс содержал массовые археологические находки РВП облика [Артемьев, Дроздов, 1998]. В настоящее время аналогичный слой обнаружен в границах объекта АГ IV (Чкалова). Таким образом, в современной истории Афонтовой горы определено установлено, что РВП-технокомплекс (ранее КС 3) [Мещерин, 2024] устойчиво фиксируется на двух смежных объектах АГ IV и АГ V, расположенных на склонах с 80–90-метровым превышением по левому борту широкой долины Енисея.

На новых площадях предварительно выделяются три климатостратиграфических подразделения верхнего неоплейстоцена, соответствующие региональным стратотипическим разрезам «куртакской серии» [Четвертичная ... , 2000; The loess-paleosol ... , 2005]. К сартанской секции отложений отнесены литологические слои IV–X (аналог трифонового лесса). Они залегают в интервале глубин 0,40–3,5 м от поверхности и имеют два дифференцированных палеопедогенных уровня: поздние – Sr^{3-4} и ранние – Sr^{1-2} . Каргинская секция прослежена в интервале глубин 3,7–4,3 м от поверхности. Она объединяет два палеопедогенных горизонта XIa и XIб, принадлежащих верхней части куртакского педокомплекса [Дроздов, Чеха, Хазартс, 2005]. Подстилающая секция (пачка ЛС XII–XVI), мощностью до 3 м соответствует климатолиту чанинский лесс. Она сложена неяснослоистыми алевропесками субгоризонтального простиранья и линзами мелкого разреженного галечника.

Верхняя и нижняя секции разреза АГ IV (Чкалова) остались без артефактов. В куртакском педокомплексе обнаружена высокая плотность скопленных археологического материала в виде редуцированных склоновыми и криогенно-солифлюкционными процессами площадок обитания, остатками очага, рабочими площадками по обработке камня и кости. Планиграфические связи, локализованные технологические цепочки хозяйственной деятельности, представленные, в том числе, моделями ремонтажа, характеризуют высокую степень информативности объекта исследований. Данное обстоятельство позволяет обратиться к «антропоморфизмам» культурного слоя, т. е. проследить его «биографию», которая в определенном смысле может согласовываться с явлением, именуемым «культуросодержащий слой (горизонт)» и препарироваться посредством сопоставления «геоархеологических контекстов» [Бердникова, Воробьева, 2009].

В своеобразном формуляре РВП-слоя Афонтовой горы различаются минимум четыре фазы развития. Фаза 1 определяется первоначальным проявлением антропогенного материала в позиции ныне не распознаваемого дернового слоя почвы, формируя своеобразный «нулевой момент» освоения территории. Фаза 2 – культурная седиментация. Проявляется как процесс неопределенного во времени осадконакопления с доминированием палеотехногенных факторов [Каздым, 2014]. Фаза 3 связана с уровнем ближайшего переотложения материала, происходящего уже в период ослабления хозяйственности активности и техногенной депрессии, которые компенсируются естественными факторами «зарастания» или «опустения» искусственных объектов, а также территории в целом. Фаза 4 – постдепозиционные эпигенетические изменения литологического свойства [Питулько, 2024].

Вновь открытый культурный слой Афонтовой Горы IV (Чкалова) существенно обогащает источниковую базу для изучения ранневерхнепалеолитических объектов Северной Азии.

Список литературы

- Артемьев Е. В., Дроздов Н. И. К вопросу о первоначальном заселении Красноярского археологического района (на материалах исследований стоянки Афонтова Гора V в 1998 г.) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 310–317.
- Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А. Возможности интерпретации геоархеологических контекстов // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск : Амтера, 2009. С. 200–205.
- Дроздов Н. И., Чеха В. П., Хазартс П. Геоморфология и четвертичные отложения Куртацкого геоархеологического района (Северо-Минусинская впадина). Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. 112 с.
- Каздым А. А. Техногенные грунты и техногенные отложения, ландшафты и культурный слой – современные проблемы классификации и систематики // Грунтоведение. 2014. № 1. С. 54–70.
- Мещерин М. Н. Афонтова Гора 5: четверть века изучения и сохранения культурного слоя // 300 лет научных исследований в Забайкалье: материалы Междунар. конф. Чита : Забайк. гос. ун-т, 2024. С. 73–77.
- Питулько В. В. Многолетнемерзлые породы как археологическая среда. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. 127 с.
- Проблемы научной экспертизы и практики изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири (методология, методы, рекомендации) : учеб. пособие / Г. И. Медведев, А. Г. Генералов, Н. И. Дроздов, Л. В. Лбова, Е. В. Акимова, Н. Е. Бердникова, В. М. Ветров, Г. А. Воробьева, О. И. Горюнова, А. Л. Заика, С. В. Ласточкин, Е. А. Липнина, В. И. Макулов, С. С. Осадчий, Е. Б. Ощепкова, Н. А. Савельев, Е. В. Ташак. Красноярск ; Иркутск ; Улан-Удэ, 1996. 54 с.
- Четвертичная история и археологические памятники Северо-Минусинской впадины: учеб. пособие / Н. И. Дроздов, В. П. Чеха, Е. В. Артемьев, П. Хазартс, Л. А. Орлова. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2000. 77 с.
- The loess-paleosol succession of Kurtak (Yenisei basin, Siberia): A reference record for the Karga Stage (MIS 3) / P. Haesaerts, V. P. Chekha, F. Dambon, N. I. Drozdov, L. A. Orlova, J. Van Der Plicht // Quaternary. 2005. Vol. 16, N 1. P. 3–24. <https://doi.org/10.4000/quaternaire.171>

Итоги изучения позднепалеолитических стоянок Черемушкинского археологического района (Красноярское водохранилище)¹⁶

Е. В. Акимова, В. М. Харевич

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

Results of the Study of Late Paleolithic Sites of the Cheremushki Archaeological Region (Krasnoyarsk Reservoir)

E. V. Akimova, V. M. Kharevich

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk

По итогам разведочных работ 2014–2016 гг. на участке правого берега Красноярского водохранилища западнее залива Черёмушки выявлены четыре археологических объекта: Черёмушки, Черёмушки-Мыс, Троицкая и Черёмушки-База [Позднепалеолитическая ... , 2017; Харевич, Акимова, Вашков, 2017; Акимова, Харевич, Анисимова, 2018]. Крайняя точка Черемушкинского археологического района очерчена по заливу Комужа, где в 2008 г. был собран подъемный материал.

Вывод о принадлежности Троицкой, Черёмушек и Черёмушек-База к кокоревской культуре обоснован как приемами первичного расщепления, ориентированного на получение пластинчатых заготовок, так и самим набором каменного инвентаря.

Дата, полученная по образцам кости из культурного слоя Троицкой, составляет 9851 ± 109 л. н. (NSK/UGAMS) (11 600–11 150 кал. л. н.), что соответствует рубежу плейстоцена – голоцена и раннему голоцену. Стратиграфическое положение культурного слоя Черемушек предполагает чуть более ранний возраст – финал плейстоцена.

Оценивая Троицкую как памятник финальной стадии развития кокоревской культуры, можно выделить следующие особенности в ее каменном инвентаре: 1) соотношение между торцовыми (клиновидными) нуклеусами и нуклеусами крупных форм с широким выпуклым фронтом составляет 1:2, в то время как в классических кокоревских комплексах это соотношение составляет порядка 1:3; 2) большинство клиновидных нуклеусов представлены вертикальными и соразмерными формами с высотой фронта более 3,5 см; 3) широко используется резцовый скол вплоть до распространения «промежуточных» форм – нуклеусов-резцов с неопределенной функциональной принадлежностью; 4) возрастает количество ранее несвойственных

---

¹⁶ Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии (FWZG-2025-0012)».

кокоревской культуре орудий (проколки, долотовидные орудия); 5) сокращается количество остроконечников и концевых скребков на крупных пластинах (рис., 1–11). В целом материалы Троицкой показывают направление

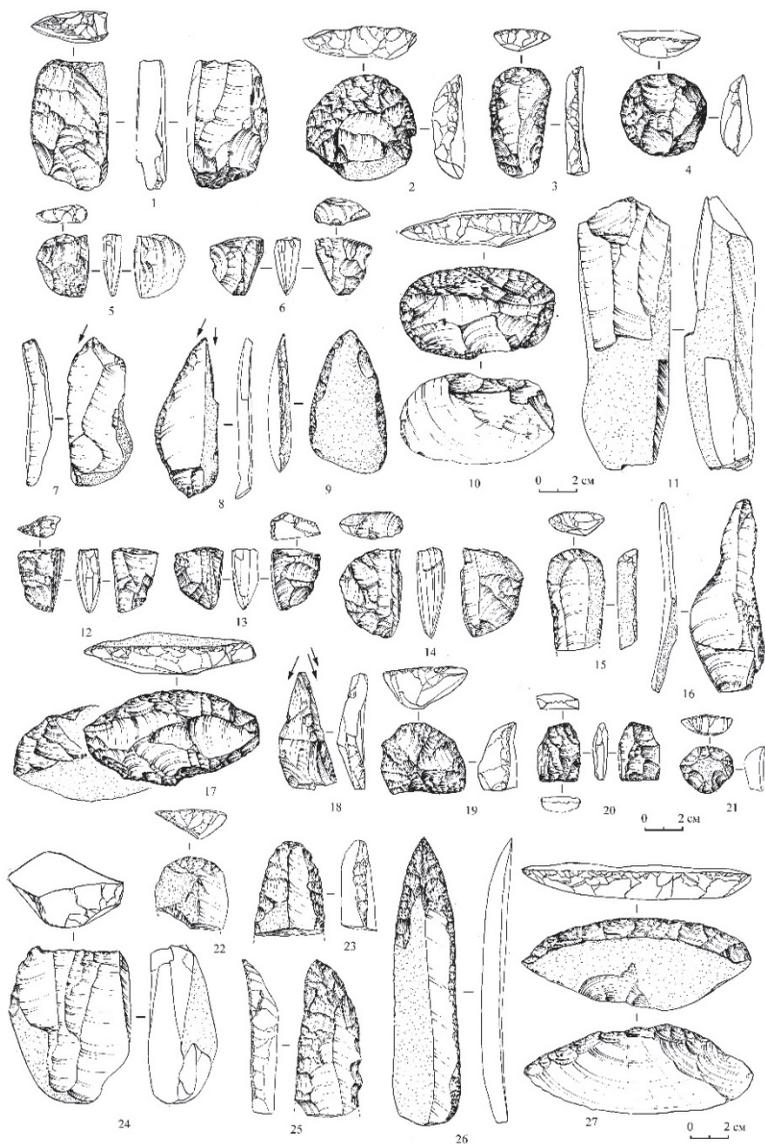

Рис. Каменный инвентарь местонахождений Троицкая (1–11), Черёмушки (12–21), Черёмушки-База (22–27)

эволюции кокоревской культуры: сохранение пластинчатой индустрии при некотором сокращении удлиненности самих пластин и размеров нуклеусов, увеличение роли вкладышевых орудий.

На стоянке Черёмушки нет такого многообразия и обилия резцевидных форм, но в то же время нет крупных симметричных остроконечников, отмечены мелкие долотовидные орудия (рис., 12–21). Возможно, несколько древнее Черемушек является Черёмушки-База с крупными ретушированными пластинами (рис., 22–27).

Таким образом, на сегодняшней стадии изученности памятников Черёмушкинского археологического района, учитывая колоссальную степень разрушения берегов водохранилища, складывается представление о заселении этой территории не позже 13–12 тыс. л. н. носителями кокоревской культуры. На основании типологии каменного инвентаря и с учетом стратиграфического положения можно предполагать, что самым древним памятником в этой группе является Черёмушки-База, более поздний возраст мог быть у Черёмушек, в то время как Троицкая должна быть датирована рубежом плейстоцена – голоцена или ранним голоценом.

В то же время вполне допустимым представляется отнесение к тарихской культуре материалов Комужи и наличие соответствующих «мелкопластинчатых» примесей в сборах на местонахождении Черёмушки-Мыс. Об этом свидетельствуют микропластинки с крутой ретушью по краю и усеченному концу, концевые микроскребки и призматические нуклеусы для пластин небольших размеров. Учитывая широкие хронологические рамки «мелкопластинчатых индустрий», датировать эту проблематичную часть подъемных сборов пока не представляется возможным.

Список литературы

- Акимова Е. В., Харевич В. М., Анисимова А. В. Опыт планиграфического изучения экспонированных культурных отложений в зоне Красноярского водохранилища // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2018. Вып. 7. С. 3–5.
- Позднепалеолитическая стоянка Черёмушки II на Красноярском водохранилище: к проблеме финального этапа кокоревской культуры / Е. В. Акимова, В. М. Харевич, А. А. Вашков, И. В. Стасюк, А. Ф. Санько // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 20. С. 26–43.
- Харевич В. М., Акимова Е. В., Вашков А. А. К проблеме верхней границы кокоревской культуры в позднем палеолите Енисея (по материалам стоянки Троицкая) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 182–190. <https://doi.org/10.17223/15617793/418/22>

Микропластинчатое производство на территории Окинского плоскогорья в Восточном Саяне

В. И. Ташак

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Microblade Production on the Territory of the Oka Plateau in the Eastern Sayan Mountains

V. I. Tashak

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

С 2018 г. на территории Окинского плоскогорья, занимающего значительную часть современного Окинского района Республики Бурятия, проводятся систематические археологические исследования. Результатом таких исследований стало открытие ряда новых археологических объектов, среди которых большинство представлено стоянками каменного века, преимущественно, эпохи неолита. Также в ходе исследований удалось выявить культурные горизонты, сформированные в финале плейстоцена, т. е. относящиеся к эпохе финального палеолита.

На исследованных археологических памятниках получено большое количество разнообразных каменных артефактов, среди которых значительный интерес представляют свидетельства микропластинчатого производства – сами микропластины, нуклеусы, предназначенные для их производства, и различные сколы, представляющие собой продукты подготовки и подправки нуклеусов. По мере накопления фактической базы данных, т. е. увеличения количества артефактов, стали проследиваться морфологические и технико-типологические особенности среди нуклеусов с негативами микропластинчатых связей. Эти особенности позволяют поставить ряд вопросов, среди которых и вопросы о хронологической и территориальной дифференциации микропластинчатых нуклеусов, представленных на археологических памятниках Окинского плоскогорья.

Среди микропластинчатых нуклеусов рассматриваемого района основная масса представлена торцовыми клиновидными с абсолютным преобладанием экземпляров высокой формы, которые территориально распространены. При этом морфологический анализ показывает, что существовали различные варианты подобных нуклеусов из разных археологических памятников и разных стратиграфических уровней некоторых памятников. Следует отметить, что большинство хорошо сохранившихся культурных горизонтов связаны с красновато-оранжевым или красновато-желтым литологическим слоем, широко распространенным в рыхлых отложениях долины Оки (Ахи) и ее притоков – Сенцы, Жомболока, Тиссы. Проведенные хронологические исследования показывают, что этот слой формировался в эпоху голоценового оптимума, и формирование слоя завершилось около

6000 л. н. [Ташак, Антонова, 2023]. Для археологических материалов, зафиксированных в верхней части указанного литологического слоя, характерно наличие керамики, в том числе, усть-бельского типа, и шлифованных орудий из нефрита. Нуклеусы с негативами скальвания микропластинок и пластинок характеризуются преобладанием массивных форм – широкие по фронту скальвания. На развитой и завершающей стадиях утилизации такие нуклеусы приобретают коническую форму или сохраняют признаки торцовых, но с широким фронтом скальвания. Такие нуклеусы зафиксированы на местонахождениях в долинах Оки, Жомболока, Сенцы и Тиссы.

В подошве красновато-оранжевого литологического слоя и в слое бледно-палевого цвета, который также повсеместно подстилает красновато-оранжевый слой, преобладают узкие по фронту скальвания торцовые клиновидные нуклеусы. Типичные изделия представлены высокой и узкой по фронту формой. Подправка ударных площадок осуществлялась крупными сколами с одного края с последующим выравниванием ее по фронту мелкими сколами. Конические или близкие им по форме сработанные массивные торцовые нуклеусы, в этих слоях не зафиксированы.

Уникальными для Окинского плоскогорья предстают торцовые нуклеусы, обнаруженные на локальном участке в местности Шаснур (долина Сенцы). Эти нуклеусы характеризуются тем, что они изготовлены на узких сколах – фрагменты крупных пластин и узкие крупные отщепы. На участке, где обнаружены подобные нуклеусы, выявлен культурный горизонт. Хронологические исследования этого горизонта указали на его плейстоценовый возраст [Ташак, 2023].

Таким образом, на предварительном этапе исследования каменного века Окинского плоскогорья прослеживаются морфологически выраженные различия среди нуклеусов, предназначенных для производства микропластин. Морфологически близкие друг другу формы нуклеусов тяготеют к определенным стратиграфическим уровням в покровных отложениях. В связи с этим можно предполагать, что указанные различия обусловлены хронологией – отражают этапы развития. Это не исключает и того, что данные различия могут отражать культурные особенности.

Список литературы

Ташак В. И. Археологические разведки на западе Окинского плоскогорья (Саянские горы) // Вестник БНЦ СО РАН. 2023. № 1 (49). С. 33–41. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2023-49-33-41>

Ташак В. И., Антонова Ю. Е. Наскальные рисунки в долине Жомболока (Окинское плоскогорье): вулканическая активность в древнем изобразительном искусстве // Религиоведение. 2023. № 3. С. 5–15. https://doi.org/10.22250/20728662_2023_3_5

Поздний палеолит Нижнего Витима: современное состояние изучения

А. В. Тетенькин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск

The Late Paleolithic of the Lower Vitim: Current State of Research

A. V. Tetenkin

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

Наиболее ранний позднепалеолитический комплекс, Мамакан VI (*мамаканский этап*), по совокупности радиоуглеродных, стратиграфических, культурно-типологических данных относится ко времени 22–20 тыс. л. н. (здесь и далее калиброванные значения возраста) [Тетенькин, 2014]. Отсутствие более древних свидетельств пребывания людей объясняется катастрофической перестройкой долины во время мегафладов – прорывов Муйского палеозера [Chronology ... , 2025]. Ассамбляж Мамакана VI характеризуется: а) терминальными, горизонтально вытянутыми микронуклеусами на реберчатой основе с коротким фронтом до 1,5 см высотой; б) пластинами шириной 1–3 см, наибольшая длина усеченной пластины – 8 см; в) срединными-трансверсальными резцами; г) скребками; д) сколами. Культурно-типологические корреляции выстроены с памятниками Забайкалья (Усть-Менза-2, горизонты 19, 20) [Константинов, 1994].

Следующий, *коврижжинский*, этап представлен 2Б–6 культурными горизонтами (к. г.) стоянки Коврижка IV, 19–18 тыс. л. н., конец LGM [Тетенькин, 2022; Tetenkin, 2025]. Раскопаны остатки жилищ в 6, 3Б, 3/2 и 2Г к. г. и приочажной хозяйственной площадки в 2Б к. г. Характерно разнообразное применение охры. Каменное производство состоит из техник: а) микропластинчатого расщепления клиновидных нуклеусов из бифасов и сколов с оформлением ударной площадки с латералей и фронта (коврижжинская техника микронуклеуса) и из бифасов с оформлением площадки снятия краевого и лыжевидных сколов (техника юбецу); б) производства грубопризматических пластин длиной до 5 см; в) макропластин длиной до 12 см; г) отщепов с галечных нуклеусов параллельного и радиального принципов расщепления; д) производства бифасов. В орудийном наборе пластины и отщепы с амортизированным краем, скребки, скребла, долотовидные орудия, резцы срединные и угловые, бифасы с амортизированным краем. В предметах искусства – антропоморфная фигура из пластины из бивня (6 к. г.), обломок подвески из графитита (4 к. г.). Корреляционные связи выстроены со студенческой культурой Забайкалья и (по бифасиальному признаку) дюктайской культурой Якутии [Мочанов, 1977; Константинов, 1994]. Связи с предшествующим Мамаканом VI не обнаруживаются.

Время второй половины МИС 2, 17–12 тыс. л. н., *большеякорский этап*, представлено стоянками Авдеиха, к. г. А, В, С; Большой Якорь I, к. г. 3А–9 (наиболее изучен); Коврижка III, к. г. 2, 3; Коврижка V, к. г. 2, 3, 4; Инвалидный III, пункт 4, к. г. 2; Нирыкан I, к. г. 2 [Мочанов, 1977; Инешин, Тетенькин, 2010; Тетенькин, 2021]. Ассамбляжи характеризуются бифасами, скреблами, скребками, трансверсальными и угловыми резцами, клиновидными нуклеусами коврижжинской (Авдеиха, Коврижка III) и юбецу (Большой Якорь I) техник, отщеповыми галечными нуклеусами параллельного и радиального принципов расщепления. Прослеживается преемственность с предыдущим этапом.

В раннем голоцене, 11–8 тыс. л. н., *инвалидный этап*, сохраняются традиции каменного производства позднепалеолитического облика, включая коврижжинскую (Коврижка II, 1–4А к. г.), юбецу (Инвалидный III, пункт 1, к. г. 1) техники микронуклеуса. Наряду с ними появляются комплексы сумнагинского (мезолитического) облика (Большая Северная; Павлова, к. г. 1, 2; Коврижка III, 1А к. г.; Коврижка V, к. г. 1; Инвалидный III, пункты 2 и 3), окончательно формирующие ситуацию культурной вариативности накануне неолита [Мочанов, 1977; Тетенькин, 2022].

Список литературы

- Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.
- Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ ; Чита : Изд-во ИОН БНЦ СО РАН, 1994. 180 с.
- Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1977. 264 с.
- Тетенькин А. В. Геоархеологическое местонахождение эпохи позднего палеолита Мамакан VI на Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 4 (12). С. 9–26.
- Тетенькин А. В. Новый палеолитический комплекс местонахождения Нирыкан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, № 3. С. 9–21. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-9-21>
- Тетенькин А. В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья ; автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2022. 41 с.
- Chronology of glacial megafloods in the Baikal-Patom Upland (South Siberia): New geochronological constraints / A. V. Arzhannikova, S. G. Arzhannikov, A. V. Tetenkin, A. A. Chebotarev, I. V. Timofeeva, U. S. Efremova, E. A. Gladkochub, N. V. Bryanskiy // Quaternary International. 2025. Vol. 749. 110004. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2025.110004>
- Tetenkin A. V. Excavations at Kovrizhka IV site and its bearing on research of the Late Upper Paleolithic and human adaptation to the environment of last glacial maximum in Baikal-Patom Highlands, Siberia // Quaternary International. 2025. Vol. 748. 109970. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2025.109970>

Методические подходы к изучению культурных отложений дюнных стоянок эпохи финального палеолита на примере стоянки Черноозерье II

Т. А. Горбунова, И. В. Шмидт

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Methodological Approaches to the Study of Cultural Deposits of Dune Sites of the Final Paleolithic Epoch on the Example of Chernoozerie II site

T. A. Gorbunova, I. V. Shmidt

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

Первобытный человек для стоянок и поселений предпочитал хорошо дренируемые формы рельефа, в частности гривы различного происхождения. Гривные (дюнные, зандровые) археологические памятники разных эпох широко известны на территории России. Механизм седиментации и разнообразные метаморфозы постседиментационного характера на таких памятниках не позволяют сформироваться развитой стратиграфии, приводя к компрессии культурных слоев, их размытости, дисперсному залеганию в них артефактов, невыраженности материальных следов деятельности человека. Усугубляет ситуацию распространенная методика выборки напластований условными горизонтами или горизонтальными зачистками [Сорокин, 2016]. Рассмотрим ее последствия на примере исследований памятника финального палеолита Черноозерье II.

Стоянка расположена в Саргатском районе Омской области, в 150 км к северо-востоку от г. Омска и в 1,5 км к юго-западу от д. Черноозерье, на левом берегу р. Иртыш и приурочена к гриве эолового происхождения, которая не имеет признаков паводковой активности [Субазральные ... , 2022]. В толще ее отложений на разной глубине от дневной поверхности обнаружены культурные слои различных эпох.

К началу активной фазы раскопочных работ палеолитических отложений комплекса в нашем распоряжении были данные разных лет, убеждавшие в субгоризонтальном залегании слоя финального палеолита на разных участках комплекса [Шмидт, Горбунова, 2017, 2020]. При проведении раскопок ожидалась привычная в методическом отношении работа: последовательное вскрытие под уровень условными горизонтами.

Однако в ходе работ 2019 г. мы не смогли уверенно зафиксировать выделенные объекты, обозначить особенности микростратиграфии, их мощность. Они напоминали аморфные пятна с непонятным заполнением, нерегулярной сменой интенсивности золисто-углистых отложений [Шмидт, Горбунова, 2021].

В 2020 г. работы проводились в зоне пологого склона гривы без изменения методики вскрытия. Итог сезона – те же пятна по всей площади, которые мы назвали «фантомными объектами». Именно тогда было принято решение отказаться от горизонтальных зачисток под единый уровень и проводить выборку слоя согласно его пространственному залеганию в отложениях гривы [Шмидт, Горбунова, Брянцев, 2022].

В 2021 и 2022 гг. работы были продолжены с применением обновленной методики [Шмидт, 2021, 2023]. Это сразу позволило получить информацию совершенно иного характера. Исчезли фантомные объекты, вся поверхность приобрела краповый раскрас, характерный для стоянок ранних эпох со слабо развитым культурным горизонтом.

Таким образом, можно говорить о том, что специфика дюнных стоянок требует применения иных методик раскопок, чтобы по возможности избежать создания «фантомных объектов» (структур культурного слоя) и искажения стратиграфической и планиграфической картины.

Список литературы

- Сорокин А. Н. К вопросу о специфике дюнных и болотных геархеологических объектов в качестве источников // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 17. С. 21–37.
- Субэральные отложения черноозерской гривы (долина р. Иртыш): гранулометрический состав; генезис; динамика осадконакопления / Н. В. Осинцева, И. В. Шмидт, Т. А. Горбунова, Т. Лауэр, Б. Шнайдер, Х. Тинапп, Х. Штойбле // Геоморфология. 2022. № 2. С. 51–60. <https://doi.org/10.31857/S0435428122020080>
- Шмидт И. В. Отчет о результатах археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стоянка Черноозерье III» в Саргатском районе Омской области, проведенных в 2021 г. // МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 274. Омск, 2021. 61 с. с илл. и прил.
- Шмидт И. В. Отчет о результатах археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «стоянка Черноозерье III» в Саргатском районе Омской области, проведенных в 2022 г. // МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 281. Омск, 2023. 68 с. с илл. и прил.
- Шмидт И. В., Горбунова Т. А. Исследования на Черноозерской гриве // Археологические открытия-2015. М.: Ин-т археологии РАН, 2017. С. 423–426.
- Шмидт И. В., Горбунова Т. А. Работы на стоянке Черноозерье II в Саргатском районе Омской области // Археологические открытия – 2018. М.: Институт археологии РАН, 2020. С. 460–462.
- Шмидт И. В., Горбунова Т. А. Стоянка Черноозерье II (Саргатский район, Омская область) // Археологические открытия – 2019. М.: Ин-т археологии РАН, 2021. С. 413–416.
- Шмидт И. В., Горбунова Т. А., Брянцев В. А. Стоянка Черноозерье II в Саргатском районе, Омская область // Археологические открытия – 2020. М.: Ин-т археологии РАН, 2022. С. 365–368.

Костяной игольник финального палеолита: интерпретация следов утилизации на внутренней поверхности фрагментов изделия

И. В. Шмидт¹, Е. А. Рогачев², В. Ю. Малий²

¹*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск*

²*Омский государственный технический университет, г. Омск*

Bone Needle Case from the Final Paleolithic: Interpretation of Disposal Traces on the Inner Surface of the Product Fragments

I. V. Shmidt¹, E. A. Rogachev², V. Yu. Maliy²

¹*Dostoevsky Omsk State University, Omsk*

²*Omsk State Technical University, Omsk*

Четыре фрагмента костяного изделия, оказавшиеся в центре нашего внимания, не обладают широкой известностью, хоть и частью опубликованы. Они характеризуют интерес древнего человека к технологическому и техническому потенциалам кости.

Игольники/футляры для игл известны в коллекциях древнейших артефактов. В прошлом веке сформировался алгоритм их описания: материал и состояние артефакта, морфометрия, технология производства и оформления, стилистические особенности оформления, следы утилизации и тафономической деформации. Относительно обсуждаемого материала актуально звучат некоторые вопросы. Принадлежали ли четыре обнаруженных нами фрагмента костяной трубочки одному предмету? У них нет общих граней, но планиграфическая ситуация обнаружения поддерживает версию их единства. Очевидна ли идентификация следов утилизации и депонирования на поверхности кости – еще один непростой в решении вопрос. Биоэрозия поверхностей отдельных фрагментов не позволяет уверенных заключений о наблюдаемой ситуации. Но именно в ходе анализа поверхностей фрагментов выявлен аспект их состояния, прежде не обсуждавшийся в научных публикациях, что, в свою очередь, спровоцировало отдельные исследования с нашей стороны.

В ходе археологических работ 2019 и 2022 гг. на стоянке финального палеолита Черноозерье II (Саргатский р-н, Омская обл.), в соседних квадратах 1997-1999/136 было найдено четыре фрагмента костяного игольника. Три фрагмента (ЧЗ II. 65.19, ЧЗ II. 67.19, ЧЗ II. 69.19) выявлены при обработке остеологической коллекции 2019 г., четвертый (ЧЗ II. 188.22) в 2022 г. Состояние первых трех удовлетворительно, поверхность четвертого сильно нарушена. Изделие было выполнено из трубчатой кости, очевидно, зайца.

Для производства могла быть использована большая бедренная, либо большеберцовая кость животного; они обладают прямым длинным тонкостенным диафизом с гладкой трабекулярной/внутренней поверхностью.

Технология производства изделия хорошо считывается с его фрагментов и интуитивно понятна, не единожды экспериментально воспроизведена: первый этап – получение заготовки через отсечение эпифизов и метафизов кости (здесь возможны отдельные вариации, влияющие на модель игольника); второй этап – снабжение заготовки декоративными и функциональными деталями (индивидуальные узоры, прорезные кольцевые каналы, упрощающие/способствующие креплению изделия).

Судя по состоянию внешней поверхности фрагментов, предмет некоторое время использовался. Морфология и метрика фрагментов говорят о том, что изделие было раздавлено в контексте какого-то внешнего воздействия, но мы не можем судить о его подробностях – случилось ли это в процессе использования, либо после того, как его потеряли и наступили на него. В результате мы обладаем четырьмя осколками малых форматов.

Сосредоточимся на утилизационном аспекте изделия, запечатленным на внутренней поверхности фрагментов. Помимо следов вермикулярной/микоризной протравки она сохранила линейные следы утилизации. Как правило, подобные им остаются скрытыми от наблюдателей.

Трабекулярная поверхность фрагментов №№ 65, 67, 188 покрыта сгруппированными, ориентированными преимущественно по длинной оси изделия, неглубокими (в 0,5 мм) царапинами, оставленными на поверхности остроконечным орудием. У фрагмента № 69 зафиксировано лишь несколько аналогичных бороздок. Профиль канавок U-образен. Единичные очень глубоки. От вермикулярных и микоризных они отличаются строгостью границ (четкими плечиками), векторной ровностью, плотной группировкой. «Био-каналы» часто меняют направление развития/«струятся», сбалансировано разрежены, перекрывают и разрушают антропогенные следы.

На фрагменте № 65 нижняя граница зоны распространения царапин находится в 14–15 мм от кромки изделия, на фрагменте № 67 в 3–4 мм, на № 188 их окончание угадывается в 10–12 мм от нее.

Уже прозвучала возможная интерпретация их формирования – следы от скольжения острия иглы по стенке футляра, подобные тем, что остаются, когда портниха, не глядя, с усилием, отправляет иглу в контейнер-муфту. Угол вхождения иглы в футляр различен и динамичен, менялся при продвижении иглы, как и давление – по глубине треков чувствуется его разница. Движение острия по стенке игольника начиналось от самого края, и, судя по разнице длины треков, произвольно заканчивалось, когда острие иглы уже полностью скрывалось внутри изделия.

Обсуждение следов утилизации на трабекулярной/внутренней поверхности костяного изделия – уникальный случай. Редко удается «заглянуть» внутрь игольников. При писании их фрагментов данная тема не поднималась. То есть практики обсуждения и презентации данной информации нет. Нас интересовала не только идентификация выявленных следов, но и вероятное объяснение разницы длины треков. Было решено провести небольшой эксперимент для прояснения ряда вопросов: являются ли оставленные следы признаком работы «слепой портнихи», или же анализируемые треки сформированы, безусловно, иглой, но в ходе иной процедуры?

Были подготовлены игла из бивня мамонта и игольник из берцовой кости зайца. Игла запускалась в игольник под углом в 30–40° и 70–85°, без локализации участков формирующихся треков. Скольжение иглы по стенке предполагало надавливание, не допускающего надлома ее апикальной зоны. На высохшей кости следы необходимой интенсивности не формировались, игла либо скользила по поверхности, либо «застревала» в редких трабекулярных перегородках, оставшихся в зоне метафиза; была велика вероятность надлома ее кончика. Мы допустили, что в увлажненном состоянии произойдет смягчение трабекул, и это позволит избежать повреждения иглы. Игольник был смочен в воде, его увлажнение заняло не более получаса. Трабекулярные гребни перегородок, действительно, перестали быть угрозой для целостности иглы, повысилась сцепленность со стенками игольника. Это стало понятно по состоянию острия предмета, появился эффект заточки/«подправки» апикальной зоны. Началось формирование каналов, аналогичных фиксируемому на оригинальном материале.

При 30–40° вхождения иглы в устье игольника и скольжения по стенке происходила микрозаточка ее апикальной зоны, при 70–85° – всей дистальной зоны изделия. Очевидно, обращаясь к данной процедуре, человек не стремился работать вслепую, он... затачивал/подправлял кончик иглы. Благодаря полученным в ходе эксперимента данным, мы с высокой степенью вероятности можем интерпретировать этиологию линейных следов на внутренней стенке оригинальных фрагментов – они сформированы многократным введением иглы с целью корректировки ее апикальной зоны.

Каменный век Камчатки и сопредельных территорий: общее и особенное

И. Ю. Понкратова

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Stone Age of Kamchatka and Adjacent Territories: General and Special

I. Y. Ponkratova

Northeastern State University, Magadan

Выявление общего и особенного в материалах археологических стоянок и этнографических коллекциях народов, населявших Камчатку и соседние с ней территории, позволяет определить место каменного века этого региона в истории человечества, понять возможные культурные связи и направления миграций населения в древности.

Сопоставление данных о каменном веке Камчатки с материалами об археологических культурах и памятниках, хронологически и территориально близких территорий возможно с ее соседями по арктическому поясу – Якутией на западе, бассейном реки Колымы и Чукотки на севере; американским континентом на востоке; на юге от ареала исследования – регионом Дальнего Востока России, включающим Приморье, Приамурье и Сахалин, Курильские острова, а также с Японией, Кореей, Китаем.

Сопоставление основных близких хронологических этапов каменного века Камчатки и сопредельных с ней территориях позволило предположить, что практически для всех территорий (кроме Камчатки, островов Сахалина, Японского архипелага) были характерны последовательная смена этапов, а иногда и сосуществование культур с конца плейстоцена до позднего голоцена.

Учитывая перерывы в заселении Камчатки, Сахалина, и, вероятно, северных окраин Якутии, Японского архипелага, можно предположить, что островной мир Дальнего Востока в конце плейстоцена – раннем голоцене заселялся разными группами населения периодически, что обусловлено особенностями рельефообразования, вулканической активностью, климатическими условиями этих территорий.

Сопоставительный анализ материалов из археологических комплексов первой группы населения на Камчатке и сопредельных территорий позволяет предположить ее связь с населением американского континента в результате миграционного процесса, связанного с определенным местом, куда сезонно приходили (приплывали?) люди для добычи рыбы и совершения обрядов.

Вторая группа населения пришла на Камчатку около 12,0–10,1 тыс. л. н., вероятно, с территорий Дальнего Востока, Японии, Кореи, Китая, где произошло первоначальное появление микропластинчатой индустрии.

Согласно современному состоянию изученности археологических памятников раннего голоцена, сегодня известно более 100 таких объектов в западных и более северных сопредельных с Камчаткой регионах – Якутии, Сибири, Забайкалье. На территориях, расположенных к югу от Камчатки (Японский архипелаг, Южный Китай, Сахалин, Приморье), правомерность выделения мезолита, как специфического и самостоятельного этапа каменного века вызывает сомнения у исследователей. В материалах позднплейстоценовых памятников этих территорий есть свидетельства раннего начала неолитизации в виде появления керамических и шлифованных изделий, перехода к оседлому образу жизни, зарождения производящих форм хозяйства [Василевский, 2008; Яншина, 2014; и др.]. Тем не менее, европейская археологическая традиция традиционно определяет культуры раннего голоцена как мезолитические и происходящие изменения в этот период объясняются адаптацией к новым климатическим условиям, приведшим к культурной деградации и изменениям в эксплуатации пищевых ресурсов [Binford, 1968].

В эпоху среднего и позднего неолита население Камчатки имело контакты с населением северо-западных территорий американского континента, Чукотки, островов Сахалина, Японского архипелага, Курил. Сходство экологических условий, определяемых спецификой островного и полуостровного положения этих близких к Камчатке регионов части Тихого океана, вероятно, способствовали появлению общих черт в стратегии жизнеобеспечения населения (домостроительство, приготовление пищи при помощи раскаленных камней, плетение из травы различных изделий, искусство в виде антропоморфных и зооморфных скульптур, украшения из клювов птиц и др.).

В целом миграционные процессы, имевшие место на территории Евразии, в том числе и на Камчатке, на рубеже плейстоцена и в голоцене, происходили не одномоментно. Их темп и направления миграций в разные хронологические периоды были различны, так же как был различен и состав мигрирующего населения. Подобные миграции могли проходить здесь в виде миграции всей общины (рода) или миграций определенного сегмента общества [Клейн, 1973]. Безусловно, немаловажную роль в данных процессах сыграли и древнейшие жители полуострова Камчатка.

Список литературы

- Василевский А. А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 2008. 412 с.
- Клейн Л. С. Археологические признаки миграций // IX МКАЭН. Чикаго. Доклады советской делегации. М., 1973. 17 с.
- Яншина О. В. Понятие «неолит» и археология Восточной Азии // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 125–151.
- Binford L. R. Post-Pleistocene adaptations // *New Perspectives in Archaeology*. Chicago : Aldine Publishing, 1968. P. 313–342.

Краткий обзор формирования терминологии, связанной с клиновидными микронуклеусами

А. А. Уланов

Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

A Brief Overview of the Development of Terminology Related to Wedge-Shaped Microcores

A. A. Ulanov

Hokkaido University, Sapporo, Japan

Иркутская школа археологии, и Г. И. Медведев в частности, традиционно уделяла особое внимание точности терминологии [Медведев, Михнюк, Лежненко, 1974; Медведев, 1981]. Исследования, посвященные номенклатурным обозначениям и морфологическому описанию, содействовали формированию направления дескриптивной археологии в СССР [Клейн, 1993].

Первые упоминания микропластин относятся к концу XIX в. [Витковский, 1881]. В начале XX в. Б. Э. Петри ввел термин «скребок-ядрище», впервые предложив специальное обозначение для микронуклеусов [Петри, 1926]. Его термин продолжили использовать Е. И. Титов и В. Я. Толмачёв в 1920-е гг. [Титов, Толмачёв, 1928]. В 1930-е гг. А. П. Окладников предложил термин «гобийский нуклеус» [Окладников, Василевский, 1976]. Во 2-й половине XX в. происходит закрепление термина «клиновидный нуклеус» и формализация морфологических критериев в работах З. А. Паничкиной и Г. И. Медведева [Паничкина, 1959; Медведев, Михнюк, Лежненко, 1974]. Позднее терминология была дополнена понятием «терминально-краевой нуклеус» [Золотарёв, Бердникова, 2022], пока не получившим широкого распространения.

В русскоязычной литературе встречается шесть основных терминов: скребок-ядрище, гобийский, торцовый, клиновидный, ладьевидный и терминально-краевой. Четыре из них остаются актуальными; кроме того, некоторые исследователи выделяют микроторцовые и микроклиновидные варианты [Табарев, Гладышев, 2012].

Терминологическая вариативность характерна и для зарубежной литературы. Помимо общепринятого Wedge-Shaped Core, существуют устаревшее обозначение demi-polyhedral core [Nelson, 1937]. Иногда используется транслитерация русских терминов, например tortsovyi [Gomez Coutouly, 2018]. В японской археологии применяются как аутентичный термин 細石刃核 (рус. сайсэкидзинкаку), так и англоязычная транслитерация saisekijinkaku, а в китайской литературе сосуществуют несколько вариантов

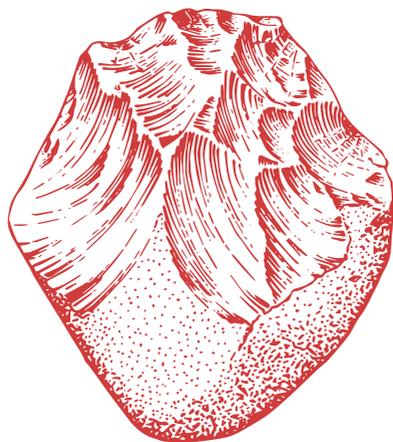
названий микронуклеусов [Jin, Zhang, Yi, 2021]. Все это затрудняет коммуникацию между исследователями из регионов, где микропластинчатое расщепление является ключевым элементом позднего палеолита.

Выбор термина остается прерогативой исследователя или научной школы. Тем не менее «клиновидный нуклеус» имеет ряд преимуществ: морфологическую описательность, удобство перевода и широкое распространение в литературе. В совокупности эти качества делают его наиболее универсальным термином в межрегиональных и международных исследованиях.

Список литературы

- Витковский Н. И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии, произведенной по поручению Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического общества в июле 1880 года // Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического общества. Иркутск, 1881. Т. 11, № 3–4. С. 1–12.
- Золотарёв Д. П., Бердникова Н. Е. Краткий обзор варибельности терминально-краевого расщепления в комплексах финального Сартана Байкало-Енисейской Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 41. С. 68–80. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.41.68>
- Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб. : Фарн, 1993. 128 с.
- Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981. С. 16–33.
- Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Леженко И. Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 1. С. 60–90.
- Окладников А. П., Василевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1976. 168 с.
- Паничкина З. А. Палеолитические нуклеусы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1959. Вып. 1. С. 7–78.
- Петри Б. Э. Сибирский неолит. Иркутск : Власть труда, 1926.
- Табарев А. В., Гладышев С. А. Раннеголоценовые микропластинчатые индустрии Центральной Азии (по материалам китайско-шведской экспедиции С. Хедина, Музей восточных древностей, Стокгольм, Швеция) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, № 3. С. 222–232.
- Титов Е. И., Толмачёв В. Я. Остатки неолитической культуры близ Хайлара (по материалам ОИМК, по данным разведок 1928 г.) // Вестник Маньчжурии. 1928. С. 63–68.
- Jin Yingshuai, Zhang Xiaoling, Yi Mingjie. Defining wedge-shaped cores and classification of microblade cores // Acta Anthropologica Sinica. 2021. Vol. 40, Is. 2. P. 307–319. <https://doi.org/10.16359/j.cnki.cn11-1963/q.2019.0072>
- Nelson N. C. Notes on cultural relations between Asia and America // American Antiquity. 1937. Vol. 2 (4). P. 267–272.
- Gomez Coutouly Y. A. The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia // Radiocarbon. 2018. Vol. 60, Is. 3. P. 821–855. DOI:10.1017/RDC.2018.30

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА ОТ ПАЛЕОЛИТА
К МЕЗОЛИТУ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ
ТРАДИЦИЙ ЛИТОПРОИЗВОДСТВА.
КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО
И НАЧАЛА СРЕДНЕГО ГОЛОЦЕНА
ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ
СТОЯНОК И ПОСЕЛЕНИЙ

Раннеголоценовые комплексы северо-востока Азии и проблемы перехода от палеолита к мезолиту

С. Б. Слободин, А. Ю. Зеленская

Северо-Восточный комплексный НИИ им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан

Early Holocene Complexes of Northeast Asia and the Problems of the Transition from the Paleolithic to the Mesolithic

S. B. Slobodin, A. Yu. Zelenskaya

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N. A. Shilo FEB RAS, Magadan

Несмотря на то что тема мезолита, как и палеолита, возникла в самых первых работах Н. Н. Дикова по северо-востоку Азии (далее – СВА) почти 70 лет назад, проблемы, связанные с вопросами их происхождения, эволюции, распространения и взаимодействия, остаются актуальными для археологии Колымы, Чукотки, Камчатки и Континентального Приохотья и в настоящее время.

Попытки Ю. А. Мочанова определить комплексы сумнагинской культуры, сменяющие дюктайскую палеолитическую культуру, как «голоценовый палеолит», по аналогии с раннеголоценовыми стоянками Русской равнины, где они имели сходные технико-типологические характеристики (далее – ТТХ) с плейстоценовыми палеолитическими памятниками, не получили поддержки даже в региональных культурно-хронологических схемах по Якутии, где она отнесена к мезолиту. Тем более, что это противоречило утверждению самого Ю. А. Мочанова о полном отличии дюктайской культуры от сумнагинской. Ареал сумнагинской культуры, первоначально ограниченный долиной р. Лена, затем был распространен на Колыму, Камчатку и Чукотку, возражая против такого широкого распространения сумнагинской культуры на СВА, дал, основываясь на проведенных им исследованиях, свою схему развития раннеголоценовых (мезолитических) культур: на Колыме – сибердиковская и малтанская, на Камчатке – мезолитическая ушковская, на Чукотке – путуракская, с присутствием, на ее поздних этапах, сумнагинской. Со временем, с накоплением новых данных, стало возможным выделение на СВА еще одной уолбинской мезолитической культуры (рис.), а многие пункты этих положений были уточнены, либо сняты с повестки обсуждения. Так, сибердиковская культура демонстрирует пока не нашедшую объяснения совокупность черт палеолита, мезолита и неолита и ограничена территорией Верхней Колымы. «Малтанская»(?) культура, представленная только стоянкой Малтан, получила неолитическую аффилиацию. Стратифицированные, однокомпонентные и датированные по С¹⁴ стоянки Буонда III, Уртычук, Хуренджа (Азамат) с выразительными комплексами сумнагинской культуры были найдены на Колымском нагорье,

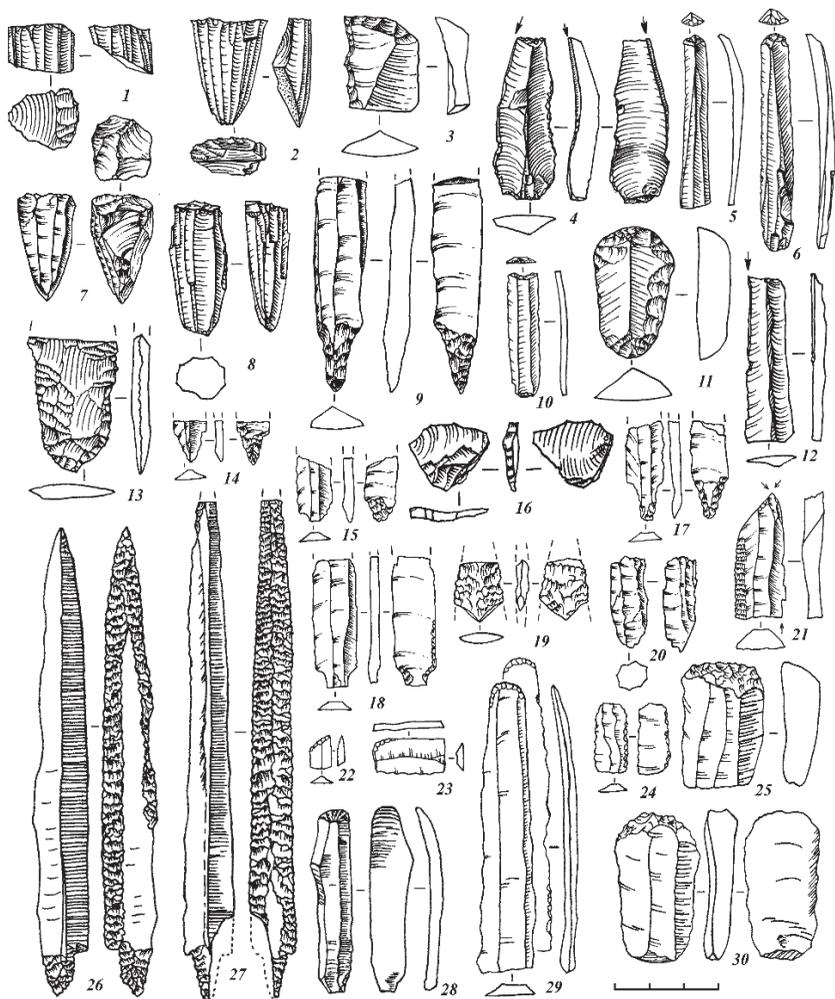

Рис. Каменные орудия уолбинской культуры СВА. Стоянка Конго 78 (1, 2, 4, 12, 13, 16); Инг 78 (3, 5-11); Юбилейный (19, 22-25, 29, 30) по [Кашин, 1983]; Агробаза II (14, 15, 17, 20, 21); Уолба (26-28) по: [Окладников, 1946]

а также Бурхала и Запятая в долине Верхней Колымы. Детальный анализ этих материалов подтверждает их принадлежность сумнагинской культуре. Ее ранний этап определяется датой по C^{14} в 9300 л. н. (10 51 кал. л. н.) со стоянки Бурхала. Продолжительность ее существования на Колыме определяется, на данный момент, комплексом этой культуры со стоянки Запятая

возрастом 6800 л. н. (7635 кал. л. н.), перекрытым неолитическими материалами. Продолжение ареала сумнагинской культуры прослеживается на Западной Чукотке на стоянках Тыгыль I–IV и далее на Чукотском полуострове на стоянках Путурак, Найван, Челкун IV. Выделенная на Чукотке на материалах одной мастерской путуракская культура с явными элементами сумнагинской культуры, нуждается в большей обоснованности ее выделения. Вместе с тем, если рассматривать ее в рамках региональной классификации, выделение данной культуры можно считать обоснованным. Также отмечается присутствие на Чукотке уолбинской культуры.

Сложным вопросом в проблеме мезолита СВА является его формирование на Камчатке, в силу ее относительной географической изоляции в раннем голоцене. Предположение Ю. А. Мочанова о распространении сумнагинской культуры на Охотское побережье отчасти подтверждается на данный момент открытием в Прихотье пока только одной стоянки БМА-3. Но на Камчатку, судя по имеющимся там материалам, сумнагинская культура не распространялась. Н. Н. Диков выделил на Камчатке в слое IV стоянок Ушки I–V первую ушковскую мезолитическую культуру, представленную не только призматическими, коническими микропластинчатыми нуклеусами, но и пластинчатыми черешковыми наконечниками, бифасиально обработанными орудиями. Определено, что тефра, перекрывающая IV к. с. стоянки Ушки I, относится к извержению 6957 ± 30 л. н. вулкана Хангара. Подобные же комплексы, датируемые по тефрохронологии и по C^{14} возрастом 7500–6180 л. н., в начале XXI века были найдены на Камчатке на стоянках Авача 1 и 9.

Также И. Ю. Понкратова сообщает, что «по результатам исследования раннеголоценового V к. с. стоянки Ушки V начальный неолит полуострова Камчатка датирован временем около 8500 кал. л. н.». Вместе с тем Н. Н. Диков и ряд исследователей каменного века СВА, таких как А. В. Пташинский, В. В. Питулько, С. Б. Слободин, М. А. Кирьяк (Дикова), И. Е. Воробей и др., рассматривают V к. с. Ушковских стоянок как позднепалеолитический, в той дефиниции, которую А. Н. Рогачев применял к раннеголоценовым памятникам, сохраняющим ТТХ предшествующего этапа той же культурной традиции. Проблемы, возникающие при подобных недостаточно аргументированных хронологических «перестановках», уже отмечались.

Приводная 3 – комплекс раннего голоцена Южного Приангарья¹⁷

Д. П. Золотарев, И. М. Бердников, А. Б. Спасибко, Ю. А. Деревянко,
И. В. Уланов, Н. Е. Бердникова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Privodnaya 3 – Complex of the Early Holocene of the Southern Angara Region

D. P. Zolotarev, N. E. Berdnikova, I. M. Berdnikov, I. V. Ulanov,
A. B. Spasibko, Yu. A. Derevyanko

Irkutsk State University, Irkutsk

Представлены результаты анализа археологических коллекций из раскопок местонахождения Приводная 3 (левый берег р. Ангары, в 3 км выше по течению от д. Буреть, 10–11 м террасовидная поверхность), проведенных в 2015 г. отрядом НИЦ «Байкальский регион» ИГУ (И. М. Бердников, И. В. Уланов). В процессе работ на площади около 30 м² вскрыты отложения плейстоцена и голоцена, где выделено два культуросодержащих горизонта (к. г.). В нижнем уровне (к. г. 2) зафиксированы немногочисленные культурные остатки позднего этапа верхнего палеолита (sr⁴, ~14,8–11,7 тыс. кал. л. н.), приуроченные к эмбриональной и слаборазвитой почве. Наиболее информативным является мезолитический комплекс (к. г. 1), включенный в верхнюю часть профиля полноразвитой современной почвы и датирующийся по стратиграфическому положению ранним голоценом (Н1₁, ~11,7–8,2 тыс. кал. л. н.). Для комплекса имеется ¹⁴C-дата (~12,8–12,7 тыс. кал. л. н.), соответствующая периоду позднего дриаса (sr⁴₂, YD), валидность которой вызывает сомнения [Бердников, Бердникова, 2017]. Здесь обнаружены культурные остатки, концентрирующиеся в пятна находок.

Коллекция включает 8810 находок, из них большинство представлено продуктами расщепления (отходы производства, целевые и технические сколы). Нуклеидные изделия характеризуется сочетанием форм объемного (подпирамидальные) и терминально-краевого принципов скалывания, направленных на реализацию пластинок/микропластин и, иногда, отщепов. Дополняет коллекцию единственное необъемное (поперечное) ядрище для коротких пластин. Отмечены терминально-краевые нуклеусы, выполненные с приемами техники, напоминающей сайкай, и с зоной скалывания, распространенной на одну или обе латеральные поверхности. Среди орудий

---

¹⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 25-28-00607) «Динамика каменных индустрий на рубеже плейстоцена – раннего голоцена (начальный и ранний МИС 1) Южного Приангарья».

имеются скребки (концевые, угловые, с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра), ножевидные изделия, резцы (трансверсальные, срединные, угловые, полиэдрический), комбинированные и шиповидные орудия, орудие с выемкой, вкладыши, отбойник, чопперы, абразивы, отщепы и пластинчатые снятия с ретушью. К уникальным предметам относятся каменная подвеска и кусок гематита со следами использования.

Проведенный анализ каменной индустрии позволил определить ее характерные черты и особенности. Большинство каменных предметов (99,2 %) изготовлено из кремнистых пород, генезис которых, очевидно, связан с отложениями ангарской свиты нижнего кембрия. Вероятно, это сырье доставлялось охотниками-собираателями с участка нижнего течения р. Белая из района, где располагаются стоянки-мастерские на выходах кремнистого сырья (Сосновый Бор, Бадай 2–5). Незначительное количество первичных сколов в коллекции позволяет предполагать, что на вскрытых раскопах участках стоянки мы видим не полный цикл расщепления каменного сырья. По всей видимости, декорткация и подготовка преформ осуществлялась за пределами указанной площади, возможно, на выходах сырья.

На основании результатов атрибутивного анализа, проведенного для всех видов целевых снятий, сделано заключение, что большинство микропластин и пластинок получены путем отжимной техники. Возможность использования мягкого минерального/органического отбойника в прямой или опосредованной форме допускается для скалывания пластин и отщепов.

Орудийный набор в целом имеет мезолитический облик, где маркирующими категориями выступают вкладыши и резцы. Последние вместе со скребками, отщепами и пластинчатыми заготовками с намеренной или утилитарной ретушью являются самыми многочисленными группами изделий.

Наибольшее сходство установлено с материалами докерамических комплексов долин р. Белая (Усть-Белая, Усть-Хайта, Горелый Лес) [Бердникова, 2001] и р. Кан (Стрижовая Гора, Казачка 1) [Генералов, 2001]. Здесь отмечены аналогичные нуклевидные формы, орудия и предметы неутилитарного назначения.

Раннеголоценовый комплекс Приводной 3 требует дополнительных исследований, включающих верификацию результатов атрибутивного анализа на основе серии экспериментов по расщеплению местных кремнистых пород с применением ударных и отжимных техник, а также обязательное получение дополнительной серии ^{14}C -дат для уточнения его возраста.

Список литературы

- Бердников И. М., Бердникова Н. Е. Геоархеологическая специфика раннеголоценовых комплексов Южного Приангарья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. 23. С. 39–44.
- Бердникова Н. Е. Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы // Каменный век Южного Приангарья. Иркутск, 2001. Т. 2 : Бельский геоархеологический район. С. 113–146.
- Генералов А. Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского района: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2001. 418 с.

Особенности первичного расщепления в раннем голоцене Южного Приангарья (по материалам местонахождения Приводная 3): данные анализа последовательности сколов¹⁸

А. Б. Спасибко, Д. П. Золотарев, И. С. Шегутов, Н. Е. Бердникова,
И. М. Бердников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Features of Primary Knapping in the Early Holocene of the Southern Angara Region (Based on the Mmaterials from the Privodnaya 3 Site): Scar-pattern Analysis

A. B. Spasibko, D. P. Zolotarev, I. S. Shegutov, N. E. Berdnikova,
I. M. Berdnikov

Irkutsk State University, Irkutsk

Представлены результаты изучения нуклеусов из комплекса (к. г. 1) раннего голоцена (Н₁, ~11,7–8,2 тыс. кал. л. н.) местонахождения Приводная 3 (Южное Приангарье) [Раннеголоценовый ... , 2025] при помощи методики, основанной на сочетании трехмерного моделирования и анализа последовательности сколов (scar-pattern analysis). Последний предполагает определение технологических этапов путем систематизации в хронологическом порядке негативов снятий, фиксируемых на поверхности артефакта [Шалагина, Колобова, Кривошапкин, 2019]. Цель исследования – оценка возможностей метода анализа последовательности сколов как инструмента реконструкции операционной цепочки (chaîne opératoire). Выборка для определения последовательности расщепления представлена коллекцией нуклеусов (8 экз.) из кремнистых пород. Выделяются ядрища необъемного (1 экз.), объемного (3 экз.) и терминально-краевого принципов расщепления (4 экз.).

Процедура анализа состояла из четырех этапов: 1) сканирование артефактов при помощи 3D-сканера RangeVision Spectrum 3.1 и создание 3D-моделей в программе RV 3D Studio; 2) изменение положения модели артефакта в пространстве в программе Artifact-3D 1.2; 3) определение границ и прорисовка негативов сколов в рабочей среде программы Adobe Illustrator; 4) создание схемы последовательности расщепления артефакта на основе сочетания упрощенных блок-схем (диаграмм) и матричного подхода при помощи онлайн-платформы Draw.io.

---

¹⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 25-28-00607) «Динамика каменных индустрий на рубеже плейстоцена – раннего голоцена (начальный и ранний МИС 1) Южного Приангарья».

В результате проведенного анализа получены не только интересные данные, иллюстрирующие особенности технологии расщепления камня охотниками-собираателями раннего голоцена Южного Приангарья, но и выявлены некоторые недостатки, преимущества и перспективы примененной методики. С одной стороны, использование 3D-моделей (и двухмерных изображений, созданных на их основе) повышает точность анализа, с другой – требует значительных временных затрат, необходимых для сканирования, постобработки и прорисовки негативов сколов. Последний этап производился вручную, поскольку отсутствует качественное и удобное программное обеспечение для автоматического распознавания негативов сколов и объединения их в «технологические единицы».

На схемах отображена реконструированная последовательность действий и обозначены обрабатываемые конструктивные элементы нуклеусов (ударные площадки, киле-гребневая часть, латерали, зоны скальвания), что позволило подробно структурировать стадии оформления, утилизации и подправки. В этом отношении остаточные формы являются информативным объектом изучения, поскольку негативы различных технологических этапов, как правило, хорошо дифференцируются относительно друг от друга.

Наиболее информативными являются терминально-краевые нуклеусы. Для этой категории отмечено наибольшее количество технических операций (до 11 этапов), что в определенной мере преобладает над количеством этапов у других нуклеусов (от 3 до 8). Степень их информативности обусловлена вниманием охотников-собираателей к подготовке латералей и киле-гребневой части, а также чередованием фаз подживления площадки и реализации целевых снятий. К отмеченным особенностям также можно отнести прием расширения зоны скальвания за счет одной или двух латералей, что в одном случае можно объяснить качеством сырья. Установлено, что реализация микропластин с основания подпирамидального нуклеуса, демонстрирующего приемы встречного скальвания, осуществлялось на финальном этапе расщепления и не являлось способом поддержания морфологии фронта. Отмеченные выше приемы пока могут быть обозначены лишь в качестве технологической специфики.

Проведенный анализ последовательности сколов стал первым подобным исследованием для комплексов раннего голоцена Южного Приангарья. Мы оцениваем возможности и перспективы метода как весьма высокие, если в будущем процедура анализа будет автоматизирована.

Список литературы

- Раннеголоценовый комплекс стоянки Приводная 3 (Южное Приангарье) / Д. П. Золотарев, И. М. Бердников, А. Б. Спасибко, Ю. А. Деревянко, И. В. Уланов, Н. Е. Бердникова // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геархеология. Этнология. Антропология. 2025. Т. 51. С. 3–32. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2025.51.3>
- Шалагина А. В., Колобова К. А., Кривошапкина А. И. Анализ последовательности сколов (scar-pattern) как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 1. С. 145–154.

Материалы каменного века стоянки Манхай 4 (Кудинская долина)

Г. Л. Иванов¹, Д. Л. Шергин^{1,2}, А. М. Клементьев³

¹Иркутский областной краеведческий музей им. Н. Н. Муравьева-Амурского, г. Иркутск

²Иркутский государственный университет, г. Иркутск

³Институт земной коры СО РАН, г. Иркутск

Stone Age Materials from the Mankhai 4 Site (Valley of Kuda River)

G. L. Ivanov¹, D. L. Shergin^{1,2}, A. M. Klementiev³

¹Irkutsk Museum of Regional Studies after N. N. Muravyov-Amursky, Irkutsk

²Irkutsk State University, Irkutsk

³Institute of the Earth's Crust SB RAS, Irkutsk

Стоянка Манхай 4 расположена на территории Эхирит-Булагатского района Иркутской области в 4,5 км от п. Бозой. Непосредственно археологический памятник находится на левом берегу р. Куды на 15-метровой I надпойменной террасе.

Стоянка была открыта в 1952 г. П. П. Хороших и А. П. Окладниковым. На памятнике был заложен раскоп площадью 12 м², зафиксировано наличие 3 культурных слоев, датируемых каменным и железным веками.

В период 1952–2017 гг. было вскрыто 54 м² культуросодержащей площади и зафиксировано наличие 6 культурных слоев. Раскопки проводились П. П. Хороших, А. В. Харинским и Г. Л. Ивановым.

Стратиграфия стоянки Манхай 4, зафиксированная в археологических выработках за весь этот период может быть представлена в виде следующего сводного геологического разреза:

№	Геологические отложения	Мощность, м
1	Супесь серая, задернованная в кровле	0,12–0,18
2	Супесь красно-бурая опесчаненная	0,20–0,25
3	Супесь темно-серая	0,08–0,15
4	Супесь белесая с трещинами в основании	0,05–0,10
5	Суглинок красно-бурый	0,14–0,40
6	Суглинок черный легкий	0,50–0,60
7	Песок желтый мелкозернистый	вскрыт на 0,25–0,10
8	Суглинок темно-оранжевый	вскрыт на 0,10
9	Супесь пылеватая коричневого цвета	вскрыт на 0,10

Археологический материал фиксируется в горизонтах 2–6, 8.

Культуросодержащие слои № 1–4 датируются железным веком и их анализ – это тема отдельной публикации. Материалы каменного века фиксируются в культурных слоях 5–6 и приурочены к горизонтам суглинков красно-бурого и черного цвета.

5 к. с. фиксируется в горизонте черной легкой супеси, в ее кровле. Собранный археологический материал представлен каменной индустрией, в том числе – нуклеидным желваком из кремня, отщепами и пластинами из кремня, скребком дисковидной формы из кварцита (рис., 2, ИОКМ-8519/4), фрагментами костей животных и 5 фрагментами керамики.

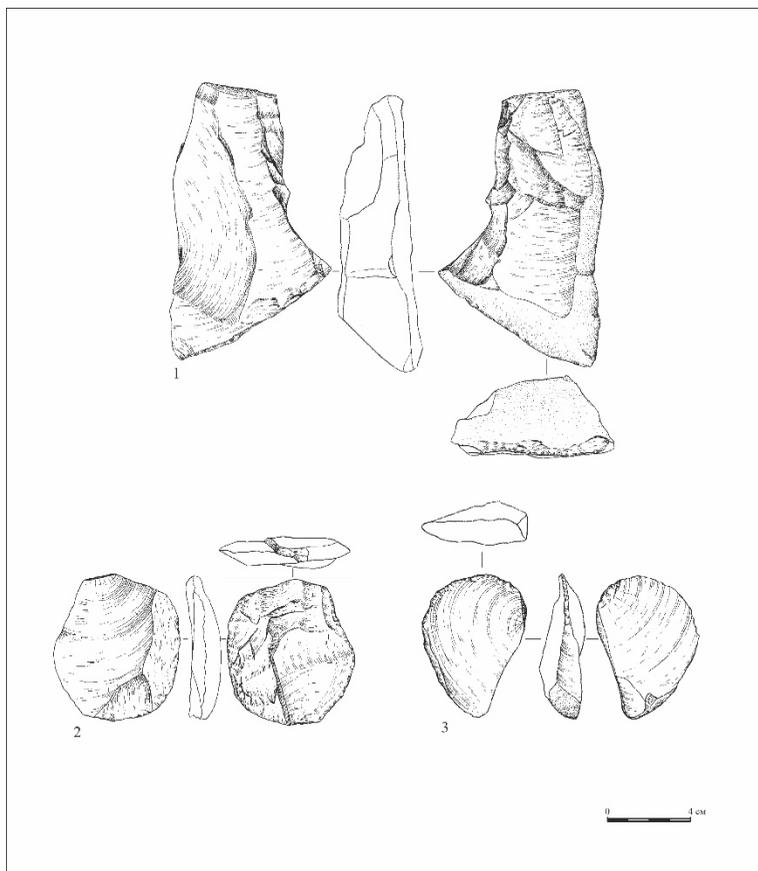

Рис. Материалы стоянка Манхай-4 (1, 3 – 6 к. с., 2 – 5 к. с.)

Фрагменты керамических сосудов, зафиксированных в 5 к. с., в силу их внешнего облика стоит отнести к более поздним периодам, чем материалы данного горизонта, и скорее всего, попали сюда в результате частичного переотложения, хотя нельзя исключать и раннюю датировку данной керамики. Подобный факт описан в литературе [см., напр., Ташак, 2020].

б к. с. соотносится с горизонтом бурой супеси и представлен предметами каменной индустрии – скреблом из кварцита (ИОКМ-8519/2), скребловидным изделием (рис., 1, ИОКМ-8519/3), скребком (рис. 3, ИОКМ-8519/8), отщепами. П. П. Хороших сообщает о фиксации в этом горизонте (на глубине 0,6 м) очажного пятна размера 1,75×0,35–0,6 м, мощностью 0,19–0,26 м [Хороших, 1953]. Артефакты были зафиксированы внутри этого пятна.

Кроме того, среди культурного слоя б был обнаружен фрагмент лучевой кости бизона (*Bison priscus*).

Говоря об интерпретации вышеописанных источников, на наш взгляд, их необходимо рассматривать в контексте ряда экспонированных и стратифицированных комплексов каменного века, зафиксированных в Кудинской долине за последние десятилетия [Аксенов, 1971; О возрасте ... , 2021; Новое ... , 2018; Верхнепалеолитическое ... , 2024; Роговской, 1996]. Для анализа археологии Кудинской долины материалы стоянки Манхай 4 имеют ключевое значение.

Список литературы

- Аксенов М. П. Находки на горе Укыр (долина реки Куды) // Ученые записки ВСОГО СССР, Иркутский областной музей краеведения. Вопросы истории Сибири. 1971. Вып. 4, ч. 1. С. 128–131.
- Верхнепалеолитическое местонахождение Столбова 3 (долина р. Куды) / Д. Н. Молчанов, С. А. Песков, И. В. Стерхова, А. М. Клементьев // Известия лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20, № 3. С. 8–24. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-8-24>
- Новое геархеологическое местонахождение верхнего плейстоцена в долине реки Куды / С. А. Песков, Д. Н. Молчанов, А. М. Клементьев, И. В. Стерхова, Г. Н. Молчанов // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 2. С. 9–22. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-9-22>
- О возрасте и месте верхнепалеолитического местонахождения Весна в палеолите юга Средней Сибири / Д. Н. Молчанов, С. А. Песков, И. В. Стерхова, А. М. Клементьев // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 38. С. 34–58. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.38.34>
- Роговской Е. О. К изученности палеолитических местонахождений Кудинской долины // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск : ИГУ, 1996. Т. 1. С. 90–93.
- Ташак В. И. Стоянка каменного века в долине р. Жомболук в Восточном Саяне (предварительные данные) // Вестник Буряцкого научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 2 (38). С. 7–15. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2020-38-7-15>
- Хороших П. П. Отчет об археологических исследованиях, произведенных летом 1952 г. в Прибайкалье // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 713. 76 л.

Многослойная стоянка Мухатта на Средней Лене¹⁹

В. М. Дьяконов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*

*Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск
Арктический научно-исследовательский центр РС(Я), г. Якутск*

The Multilayered Mukhatta site on the Middle Lena

V. M. Dyakonov

Institute for Humanities Research and Indigenous People Studies of the North SB RAS, Yakutsk

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk

Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk

Сообщение посвящено результатам разведочных работ на трехслойной стоянке Мухатта, расположенной в среднем течении р. Лены, на территории Хангаласского улуса Якутии между селами Кытыл-Дюра и Едей. Стоянка приурочена к правому приустьевому мысу р. Мухатта, впадающей слева в р. Лену. Памятник был открыт автором в 2016 г. в ходе работ Ленской комплексной биолого-археологической экспедиции. Стоянка исследовалась в 2016–2017 гг. [Работы ... , 2018]. При разведочных работах в шурфе площадью 4 м² были вскрыты три культурных слоя, залегавших один над другим.

Культурный слой I, выявленный сразу под дерном в буром суглинке мощностью 12–35 см, содержал смешанные артефакты неолитических культур с единичными находками эпохи палеометалла и мезолита. Среди керамики в слое преобладали находки фрагментов сетчатых сосудов сылахской культуры раннего неолита, но встречались отдельные фрагменты рубчатой и вафельной керамики ымыяхтахской поздненеолитической культуры и шнуровой керамики белькачинской культуры, а также штрихованная неолитическая керамика и один мелкий черепок рубчатой керамики раннего железного века. Каменный инвентарь был представлен обломками нуклеусов, двусторонне ретушированными орудиями, в том числе подтреугольным наконечником стрелы, скребками на отщепках, отщепами с ретушью, большим количеством орудий на пластинах и микропластинах (угловые резцы, резчики, вкладыши, скребки, комбинированные орудия, скобель, пластины с ретушью), галечным скреблом. Были найдены также отщепы, снятые со шлифованных изделий. Слой был насыщен дебитажом в виде отщепов, пластин, сколов, расколотых галек из кремня, кварцита, диабазы, гранита и известняка, а также фрагментами костей животных и птиц,

---

¹⁹ Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0010 «Каменный век Северной Азии: культурный и экологический контекст».

среди которых определяются северный олень, лось и сибирская косуля [Пономарёв, Боескоров, Дьяконов, 2021]. Найдено много костей животных со следами нарезки и обработки. Костяные изделия в виде наконечника гарпуна и вкладышевых орудий были сильно фрагментированы.

Культурный слой II залегал непосредственно ниже первого в чернозёмовидном гумусированном суглинке мощностью 10–30 см. Этот слой был плотно насыщен разновременными материалами сумнагинской, сыалахской, белькачинской и ымяхтахской культур, хотя последняя в ней представлена единичными изделиями. Керамика представлена фрагментами сыалахских сетчатых и белькачинских шнуровых сосудов. Каменные изделия представлены нуклеусами конической, призматической и торцевой форм, орудиями на пластинах и микропластинах (угловые резцы, резчики, вкладыши, скребки, комбинированные орудия, скобели, проколки, пластины со скошенным краем), отщепами с ретушью, скребками на отщепе, а также отщепами, снятыми со шлифованных изделий, скобелями на осколках, скобелем на ретушированном ноже, каменными отбойниками и топором. В большом количестве представлен дебитаж (отщепы, пластины, осколки, расколотые гальки из кварцита, гранита, диабазы, осадочных пород). Найдены фрагменты костяных орудий и костей со следами обработки, а также многочисленный остеологический материал, в составе которого были определены кости и зубы колонка, лисицы, собаки или волка, северного оленя, лося, сибирской косули, водяной полевки, грызунов, мелких млекопитающих, птиц и рыб [Пономарёв, Боескоров, Дьяконов, 2021]. По фрагменту трубчатой кости животного из культурного слоя II была получена дата 4580 ± 30 л. н. (IAAA-162737), которая с большей долей уверенности соотносится с белькачинской культурой (6300–4200 кал. л. н.). Вместе с тем, судя по наличию торцевых нуклеусов и представительного количества орудий на микропластинах, в смешанных материалах культурного слоя II присутствуют материалы сумнагинской культуры [Дьяконов, 2025].

Культурный слой III был приурочен к темно-бежевому суглинку мощностью 4–29 см и залегал над материком. Находки представлены немногочисленными ножевидными пластинами, галечными и кремневыми отщепами, 5 каменными орудиями, среди которых фрагмент бифаса дюктайской культуры, обломок кварцитового отбойника, угловой резец на пластине, резчик на пластине и вкладыш на микропластине. Обломок бифаса лежал рядом с расколотыми трубчатыми костями млекопитающего, по которым была получена радиоуглеродная дата $11\ 580 \pm 40$ л. н. (IAAA-162736), хронологически относящаяся к самому концу дюктайской культуры. Среди остеологического материала были определены кости лося, сибирской косули, неопределимого грызуна, крупных млекопитающих и рыб [Пономарёв, Боескоров, Дьяконов, 2021]. Инородными в слое оказались фрагменты скелетов трех рыб разного размера (определены нельма и речной окунь) и бе-

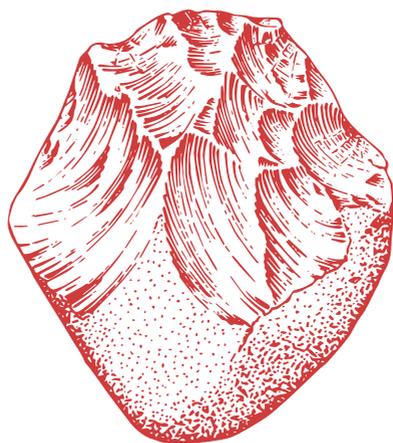
рестяные полавки рыболовной сети рядом с ними, попавшие, по-видимому, в нижний культуросодержащий слой через нору грызуна, в которой были найдены пищевые запасы в виде многочисленных семян и косточек различных растений и кустарников, а также остатки фауны и неопределенный минеральный и биологический компонент. Это подтвердилось тремя радиоуглеродными датами, полученными по бересте, углю и позвонку нельмы, лежащими в диапазоне I тыс. до н. э. – пер. пол. I тыс. н. э. [Пономарёв, Боевсков, Дьяконов, 2021].

Анализ материалов стоянки Мухатга демонстрирует смешанный компрессионный характер культурных слоев. В слое I преобладают неолитические артефакты сылахской, белькачинской и ымыяхтахской культур. Здесь же выявлены единичные находки эпохи палеометалла, присутствует незначительный мезолитический (микропластинчатый) компонент. В слое II преобладают находки раннего и среднего неолита, фиксируется существенная доля материала мезолитической сумнагинской культуры. Артефакты ымыяхтахской традиции в этом слое встречаются единично. Для слоя III отмечается отсутствие неолитической керамики. Здесь выявлены каменные изделия сумнагинской и дюктайской культур и фаунистические остатки. Радиоуглеродная дата, полученная по кости млекопитающего, указывает на начало освоения данной территории в финале плейстоцена и в раннем голоцене. Несмотря на смешанность культурных слоев, стоянка Мухатга представила новые данные об инвентаре дюктайской и сумнагинской культур, что представляется важным для территории Центральной Якутии.

Список литературы

- Дьяконов В. М. Археологические материалы финального неоплейстоцена – раннего голоцена стоянки Мухатга на средней Лене // *Ancient cultures of Mongolia, Baikal, Southern Siberia and Northern China: Proceedings of the 13th International scientific conference. September 11–16, 2025, Ulaanbaatar. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology MAS, 2025. Vol. 1. P. 151–161.*
- Пономарёв И. В., Боевсков Г. Г., Дьяконов В. М. Остатки животных из стоянки Мухатга (финал плейстоцена – голоцен, среднее течение р. Лены, Якутия) // *Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 4 (37). С. 8–15.*
- Работы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера в Якутии и на севере Хабаровского края / Р. И. Бравина, В. М. Дьяконов, Е. Н. Николаев, И. П. Обухов, Д. М. Петров, Е. Н. Соловьёва, Е. А. Строгова, В. В. Сыроватский // *Археологические открытия 2016 года. М.: Ин-т археологии РАН, 2018. С. 460–467.*

ТЕХНОЛОГИИ И ИСКУССТВО СРЕДНЕГО –
НАЧАЛА ПОЗДНЕГО ГОЛОЦЕНА
ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ СТОЯНОК,
ПОСЕЛЕНИЙ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ
КОМПЛЕКСОВ

Культурная преемственность в условиях миграции: параллели в материальной культуре периода голоцена от Восточной Евразии до Океании

Д. С. Соколова

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

Cultural Continuity in the Context of Migration: Parallels in Material Culture of the Holocene Period from Eastern Eurasia to Oceania

D. S. Sokolova

Novosibirsk State University, Novosibirsk

Исследование процессов миграции имеет большое значение для понимания культурных заимствований и преемственности, адаптации и ее влияния на формирование древних обществ. В рамках данной темы актуальность приобретает изучение австронезийской миграции из Восточной Евразии через Юго-Восточную Азию в Океанию. Синтез данных из областей лингвистики, генетики, археологии и палеоэкологии, формирует фактологическую основу для новых предположений и параллелей.

Австронезийская миграция не имеет единой причины. Ее катализаторами стали: а) изменение климата в период голоцена; б) результат подсечно-огневого возделывания и его воздействия на территорию; в) увеличение популяций в рамках процесса неолитизации; г) формирование социальной иерархии [Bellwood, 1995]. «Ступенчатый» процесс перемещения населения можно проследить через адаптацию земледелия и материальной культуры, а также через изменение религиозных взглядов. Однако теория культурной преемственности предполагает сохранение общих признаков, как в сфере религиозно-мифологического мировоззрения, так и в материальной культуре.

Генетический анализ человеческих останков с памятника Тиума (о. Эфате, архипелаг Вануату) показал, что первые колонизаторы имеют австронезийские корни и более всего схожи с населением о. Тайвань. Гипотеза о неолитической миграции из Тайваня в Океанию получила свое косвенное подтверждение. Однако проблематика формирования материальной культуры и ее функционала в условиях миграции остаются нераскрытыми.

Восточно-Евразийский или Тайваньский комплекс материальной культуры сформировался на основе культуры Тапенкенг (ТПК; 4000–2200 л. до н. э.). Отличительными чертами культуры были керамика с шнуровым орнаментом, сосуды с ярко выраженными плечиками и резным венчиком, комплекс шлифованных каменных орудий, включая тесла с рукоятками под острым углом, развитие производящего хозяйства, и одомашнива-

ния свиньи и собаки [Hsiao-chun, Carson, 2014]. Параллели в форме и орнаменте керамики ТПК отчетливо видны в материальных комплексах прибрежных зон Юго-Восточного Китая.

Формирование материального инвентаря при миграции в Юго-Восточную Азию происходило посредством изменения источника жизнеобеспечения [Bellwood, 1997]. Выращивание зерновых культур и использование подсечно-огневого возделывания в тропиках менее эффективны, что привело к замене пропитания на клубневые культуры, фрукты и крахмалосодержащие растения. Это стало причиной изменения соотношения производящего хозяйства к присваивающему и привело к расселению в прибрежных зонах. Увеличилось производство украшений из раковин (*Tridacna*, *Conus*, *Anadara*) в качестве погребального инвентаря. Изменился облик каменного комплекса: каменные тесла приобретают суженные или утолщенные профили. Керамика на всей площади региона остается красной, с прорезанным или штампованным геометрическим орнаментом, шарообразной формы или с ярко выраженными плечиками (например, комплексы памятников Димолит, пещеры Леанг Туво Мане, Калумпанг, Лаанг Спеан, Нонг Нор и Кхок Чароен) [Sarjeant, 2012].

Миграция населения в Океанию обозначилась переходом на выращивание клубневых культур и потребление морских ресурсов. Материальная культура отражает данные изменения: создаются тесла и рыболовные крючки из раковин с сохранением шлифованного каменного инвентаря [Hsiao-chun, Carson, 2014]. Керамика характеризуется зубчатым штампом с геометрическим орнаментом, сосудами с ярко выраженными плечиками. Новые адаптивные особенности инвентаря подчеркивают специфику экологической ниши. Однако сохраняются общие экономические, технологические черты культур Индо-Малайского архипелага, навыки навигации и мореходства.

Изменения Тайваньского материального комплекса указывают на адаптацию к новым природным условиям, но не на смену культурной основы. Общие функциональные и семантические черты свидетельствуют о культурной преемственности, даже несмотря на расстояние и время.

Список литературы

- Bellwood P. Hierarchy, founder ideology and Austronesian expansion // *Origins, ancestry and alliance*. Canberra : Department of Anthropology, Australian National University, 1995. P. 18–40.
- Bellwood P. The Archaeological Record of Early Austronesian Communities // *Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago: Revised Edition*. ANU Press, 1997. P. 201–254.
- Hsiao-chun Hung, Mike T. Carson. Foragers, fishers and farmers: origins of the Taiwanese Neolithic // *Antiquity*. 2014. Vol. 88. P. 1115–1131.
- Sarjeant C. Neolithic Archaeology in Southeast Asia // *Terra Australis* 42. ANU Press, 2012. P. 17–34.

Неолит Колымы и континентального Приохотья в контексте неолита северо-востока Азии

А. Ю. Зеленская, С. Б. Слободин

Северо-Восточный комплексный НИИ им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан

The Neolithic of Kolyma and Continental Priokhotye in the Context of the Neolithic of Northeast Asia

A. Yu. Zelenskaya, S. B. Slobodin

*North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N. A. Shilo FEB RAS,
Magadan*

Исследования последнего десятилетия, проводимые Верхнеколымским отрядом СВКНИИ ДВО РАН в Магаданской области, серьезно расширили источниковедческую базу по археологии Верхней Колымы и позволили на основе изучения 20 как вновь открытых, так и ранее исследованных стоянок, получить новые данные по неолиту северо-востока Азии (далее – СВА).

Помимо известных, уже занявших свое место в структуре неолита Колымы, комплексов (таких, как Запятая, Немичан, Бауман и др.), были изучены памятники с новыми, пока еще не точно атрибутированными комплексами неолита (стоянки Майка, Басандра 7, Иганджа, Малтан, Хета в.к.с., Солнечная н.к.с.).

Наиболее выразительные материалы раннего неолита исследованы на стоянках Майка и Солнечная.

Стоянка Майка расположена в центре Хетинского плато на Колымском нагорье. Комплекс включает призматические нуклеусы, микропластинки, листовидные бифасы, наконечники треугольной и каплевидной форм (наподобие Чиндадн), а также с черешком, концевые скребки на пластинах, бифасиально обработанный нож с округлым лезвием и насадом, многогранный резец, овальное скребло. Часть микропластинок и нуклеусы сделаны из обсидиана. На стоянке выявлен очаг с углистостью, прогоревшей костной массой, мелкими фрагментами костей. Датировки по углю из очага дали возраст 5530 ± 90 л. н. (ЛЕ 9623), 6360 ± 25 л. н. (AMS UGAMS-20290) и 8270 ± 30 л. н. (AMS UGAMS-20291). Генезис комплекса непонятен.

Стоянка Солнечная находится на левом берегу Колымы, у устья руч. Березовый. Высота террасы в месте стоянки ~ 10 – 12 м. В ее основании – скальные (сланцевые) породы, перекрытые 7–8-метровой пачкой песка.

В нижнем слое стоянки выявлена конструкция овальной формы, размером $\sim 2,5 \times 1,5$ м, выложенная скальными плитами (до 20 см в поперечнике). С конструкцией связано распространение в слое на площади около 20 м^2 мелких кремневых отщепов, микропластинок, сколов с нуклеуса, а также рубила, скребла и мелких кремневых орудий.

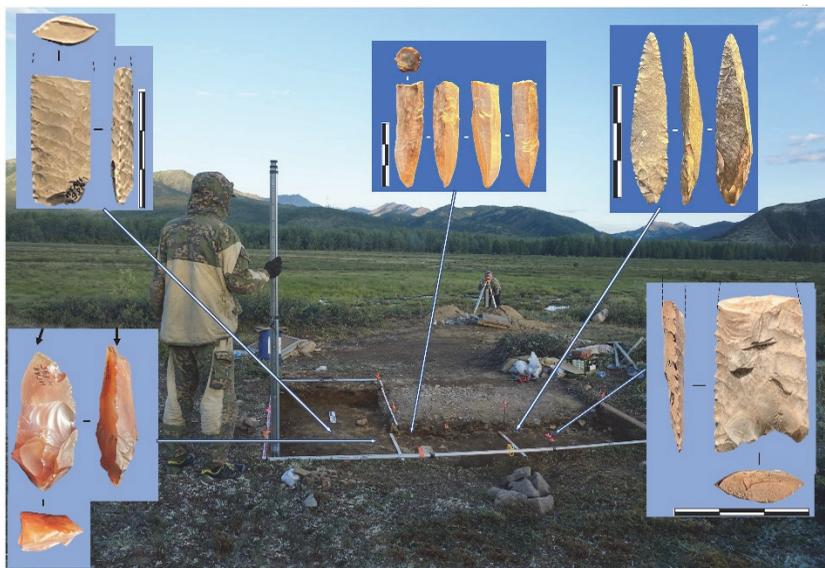
Пластинки из серого кремня (~30 экз.) фрагментированы, без краевой обработки; длиной до 3 см, шириной 0,3–0,5 см. Сколы подправки отжимных площадок, судя по форме, сняты с призматических или конических нуклеусов. Рубило сделано из скальной породы (роговика); несколькими сколами на одном конце оформлено унифасиальное лезвие.

Скребло сделано на крупном кремневом сколе, края которого обработаны унифасиальной ретушью. Орудия представлены ножом-проколкой, скребком и фрагментом изделия (нож, наконечник?) на сколах с краевой ретушью. По древесному углю из культурного слоя были получены AMS даты 7520 ± 25 л. н. (AMS UGAMS 20292) и 8690 ± 25 л. н. (AMS UGAMS 20293).

Для среднего неолита представляют интерес материалы стоянки Басандра 7, расположенной на Охотско-Колымском нагорье. В раскопе выявлено скопление (клад?) заготовок орудий из кремня: 10 крупных заготовок орудий подтреугольной формы в плане с изогнутым лезвием; 2 *заготовки ножей с асимметричным лезвием*; трехгранная напильниковидная заготовка резца/наконечника; заготовка на отщепе асимметрично-подтреугольной формы в плане и линзовидной в поперечном сечении. Технологической особенностью заготовок является формирование в процессе их оббивки *плоских ортогональных краев для последующих модификаций. Данная фаза обработки орудий ранее не описана для стоянок СВА.*

Поздний неолит маркирует стоянка Иганджа, расположенная в Континентальном Приохотье (рис.). В ходе раскопок ($S = 1 \text{ м}^2$, $h = 10\text{--}12$ см) расчищен «клад» из 20 компактно залегающих заготовок каменных орудий. В составе комплекса: крупные заготовки (до 10 см) преимущественно острий? для изготовления наконечников; выделяются подтрапещевидные, листовидные и трехгранные формы. Компактность залегания, отсутствие производственных отходов и завершенных орудий свидетельствуют об одномоментной закладке и, вероятно, охотничьем назначении комплекса; ближайшие аналогии известны на стоянках Хетагчан II, Верхнетытыльская IV и в районе оз. Эльгыгытгын.

Раскопки ($S = 50 \text{ м}^2$, $h = 10\text{--}14$ см) дали ~4 тыс. артефактов; зафиксированы каменная кладка очага, участки углистости и расколотые кости. Инвентарь включает конические нуклеусы, ножевидные пластинки, трехгранные и подтреугольные наконечники, резцы на пластинках и отщепях, скребки (в том числе топоровидный), сланцевый нож полулунной формы, бифасиально обработанные вкладыши и др. По типологии орудий материалы стоянки сопоставимы с поздненеолитическими комплексами Верхней Колымы, Ымыяхтахской и северочукотской культурами. Уголь из очага дал дату 2770 ± 55 л. н. (МАГ-2373).

Рис. Вид на раскопки стоянки Иганджа с указанием мест расположения маркирующих комплексе находок

Материалы стоянок демонстрируют как общие черты, характерные для большинства неолитических памятников СВА, так и весьма специфические особенности, позволяющие говорить о своеобразии неолита Верхней Колымы и континентального Приохотья по сравнению с неолитом Якутии и Чукотки. Комплекс стоянки Майка требует выделения нового культурного подразделения в неолите Верхней Колымы.

Вопросы изучения неолита Верхней Лены на современном этапе

В. С. Зубков

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Issues of Studying the Upper Lena Neolithic at the Present Stage

V. S. Zubkov

N. F. Katanov Khakass State University, Abakan

Б. Э. Петри 100 лет назад предложил выделить на территории Сибири обширную Байкальскую неолитическую провинцию, включив в нее бассейны рек Селенга, Ангара и Верхняя Лена. При этом исследователь отметил, что сейчас ее выделение носит предварительный «провизорный» характер [Петри, 1926, с. 30]. Уже в то время в фондах Иркутского музея ВСОРГО хранились немногочисленные, но выразительные коллекции археологических артефактов неолитического облика (каменные шлифованные топоры и тесла, керамика, типологически близкие неолитическим из Приангарья), собранных в долине Верхней Лены. В 1930–1950-е гг. А. П. Окладников, ученик Б. Э. Петри, на основе новых археологических источников практически развил идею Б. Э. Петри о Байкальской неолитической провинции, рассматривая ее как единую этнокультурную общность.

По своему географическому положению Верхняя Лена имеет разветвленную сеть притоков и является естественным связующим звеном между такими регионами, как Приангарье, Приольхонье, Забайкалье и Южная Якутия. Это обстоятельство дает возможность при изучении неолита Байкальской Сибири выявить характер и направление культурных связей с этими территориями.

Историографический обзор, посвященный изучению неолита Верхней Лены, за период от середины XVIII до XX в. содержится в статье автора настоящего сообщения, опубликованной в 2000 г. [Зубков, 2000]. В данном сообщении будут рассмотрены результаты исследований эпохи неолита данного региона за первую четверть XXI в. Анализ содержания научных публикаций позволяет прийти к следующим выводам:

1. Сохраняется крайне неравномерная археологическая изученность неолита территории Верхней Лены в сравнении с Приангарьем и Приольхоньем. Причем, этот разрыв за первую четверть XXI в. еще более возрос.

2. Целенаправленных археологических разведок в долине Верхней Лены и по ее притокам, задачей которых являлся бы поиск неолитических могильников и многослойных местонахождений, сравнимых по информативности с опорными ангарскими и байкальскими могильниками и стоянками, не проводилось. Большая часть изученных в долине Верхней Лены

археологических объектов содержит в выявленных культурных слоях смешанные материалы всего периода неолита и ранней бронзы, которые опубликованы в незначительной своей части [Зубков, 2000; Ветров, 2003; Бердников, 2016].

3. Имеющиеся археологические материалы неолитических могильников и стоянок, исследованных в 1970–2010-е гг., введен в научный оборот лишь частично. Например, отсутствуют монографические публикации материалов стоянки Поповский Луг и Макрушинского могильника. Единственным местонахождением, изучение которого было продолжено, стала стоянка Поповский Луг: 2001–2003 гг. полевые исследования проводились Лабораторией археологии ИГПУ под руководством В. М. Ветрова, а в 2010–2011, 2013–2014 гг. работы на памятнике были продолжены сотрудниками Лаборатории археологии Восточносибирской государственной академии образования под руководством Д. Л. Шергина. В ходе раскопок на этом памятнике выявлены 3 культурных слоя, из которых 2 и 3-й слой по керамическому материалу относятся к разным периодам неолита [Ветров, 2003; Шергин, 2023]. Керамика посольского типа залегает совместно с усть-бельской и фрагментами сосудов с отпечатками сетки плетенки, имеющих прямой срез венчика и поясок сквозных отверстий под ним [Шергин, 2023, с. 11]. Впервые для керамики посольского типа на Верхней Лены получено две надежных радиоуглеродных AMS даты – 5880±40 л. н. (Poz-131330), калиброванный возраст составил в диапазоне 6795–6565 кал. л. н.; вторая – 5690±30 л. н. (Beta-453112), калиброванный возраст составил в диапазоне 6553–6405 кал. л. н. В плане относительной хронологии посольская и усть-бельская керамика датируются средним неолитом. Данная керамика свидетельствует о тесных культурных связях населения Верхней Лены с населением побережья оз. Байкал, Ангары и Среднего Енисея [Шергин, 2023, с. 11–12, 27].

4. Актуальной задачей является разработка комплексной программы исследований изучения неолита Верхней Лены. Для ее реализации необходимо привлечь специалистов археологов из различных научных учреждений г. Иркутска и координация их совместной деятельности.

Список литературы

- Бердников И. М. Актуальные проблемы неолитоведения юга Средней Сибири: источниковая база и геоархеологический контекст // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 18. С. 3–39.
- Ветров В. М. Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск, 2003. С. 49–53.
- Зубков В. С. Неолит и бронзовый век верхней Лены (история исследования и проблемы изучения) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во ИГПУ, 2000. Вып. 2, ч. 2. С. 15–45.
- Петри Б. Э. Сибирский неолит. Иркутск, 1926. 39 с.
- Шергин Д. Л. Керамика посольского типа бассейна Верхней Лены (на примере стоянок Поповский Луг, Макарово I) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19, № 1. С. 8–32. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-8-32>

Данные планиграфического анализа верхнеангарских поселений с компрессионным слоем

Г. В. Синицына

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Data from the Planographic Analysis of Upper Angara Settlements with a Compression Layer

G. V. Sinitsyna

Institute of the History of Material Culture RAS, St. Petersburg

Рассмотрение материалов верхнеангарских поселений с компрессионным культурным слоем по отдельным категориям позволяет подойти к проблеме выделения хронологически различных комплексов и соответственно этапов заселения. Одним из наиболее изученных поселенческих комплексов является поселение Усть-Белая, где общая площадь культурного слоя на мысу составляет около 200 тыс. м². В эпоху неолита площадь поселений занимала весь мыс. На этой же площади в верхних горизонтах имеются находки эпохи бронзы и железа.

Общая задача – установить количество одновременно существовавших стойбищ с целью рассмотрения вопросов демографии.

В данной работе приведены результаты планиграфического анализа материалов по раскопам ангарского берега, где в 1957 г. были проведены работы отрядом Н. Н. Гуриной в составе Братской экспедиции [РО НА ИИМК РАН, ф. 35; оп. 1957, д. 180, 181]. В эпоху неолита площадь поселений занимала весь мыс. На раскопе УБ-I удалось выделить три уровня залегания материала и распределения хозяйственных объектов. Наиболее древними можно считать: 1) шесть очагов-ям, исследованных на уровне 3 горизонта взятия, один из которых перекрыт очагом-каменкой; 2) следующий хронологический горизонт представлен очагами-каменками, которые, в свою очередь, перекрыты «рабочими площадками» и хозяйственно-бытовым объектом, представленным ямками от столбов; 3) самым поздним горизонтом можно считать «рабочие площадки» и сходные с ними по уровню залегания очаги-каменки. Культурный слой на этом участке хоть и смешан, но это смешение не хаотично и сохраняет, в известной мере, определенный порядок.

Специфика участка, исследованного раскопом 3 (УБ-III), состоит, прежде всего, в богатстве и разнообразии кремневого материала, а также в отсутствии очагов и прочих хозяйственно-бытовых объектов. В целом при большом сходстве инвентаря всех рассматриваемых раскопов Ангарского берега в инвентаре УБ-III представлен ряд специфических типов (в первую очередь наконечников стрел и скребков), которые в других раскопах или не встречены вовсе, или представлены невыразительно. Скорее всего, такая

картина отражает внутреннюю фациальность крупного поселения. Материалы и наблюдения за характером культурного слоя участка поселения Усть-Бельского (Бельский берег) показали, что очаги-ямы относятся к более раннему периоду существования поселения, чем очаги-каменки, поскольку они прослеживались, главным образом, в основании культурного слоя [Крижевская, 1978, с. 78]. Это полностью совпадает с заключением Н. Н. Гуриной, сделанным на основании анализа материалов раскопа I. Судя по количеству и разнообразию бытовых объектов, центральная часть поселений (как место наибольшей интенсивности и разнообразия жизнедеятельности) приходилась именно на Бельский участок, а Ангарский берег представлял периферийную часть поселения. Присутствие на всех вскрытых раскопами участках хронологически различных вариантов единой усть-бельской керамики, показывает, что мыс, в устье р. Белой, был местом обитания крупного коллектива на большом хронологическом отрезке времени. Прямое радиоуглеродное датирование керамического материала подтверждает существование усть-бельской керамики в широких хронологических рамках [Синицына, 2024]. В плане обсуждения проблемы генезиса керамики усть-бельского типа целесообразно отметить признаки, которые ее роднят с сетчатой керамикой раннего неолита: 1) открытая форма сосудов; 2) технология изготовления на местной сырьевой основе, детально описанная И. В. Улановым, в том числе на сетчатой основе, что четко видно на материалах раскопа III ангарского берега; 3) использование местных сырьевых ресурсов; 4) орнаментации: выделение зоны венчика округлыми ямками. Все вышеуказанные данные присутствуют в материалах раннего неолита Казачки.

Возможно, тип усть-бельской керамики отражает общую закономерность в развитии материальной культуры огромной территории лесной и лесостепной зоны Евразии. В археологических материалах это проявляется в увеличении площади поселений (например, усть-бельское поселение в период среднего неолита занимает не только весь мыс, но и пойменную его часть). Закономерность проявляется в изготовлении крупных форм сосудов объемом в пределах 10–16 л, что может отражать необходимость хранения избыточного продукта, благодаря распространению сетевого рыболовства. Важно отметить, что средней неолит охватывает почти 500-летний отрезок (6750–6300 кал. л. н.), самого благоприятного периода в жизни человечества последнего межледникового. Сходство моделей адаптации привело к сходству материальной культуры.

В целом исследования по отдельным участкам показывают различные данные, так на ангарском берегу керамика развитого неолита полно представлена сосудами усть-бельского типа, но единичными фрагментами сосудов посольского типа, и наоборот – на многослойном поселении Горелый лес. Здесь очень важен конкретный подход к каждому участку стоянки, с возможностью определения хронологии. Сетчатая керамика, характерная

для характеристики раннего неолита, на участке Холмушино 3, гор. 3, датирована более поздним периодом [Новые ... , 2025]. Переносить данные определения на другие поселения не представляется возможным, поскольку данные стратиграфии таких стоянок, как Горелый лес свидетельствуют о сосуществовании двух технологических традиций, так же как материалы Казачки показывают наличие в раннем неолите сетчатой керамики и не только. Выйти на уровень определения площади стоянок, их хронологии, вплоть до поколений возможно в будущем, применяя массовое AMS датирование. На материалах Байкало-Енисейской Сибири такие работы перспективны, поскольку данный регион выделяется полнотой источников, а именно наличием многослойных поселений, погребений.

Список литературы

- Гурина Н. Н. Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1957. Д. 180, 181.
- Крижевская Л. Я. Неолит поселения в устье р. Белой (по материалам раскопок 1957 и 1959) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск : Наука, СО, 1978. С. 60–95.
- Новые данные по многослойному местонахождению Холмушино 3 на р. Белой (Южное Приангарье) / И. М. Бердников, Ван Лисин, Н. Б. Соколова, Цюань Цянкунь, Д. П. Золотарёв, И. С. Шегутов, З. Ч. Ухинов, Н. Е. Бердникова // Ancient cultures of Mongolia, Baikal, Southern Siberia and Northern China: Proceedings of the 13th International scientific conference (September 11–16, 2025, Ulaanbaatar). Ulaanbaatar : Institute of Archaeology MAS, 2025. Vol. 1. P. 113–119.
- Синицына Г. В. Усть-бельская керамика среднего неолита в Байкальской Сибири // Древняя керамика Евразии: от сосуда к культуре: Материалы конференции. СПб. : ИИМК РАН, 2024. С. 142–144. <https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-5-2>

Новый комплекс раннего неолита Прибайкалья (стоянка Перевозная)²⁰

А. Г. Новиков, О. И. Горюнова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

New Early Neolithic Complex of the Cis-Baikal Region (Perevoznaya site)

A. G. Novikov, O. I. Goriunova

Irkutsk State University, Irkutsk

На территории Прибайкалья в настоящее время выявлено и в разной степени исследовано 9 стратифицированных мультислойчатых местонахождений, содержащих комплексы раннего неолита. Часть из них содержит по несколько обособленных слоев, отнесенных к раннему неолиту, и имеют радиоуглеродное AMS-датирование (Саган-Заба II, Бугульдейка I, Шракшура III, Итырхей I). На их материалах было выделено в раннем неолите 2 хронологических периода, комплексы которых в настоящее время недостаточно характеризованы. В связи с этим открытие и масштабные раскопки нового объекта раннего неолита представляют несомненный научный интерес.

Многослойная стоянка Перевозная расположена в 190 км к СВ от г. Иркутска и в 3 км к СВВ от с. Сахюрта (МРС), в одноименной бухте ЮЗ оконечности о. Ольхон, в которой организована паромная переправа. В административном делении – Ольхонский район, Иркутской области.

Местонахождение обнаружено в 1921–1923 гг. П. П. Хороших. Был собран подъемный материал, датированный неолитом и железным веком. Впервые шурфовочные работы проведены в 2012 и 2014 гг. (А. Г. Новиков).

В результате выявлена многослойность объекта; выделено 4 культурных слоя: I слой – железный век, II – бронзовый, III верхний – поздний и III нижний – ранний неолит. Масштабные спасательные раскопки на объекте проведены в 2025 г. в связи с обустройством паромной переправы на о. Ольхон. Вскрытая толща рыхлых отложений характеризуется выраженной слоистостью, в формировании которой принимали участие делювиальные, эоловые и почвенные процессы. Площадь вскрытия III нижнего слоя – 327 м². Археологический материал привязан к темной (черной) гумусированной почве.

В слое зафиксировано 5 очагов, выложенных из камней. Их форма – овальная, конструкция – кольцевая. Плиты, расположенные по окружности, находились наклонно, образуя «розетку». Диаметры сооружений – 0,75–1,0 м. Зольники (мощность 0,07–0,14 м) покрыты плоскими плитами.

---

²⁰ Исследование выполнено в рамках Госзадания Минобрнауки, проект FZZE-2026-0005 «Археология Байкальской Сибири: преемственность и разнообразие древних культур в хронометрии и хронологии событий, в технологиях и стратегиях жизнеобеспечения».

Рядом с одним очагом располагался развал керамики от шнурового сосуда без орнамента (41 фр.). В остальных случаях возле очагов зафиксированы отдельные фрагменты шнуровой и сетчатой керамики и единичные изделия из камня.

Всего в III нижнем слое обнаружено 242 артефакта. Из них керамика составляет 101 фр., изделия из камня – 76 экз., изделия из кости – 3 экз. и 62 фр. остатков фауны.

Керамика слоя выполнена в разных традициях: шнуровая хайтинского типа (преобладает) и с оттисками сетки-плетенки. Фрагменты шнуровой керамики (62 фр. минимум от 6 сосудов) от сосудов сложной и простой закрытой формы. Из них 3 – без орнамента, 1 – украшенный по верхней плоскости венчика зубчатыми насечками и фрагменты от 2-х сосудов, оформленных по тулову прочерченными линиями в виде горизонтальных рядов, в одном случае, и горизонтальной «елочки», в другом. Керамика с оттисками сетки-плетенки (39 фр., вероятно, от 4 сосудов) без орнамента. Ее принадлежность к разным сосудам определяется размером ячеи и рельефностью оттисков.

В комплексе каменных изделий преобладают продукты первичного расщепления, представленные: призматическими пластинами и их обломками (25 экз.), отщепами (26 экз.), пластинчатыми (9 экз., из них 1 – с локальной дорсальной ретушью), краевым и подживляющими сколами с фронта нуклеусов (2 экз.). В слое зафиксировано 6 одноплощадочных нуклеусов: конические (циркумфронтальный, со сходящимися латералиями и 3 с полузамкнутым фронтом), призматический монофронтальный и 1 заготовка.

В составе орудий отмечены: концевой скребок на пластинчатом сколе, скребловидное и тесловидное орудия, абразив и 2 призматические пластины с краевой ретушью (одна – с вентральной, другая – дорсальной).

Изделия из кости представлены односторонним наконечником гарпуна с овальным выступом, снабженным отверстием для крепления линия (китайский тип), и обломками от двух острий.

В числе фаунистических остатков отмечены кости оленей, нерпы и рыб.

Комплекс III нижнего слоя по типологии керамических сосудов (шнуровая хайтинского типа и с оттисками сетки-плетенки) и набору каменного инвентаря относится к раннему неолиту Прибайкалья, датируемом в пределах 8173–6960 кал. л. н. Наличие в слое наконечника гарпуна, характерного для классических китайских комплексов (даты в пределах 7510–6687 кал. л. н.) и погребений хоторукской группы Приольхонья (7749–7163 кал. л. н.), позволяет отнести III нижний слой стоянки Перевозная к позднему хронологическому периоду раннего неолита (7570–6960 кал. л. н.). С этим периодом сопоставляются комплексы V нижнего слоя Саган-Забы II, II слоя Шракшуры III, VII слоя Бугульдейки I, в материалах которых также встречаются изделия китайского типа (стерженьки составных рыболовных крючков, миниатюрные каменные рыбки, обломки колец из мрамора). Радиоуглеродные AMS-даты по II слою Шракшуры III (3 даты) в пределах 7420–7001 кал. л. н., по V нижнему слою Саган-Забы II (3 даты) – 7570–6960 кал. л. н., по VII слою Бугульдейки I в пределах 7408–7167 кал. л. н.

О различиях понятий «тип керамики» и «стиль керамики»

В. А. Лынша

Независимый исследователь, г. Уссурийск

On the Distinction between the Concepts of “Ceramic Type” and “Ceramic Style”

V. A. Lynsha

Independent Researcher, Ussuriysk

«Тип» и «стиль» керамики – это дихотомическая пара неразрывно связанных понятий. Эти понятия относятся к категории основных единиц археологического исследования. Понятия «тип» и «стиль» играют схожую роль в «формировании понятия «археологическая культура». Эта «схожесть ролей» выявлена историографически [Клейн, 1991, с. 161]. И типы, и стили группируются по формальным сходствам [Там же]. «Под формальным аспектом я подразумеваю те качества, которые определяют стиль» [Shepard, 1985, с. 260].

В этом заключается одна из причин, почему археологи часто путают эти понятия, смешивают их и подменяют одно другим. Понятие «стиль» часто присутствует в исследованиях имплицитно под ярлычками «декор» или «орнамент». При группировании черепков битой керамики орнаментальные характеристики (на деле, стилистические) включают в понятие типа наряду с технологическими (тесто, добавки, обжиг обработка поверхности и т. п.), получая таким образом гибрид «фабрика+варея+стиль» без формы и функции с именным обозначением «керамика такого-то типа» (О понятиях «фабрика» и «варея» см.: табл.). Позднее, когда, наконец, появляются формы (типы) целых сосудов (горшки, миски, кубки и др.), либо восстановленные, либо найденные в ходе новых раскопок, их имплицитно включают в состав ранее созданного гибрида. Так, внутри гибрида «керамика такого-то типа» появляются «типы поуже» – горшки, миски, кубки и др., или, что явно хуже – сосуды «типа 1», «типа 2», «типа 3» и т. д. Это функциональные типы? Или они все же выделены по формам сосудов внутри функциональных категорий?

На самом деле, за ярлычком «керамика такого-то типа» скрывается не понятие «тип», а понятие «стиль». Ибо именно понятие «стиль» охватывает все «типы» керамического комплекса, а также может пересекать границы «фабрик» и «варей» (табл.).

На основе историографического обзора был предпринят сравнительный анализ понятий «тип керамики» и «стиль керамики». В результате выявлено пять основных различий между ними:

Структура понятий фабрика, варея, тип и стиль

Термины	Фабрика	Варея	Тип	Стиль
Предмет анализа	Текстура (Выделка)	Фактура (Отделка)	Форма (Облик)	Орнамент (Узорочье)
С о д е р ж а н и е	Структура стенки на изломе: глина и добавки. Толщина стенок и виды обжига. Цвет.	Отделка поверхности: заглаживание, обмазка, лощение, ангоб, глазурь и др. Цвет поверхности. Состав пигмента красок.	Назначение, профиль контура, пропорции (соотношение высот и диаметров структурных компонентов тела сосуда)	Техника исполнения орнамента. Цветовой состав росписи. Элементы, мотивы, компоненты и композиции

1. Типы керамики выделяются по форме сосудов, а стили керамики выделяются по орнаменту (или шире, по декору).

2. Тип керамики формируется в рамках функциональной категории сосудов: горшок, банка, кувшин, кубок, миска и др. Керамический стиль легко пересекает границы функциональных категорий. Керамический стиль легко переходит не только с горшка на миску, но и на предметы декоративно-прикладного искусства, а в культурах Перу – на текстиль, на резьбу по камню.

3. Тип выступает в виде образа (обобщенный и усредненный облик совокупности схожих по форме сосудов). Стиль выступает в виде паттерна (сложная упорядоченная конфигурация стилистических признаков). Паттерн абстрагирован от реальных сосудов в такой степени, что его невозможно представить образно.

4. Стилистическое сходство – это всегда гомологическое сходство, сходство происхождения и родства, которое передается в результате прямого культурного контакта. Аналогичное (или конвергентное) сходство, тесно связанное с функцией (и формой или типом) возникает как результат независимых изобретений. Типы сосудов могут возникать независимо, но могут и как «гомологи» наследоваться, заимствоваться в результате прямого культурного контакта.

5. Типы, форма которых тесно связана с функцией, устойчивы и живут очень долго. Капризные стили живут недолго, меняется часто. За эти свойства археологи обожают стили.

В результате проведенного сопоставления понятий «тип керамики» и «стиль керамики» ранее предлагавшиеся в моих статьях [Лыньша 2018; 2022] определения этих понятий были уточнены и имеют следующий вид.

Тип керамики (тип сосуда) – это абстракт, созданный в результате идеализации (абстрагирования, суммирования и усреднения) целых сосудов предположительно одного назначения, объединенных между собой по сходству их формы и отличиям от форм других сосудов того же или иного назначения. По структуре это образ, сформированный на основе совокупности сосудов, не выходящих за пределы одной категории.

Стиль керамики (керамический стиль) – это устойчивая конфигурация орнаментальных признаков, выделяемая независимо от формы и назначения (функции) сосудов на основе сходства в технике исполнения орнамента, в элементах и мотивах орнамента, в орнаментальных композициях и цветовом составе росписи. Керамический стиль выступает не в виде образа, а в виде абстрактного паттерна (сложной упорядоченности стилистических признаков).

Список литературы

- Клейн Л. С. Археологическая типология. Л. : ЛФ ЦЭНДИСИ, 1991. 448 с.
- Лыньша В. А. Роль концепции «керамического стиля» в априорно-интуитивном выделении археологических культур в неолите и бронзовом веке // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2018. Вып. 8. С. 73–90.
- Лыньша В. А. Понятие керамика сергеевского типа в новом свете (По материалам разведочного обследования поселения Сергеевка-1 в 1988 г. и других раскопок) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2022. Вып. 12. С. 104–120.
- Shepard A. O. Ceramics for archaeologists. Ann Arbor : Braun Brumfield, 1985. 414 p.

Традиции отбора сырья и подготовки формовочной массы сыалахской сетчатой керамики (по материалам бассейна Алдана и Верхнего Вилюя)¹

М. В. Степанов

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск
Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск*

Traditions of Raw Material Procurement and Preparation of Pottery Paste for Syalakh Net-impressed Ceramics (Based on Materials from the Basin Aldan and Upper Vilyuy)

M. V. Stepanov

*Irkutsk State University, Irkutsk
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk*

Древнее гончарство – это система последовательно применяемых навыков и приемов труда для изготовления изделий из глинистых материалов, преимущественно посуды [Бобринский, 1999]. При производстве гончарами сосудов одними из ключевых технологических задач становятся отбор исходного пластичного сырья и подготовка формовочной массы, так как их реализация влияет на последующие этапы керамического производства. Навыки и приемы в гончарстве, в свою очередь, формируются в традиции, потому что в них кристаллизуется определенный совокупный опыт взаимодействия человеческих коллективов с глинистыми материалами [Уланов, 2022]. Таким образом, сведения об исходном пластичном сырье и формовочных массах археологической керамики могут предоставить нам культурную и технологическую информацию.

В плане изучения древнего гончарства раннего неолита Якутии определенный интерес представляет сыалахская сетчатая керамика, носители которой расселились по бассейну р. Лены после 7 тыс. кал. л. н. [Алексеев, Дьяконов, 2009]. Знания о технологических традициях данного типа керамики оставались фрагментарными и лакунарными. Без выяснения сведений о навыках и приемах отбора исходного глинистого материала и составления формовочной массы представления о сыалахской сетчатой керамике будут неполными.

Цель настоящего исследования – выявление традиций в отборе исходного пластичного сырья и подготовке формовочной массы сыалахской сетчатой керамики по материалам бассейна Алдана и Верхнего Вилюя. Основными методами изучения стали визуальная диагностика следов-признаков,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке ИГУ в рамках темы НИР № 091-25-325.

свидетельствующих о навыках и приемах древних гончаров, на свежих изломах фрагментов керамики с использованием бинокулярного микроскопа.

Всего проанализировано 50 сосудов с 7 стоянок из фондов Музея арктической археологии им С. А. Федосеевой АНИЦ РС(Я). По территориальному принципу материалы исследования подразделяются на две группы объектов: бассейн Алдана и Верхнего Вилюя. Три комплекса локализованы в среднем течении Алдана и в верховьях Амги: Белькачи I (VI–VII сл.); Сумнагин I (XI–XIV сл.); Кюнкю II (I–II сл.). Еще четырьмя объектами представлен Вилюйский бассейн: Хатынгнаах II (IV–V сл.), Сюльдюкар (III сл.), Тумул (I–II сл.), Туой-Хайя I.

В результате анализа изломов 35 сосудов стоянок Алдана и Амги выявлено сырье со слабой, средней и сильной степенью запесоченности. Преобладающими оказались навыки отбора сильно запесоченного сырья. Сосудов со средней и слабой степенью концентрации песка в сылахских комплексах оказалось значительно меньше. Тем не менее, относительная представительная доля средние и слабо запесоченной керамики отмечена для материалов стоянки Кюнкю II, которая составляет 50 % (4 из 8) проанализированных сосудов. Своеобразное соотношение сырьевых групп стоянки Кюнкю II подтверждается наличием естественных включений известняка в сырье со слабой и средней запесоченностью.

Выявлено четыре рецепта составления формовочных масс. Один из них – глинистое моносырье, а остальные – вариации составов с искусственными минеральными включениями. Распределение рецептур по сосудам выглядит следующим образом: глина (Г) – 17 сосудов (48,57 %); глина + шамот (Г+Ш) – 9 сосудов (25,71 %); глина + дресва (Г+Д) – 8 сосудов (22,86 %); глина + шамот + дресва (Г+Ш+Д) – 1 сосуд (2,86 %). Это соотношение на отдельно взятой стоянке Белькачи I выглядит иначе. Большинство сосудов на этом памятнике представлено составным двухкомпонентным рецептом с шамотом. Но в целом по региону доминирующим все же является рецепт из глинистого моносырья. Другим распространенным вариантом формовочной массы является состав с добавлением дресвы. Среди проанализированной керамики был выявлен лишь один случай смешанного трехкомпонентного рецепта и с шамотом, и с дробленой породой. При этом два варианта приемов добавления минеральных включений являются одинаково традиционными.

Из комплексов Верхнего Вилюя проанализированы 15 сосудов сылахской керамики. Исходное сырье представлено сильнозапесоченными глинистыми материалами, в меньшей степени сырьем со средней степенью запесоченностью. Керамики со слабой запесоченностью не выявлено.

В результате анализа формовочных масс 15 сосудов стоянок Верхнего Вилюя выявлено два рецепта: глина (Г) – 7 сосудов (46,67 %); глина + дресва (Г+Д) – 8 сосудов (53,33 %). Стоит отдельно отметить, что в анализиру-

емом материале не было обнаружено составных рецептов с шамотом. Однако это, возможно, указывает не на региональную специфику, а на слабую степень изученности самих керамических комплексов.

Таким образом, результаты технологического анализа позволяют выявить и уточнить некоторые сведения о навыках и приемах взаимодействия с глинистыми материалами у раннеолитического населения Якутии. В отборе исходного пластичного сырья наблюдается определенная вариативность, но вероятно древние гончары отдавали предпочтение сильнозапесоченным глинистым материалам, т. е. суглинкам. Подготовка формовочной массы осуществлялась путем ее создания из одной глины или пластичных составов с добавлением шамота и дробленых пород. Затруднительным представляется соотношение этих приемов как в масштабах отдельных местонахождений, так и микрорегионов. В перспективе дальнейшие исследования позволят уточнить этот и другие вопросы.

Список литературы

- Алексеев А. Н., Дьяконов В. М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. Т. 39. С. 26–40.
- Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Уланов И. В. Древнее гончарство юга Байкало-Енисейской Сибири: культурные и технологические традиции : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2022. 260 с.

Шнуровая керамика стоянки Куллаты (Средняя Лена)

В. В. Охлопков

*Арктический научно-исследовательский центр РС(Я), г. Якутск
Алтайский государственный университет, г. Барнаул*

Corded Ceramics of the Kullaty Site (Middle Lena)

V. V. Okhlopkov

*Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk
Altai State University, Barnaul*

Средняя Лена является одной из наиболее изученных в археологическом плане районов Якутии из-за близкого расположения к столице и относительной простотой логистики. Здесь было найдено большое количество опорных объектов и стоянок, которые посещали первобытные сообщества еще в нижнем палеолите. Стоянка Куллаты является одним из таких опорных памятников, который важен для изучения голоценового этапа средней Лены. Первые археологические раскопки на данном объекте провел А. П. Окладников, которому дал наводку Г. В. Ксенофонтов, известный этнограф и краевед. Из наиболее выразительных материалов выделялась «текстильная» керамика. А. П. Окладников интерпретировал ее так: «Керамика представлена здесь обломками своеобразных по форме сосудов, покрытых текстильными оттисками и следами ударов рубчатой лопаточки, в виде коротких штрихов и резными короткими линиями». Найденные материалы стоянки Куллаты были опубликованы [Окладников, 1950, с. 149]. Вкратце, был выделен отдельный пласт сосудов, которые принадлежат к нижней части второго культурного слоя, с текстильными оттисками и днищем в виде «шипа». Автор отмечает, что во всех сосудах присутствует горизонтальный пояс из сквозных отверстий.

Чуть позже данная керамика была атрибутирована как «шнуровая», благодаря раскопкам на многослойных памятниках бассейна р. Алдан, и хронологически была отнесена к белькачинской культуре среднего неолита северо-востока Азии.

Материалы представляют собой фрагментарные остатки параболоидных закрытых сосудов, которые можно разделить на два типа: с утолщением в виде налепа и без утолщения. Поверхность покрыта характерным «техническим» орнаментом – оттисками витого шнура, которые получаются в следствии выколачивающих операций с помощью лопаточки, с намотанным на него шнуром [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 176].

В 1966 г. сотрудниками Приленской археологической экспедиции при разведывательных работах был получен достаточно большой объем керамического материала на данной стоянке. Типологически удалось выделить 22 шнуровых сосуда, которые относятся к белькачинской культуре.

Традиционно художественное оформление зональное и сконцентрировано только в привенчиковой части сосудов, и представлена классическим зубчатым штампом, прочерченными линиями, косыми насечками и сквозными отверстиями. Сквозные отверстия являются доминирующим приемом орнаментации и встречается во всех сосудах, кроме одного. Присутствует керамика с утолщением в виде налета и без утолщения. Сосуды с утолщением на венчике, только в одном случае, не имеют сквозных отверстий. Сосуды без утолщения во всех случаях имеют сквозные отверстия. Один сосуд имеет на срезе косой зубчатый штамп. В трех сосудах на срезе венчика присутствуют косые насечки. Присутствуют сосуды только с орнаментом в виде сквозных отверстий. Стоит отметить вариативность сквозных отверстий: от весьма небольших до крупных. Для формирования данных сосудов использовалась сильнозапесоченная глина, нередко добавлялась дресва.

Также, как и на сосудах стоянки Куллаты, раскопанной А. П. Окладниковым, все сосуды (за исключением одного) имеют сквозные отверстия, что не сходится со статистикой материалов р. Алдан, где их соотношение было равным и является прямо противоположной стоянкам Средней Колымы, где был найден только 1 сосуд со сквозными отверстиями из 54 сосудов [Кашин, 2013, с. 136]. Другими классическими признаками белькачинской керамики является орнаментация прочерченными линиями и многозубчатыми штампами, использование сильнозапесоченной глины для формирования сосуда, простая закрытая форма и наличие шнуровой технической орнаментации, что вполне коррелируется с эталонным материалом памятников бассейна р. Алдан.

Таким образом, данный памятник является опорным объектом для изучения белькачинской культуры среднего неолита. За исключением преобладания сосудов со сквозными отверстиями, остальные признаки являются маркирующими элементами керамики белькачинской культуры, и судить о каких-то вариациях и неоднородности данной культуры, на основе лишь одного признака, пока рано. Ответить на эти вопросы предстоит в будущих исследованиях.

Список литературы

- Кашин В. А. Неолит Средней Колымы. Новосибирск : Наука, 2013. 224 с.
- Окладников А. П. Ленские древности. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 3. 198 с.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня : в 2 т. Якутск : Дани Алмас, 2013. Т. 2. 489 с.

Комплекс материалов среднего неолита археологического памятника Пинчуга-6 (Нижнее Приангарье)¹

Д. А. Гурулёв

АНО «Археологическое исследование Сибири», г. Красноярск

A Complex of Middle Neolithic Materials at the Archaeological Site of Pinchuga-6 (Lower Angara Region)

D. A. Gurulev

Autonomous non-commercial organization "Siberian Archaeological Studies", Krasnoyarsk

Актуальными направлениями работ современного неолитоведения юга Средней Сибири выступают развитие и уточнение концепций хронологии, типологической систематизации артефактов, культурной динамики и взаимосвязей древнего населения. Для решения данных задач закономерным является обращение к наиболее информативным археологическим источникам. К таковым относятся условно закрытые комплексы углубленных жилищных сооружений, формирующиеся в относительно небольшой промежуток времени и отражающие взаимосвязь различных культурных элементов, достоверно сосуществовавших в «живой» культуре отдельных обществ. Обсуждению материалов одного из таких потенциальных объектов посвящено настоящее исследование.

В ходе работ на археологическом комплексе Пинчуга-6 в 2019 г., проводимых экспедицией Сибирского федерального университета, Китайского университета Жэньминь и Цилиньского университета, была исследована площадь вокруг одиночной блюдцеобразной западины (шурф 1 и раскоп 3). В основании культуросодержащей толщи изучен горизонт среднего неолита с керамикой усть-бельского типа и укладкой блоков сосудов с оттисками сетки-плетенки.

По данным планиграфии, археологической микростратиграфии и ремонта изделий из камня под западиной выявлена, залегающая ниже основного уровня, зона неолитического слоя размером около 5,5×5,5 м с меньшей концентрацией находок, расположенным в центре кострищем и серий взаимосвязанных скопления по периферии. Несмотря на отсутствие каких-либо следов искусственного сооружения, пространственная структура слоя дает основание предполагать существование здесь углубленного археологического объекта. Полученные данные позволяют рассматривать две версии его образования: в среднем неолите, или позднее, в широком временном интервале до эпохи раннего железного века (следующий достоверно фикси-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02881, <https://rscf.ru/project/25-28-02881/>.

руемый этап заселения памятника), что привело к нарушению неолитического слоя – выбросу находок по периферии и наложению прокала котрища на среднеолитический горизонт.

Совпадающее залегание продуктов каменной индустрии и фрагментов сосудов усть-бельского типа, вне зависимости от интерпретации углубленного объекта, предполагает их рассмотрение как единого комплекса. Неоднозначен вопрос соотношения усть-бельской керамики и укладки сетчатых сосудов. Можно допускать использование разнотипной посуды одной группой обитателей стоянки Пинчуга-6 или сохранение с неизвестной целью частей «инокультурных» сосудов носителями усть-бельской гончарной традиции.

Возраст неолитического комплекса определяется актуальными радиоуглеродными датировками усть-бельских памятников Приангарья и Среднего Енисея, соответствующих второй трети V – первой трети IV тыс. до н. э. В эти же рамки попадает дата, полученная по органическим остаткам из укладки – рубеж V и IV тыс. до н. э.

Усть-бельская керамика представлена шестью сосудами. Все они имеют орнаментированный, скошенный внутрь венчик. Орнаментация тулова строится из поясов разнонаправлено скошенных оттисков длинного гребенчатого штампа («елочка») или наколов лопатки. У одного сосуда отмечено сочетание разных элементов орнамента. Среди известных материалов фиксируемые черты находят наиболее полные аналоги в керамических комплексах слоя 6 стоянки Казачка (р. Кан) и горизонтов 11А – В Пещеры Еленева (р. Енисей). Специфику коллекции создает группирование ямок в пояс под венчиком по два или три элемента и наличие сосуда с волнистым краем.

Два сетчатых сосуда из укладки имеют простую закрытую форму и плоский край, украшенный оттисками гладкого овального штампа. Под венчиком нанесена прочерченная полоса. У одного сосуда она дополнена поясом округлых отверстий. Данный вариант сетчатой керамики, несмотря на широкое распространение на территории Нижнего Приангарья и соседних регионов, не имел ранее обоснования абсолютного возраста и определенной типологической принадлежности. Наличие некоторых общих стилистических черт (прочерченная полоса и пояс отверстий под венчиком, использование гладких овальных штампов и др.), а также совместное нахождение на ряде памятников позволяет предполагать его культурную близость с керамикой аплинского типа.

Материалы памятника демонстрируют сложность однозначной трактовки получаемых материалов и наблюдений при работе с углубленными объектами. Рассмотренный вещественный комплекс оценивается как гомогенный и репрезентативный для разработки проблем вариативности керамики усть-бельского типа и взаимодействия различных сообществ неолита на территории юга Средней Сибири.

Хронологическая характеристика материалов культурного слоя 2 стоянки Фурманова (г. Иркутск)

Д. Н. Молчанов¹, С. А. Песков²

¹*Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

²*Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области, г. Иркутск*

Chronological Characterization of the Materials from Cultural Layer 2 of the Furmanova Site (Irkutsk)

D. N. Molchanov¹, S. A. Peskov²

¹*Irkutsk State University, Irkutsk*

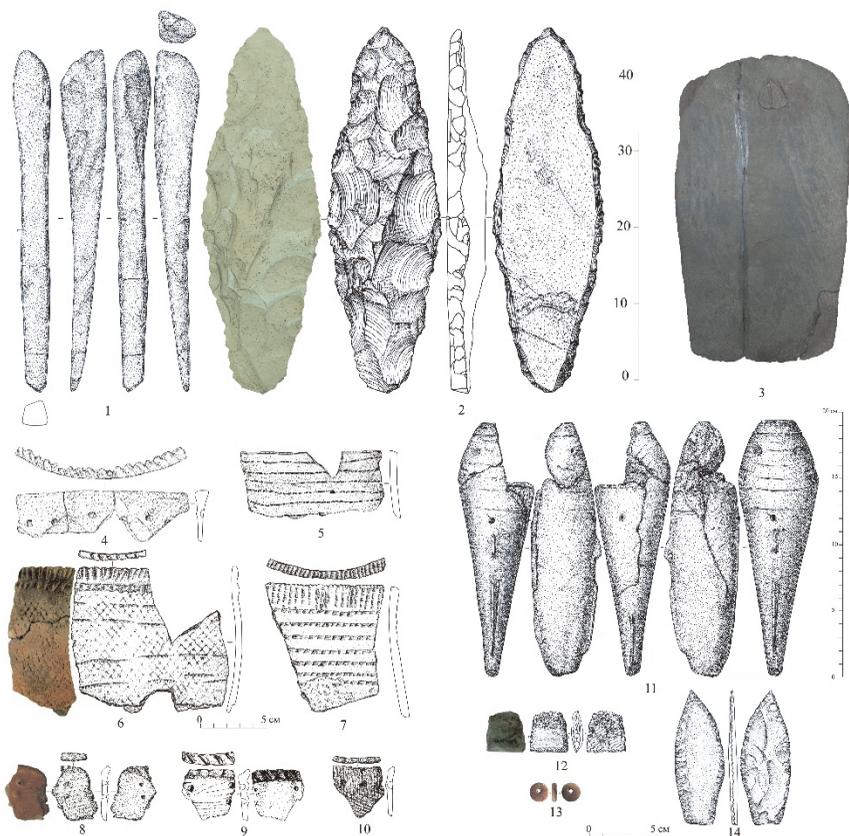
²*Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region, Irkutsk*

Стоянка Фурманова расположена на левом берегу р. Ангары и устьевого участка р. Иркут, в предместье Глазково. Спасательные раскопки 2020–2021 гг., проведенные на площади 1200 м², позволили выявить сложную стратиграфическую картину, отражающую длительную историю освоения этой территории. Исследования выявили два разновременных культуросодержащих слоя (к. с.).

Второй к. с., предварительно датированный поздним неолитом – ранним бронзовым веком, залегал в верхней части средне- и позднеголоценовых красно-бурых суглинков и представляет собой основной археологический комплекс стоянки. На основании сравнительно-типологического анализа керамического материала внутри слоя выделены два хронологических горизонта: поздний неолит (V–IV тыс. л. н.) и ранний бронзовый век (IV–III тыс. л. н.).

Находки слоя распределены по площади раскопа неравномерно, образуя локальные скопления, что типично для кратковременных стояночных комплексов. Выявлены разнообразные объекты: несколько кострищ, хозяйственные ямы, конструкция – выкладка из плиток песчаника. Особый интерес представляет компактное скопление «клад» из трех артефактов, залегавших *in situ*: массивное ударное орудие (палица?), монофронтальный нуклеус для отщепов из плитчатого аргиллита и сланцевая палетка со следами использования (рис., 1–3). Планиграфический анализ также выявил участки, интерпретируемые как места обработки камня. В одном из таких пятен концентрации зафиксирован нуклеус для отщепов, заготовки и готовые орудия (черешковые наконечники стрел, острия проверток), а также желобчатый абразивный инструмент, что свидетельствует о полном цикле производства орудий из местного сырья на месте.

Каменная коллекция слоя насчитывает 1528 ед. Орудийный набор разнообразен и репрезентативен: наконечники стрел (23 экз.), скребки (36 экз.), абразивные инструменты (21 экз.), а также проколки, резцы, шлифованные тесла и ножи (рис., 14). Петрография сырья и морфология указывает на го-

Рис. Стоянка Фурманова. Археологический материал второго к. с.:
 1–3 – «клад» (1 – палица?, 2 – нуклеус, 3 – палетка); 4–7 – керамика позднего неолита (4, 6 – керамика с затертыми сетчатыми оттисками, 5, 7 – керамика с пунктирно-гребенчатым орнаментом); 8–10 – керамика с оттисками рубчатой лопатки; 11 – терракотовая рыба; 12 – тесло из зеленого кварцита; 13 – подвеска; 14 – плоский нож бифас

могенность комплекса. Техника расщепления основана на отщеповой стратегии с преобладанием местного сырья – плитчатого аргиллита и его производных (свыше 85% всех артефактов). Это указывает на активную первичную обработку и изготовление большинства орудий непосредственно на стоянке. Прочные породы (кремнь, кварцит, сливной микрокварцит) использовались эпизодически и целенаправленно для изготовления специализированных орудий (резцы, шлифованные изделия), которые, вероятно, поступали на стоянку в готовом или полуготовом виде, на что указывает отсутствие сколов декортикации из этих пород. Особый интерес представляют шлифованные орудия из зеленого кварцита (рис., 12).

Керамический комплекс слоя является ключевым источником для хронологической атрибуции. Выделяются две основные группы, соответствующие двум выделенным горизонтам:

1. Поздненеолитическая керамика с пунктирно-гребенчатым орнаментом – самая массовая группа (остатки около 40 сосудов) (рис., 1, 5, 7). Находит прямые аналогии в ряде памятников Байкальской Сибири, таких как Улан-Хада, слой IX и Саган-Заба II, слой IV Нижесерёдкино [Хлобыстин, 1964, Окладников, Абрамова, 1978; Синицына, 1985, Новиков, Горюнова, Долганов, 2020].

Сетчатая керамика с отпечатками сетки-плетёнки, представлена фрагментами более чем от 10-ти сосудов (рис., 1, 4, 6).

2. Керамика раннего бронзового века (фрагменты более 10 гладкостенных сосудов), включающая гладкостенные сосуды и сосуды с отпечатками «рубчатой лопатки», часто с характерными «жемчужинами» (рис., 1, 8–10). Сложность представляет оценка времени появления последней группы в данном комплексе, так как в различных вариациях она фиксируется как в поздненеолитических горизонтах (напр., Саган-Заба II), так и комплексах бронзового века [Многослойный ... , 2023]. На сегодняшний день однозначно утверждать о её принадлежности исключительно к бронзовому веку в рамках стоянки Фурманова затруднительно.

Также отдельно представлена керамика (фрагменты от 7 гладкостенных сосудов) без чёткой хронологической привязки и, которая условно, отнесённая к периоду поздний неолит – ранний бронзовый век.

К числу наиболее значимых артефактов слоя относятся предметы, имеющие не только утилитарное, но и, вероятно, символическое значение:

1. Терракотовая скульптура рыбы – налим (рис., 11) – уникальная по степени сохранности и детализации находка для региона. Она является третьей подобной находкой в Прибайкалье после фрагментов из поздненеолитического слоя многослойной стоянки Улан-Хада [Окладников, 1936, 1950] и развитого неолита стоянки Катунь I [Номоконова, Горюнова, 2004].

2. Фрагмент каменной фигурки «сигообразной» рыбы из песчаника. Подобные каменные рыбки известны как из неолитических поселений, так и из погребальных комплексов Прибайкалья [Окладников, 1950; Новиков, Горюнова, Долганов, 2020].

3. Подвеска из агальматолита со сквозным отверстием (рис., 13).

Таким образом, артефакты второго слоя стоянки Фурманова представляют собой, вероятно, кратковременный стояночный комплекс позднего неолита, в материалах которого присутствуют элементы, продолжающие бытование и в начале бронзового века. Сосуществование в одном слое керамики разных типов (пунктирно-гребенчатой, сетчатой и «рубчатой лопатки») может отражать как процессы культурного смешения на стыке эпох, так и хронологическую неразделенность этих традиций в рамках дан-

ного конкретного поселения. Каменная индустрия демонстрирует выраженную автохтонную основу – массовая обработка местного аргиллита и функционально специализированных изделий из приносного сырья. «Клад» из трех предметов также может указывать на неоднократность планирования использования территории; вероятно, являются предметами отложенного действия. Находки глиняных рыб в контексте позднего неолита Прибайкалья свидетельствуют о наличии устойчивой традиции, что, вероятно, отражало ее важность в хозяйстве и мировоззрении.

Список литературы

- Многослойный геoarхеологический объект Саган-Заба II на Байкале: археология и палеоэкология / А. Г. Новиков, Г. А. Воробьева, О. И. Горюнова, А. В. Вебер. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 278 с.
- Новиков А. Г., Горюнова О. И., Долганов В. А. Поздний неолит Приольхонья (по материалам поселений и погребений) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 4. С. 24–42. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-24-42>
- Номоконова Т. Ю., Горюнова О. И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. 2004. Вып. 2. С. 117–123.
- Окладников А. П. Каменные рыбы (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // Советская археология. 1936. № 1. С. 215–245.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Ч. 1–2. 412 с. (МИА; № 18).
- Окладников А. П., Абрамова З. А. Неолитическое поселение Нижнесерёдкино на Ангаре // Древние культуры Приангарья. Новосибирск : Наука, 1978. С. 96–112.
- Синицына Г. В. Неолитическая керамика поселения Нижнесерёдкино на Ангаре // Археологические исследования в районах новостроек. Новосибирск : Наука, 1985. С. 35–46.
- Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри) // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1964. Вып. 97 : Памятники первобытного общества на территории СССР. С. 25–32.

Осиноозерская неолитическая культура Западного Приамурья: проблемы происхождения, хронология и периодизация

С. В. Коваленко

Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, г. Благовещенск

The Osinoozersk Neolithic Culture of the Western Amur Region: Problems of Origin, Chronology and Periodization

S. V. Kovalenko

Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region, Blagoveshchensk

В настоящее время неолитическая эпоха на территории Западного Приамурья представлена материалами гromатухинской (V – нач. IV тыс. до н. э.), новопетровской (VI – V тыс. до н. э.) и осиноозерской культур (III – II тыс. до н. э.). Обнаруженная около оз. Осинового керамика с орнаментом «амурская плетенка» и вертикального гребенчато-пунктирного зигзага отнесена А. П. Окладниковым к нижнеамурской культуре (нач. II тыс. до н. э.) [Кузьмин, Нестеров, 2010, с. 103].

По сходству керамики и конструктивным особенностям жилищ сделан вывод, что осиноозерская культура сложилась на основе местных древних традиций и генетически связана с новопетровской культурой, а в формировании каменной индустрии носителей осиноозерской культуры сыграли контакты с поздним этапом гromатухинской культуры. Также было высказано мнение о смешанном характере осиноозерской культуры, сложившейся в результате контактов носителей амурского неолита с поздненеолитическим населением Забайкалья и Якутии, и о появлении у носителей этой культуры зачатков земледелия. На стадии позднего неолита носители нижнеамурской культуры проникают на территорию Западного Приамурья, значительно усилив свое влияние на местное население. Данное обстоятельство привело к заметному сближению культур этих регионов и создало в конце II тыс. до н. э. предпосылки для образования единой большой этнической общности, возможно существовавшей до раннего железного века [Дервянко, 1973, с. 107, 111, 236, 253–254, 256, 260].

Дальнейшие исследования на территории Западного Приамурья показали отсутствие сплошного пласта данной общности в регионе [Кузьмин, Нестеров, 2010, с. 103].

В результате появления с начала 2000-х гг. радиоуглеродных дат ранее предложенная периодизация претерпела изменения. Наиболее ранними являются поселения гromатухинской культуры (16 260–8010 кал. л. н.). Новопетровские памятники (12 630–8590 кал. л. н.) также отнесены к раннему неолиту. Хронологические рамки осиноозерской культуры (5290–3410 кал. л. н.) соотношены с поздним неолитом.

Основная проблема хронологии осиноозерской культуры состоит в том, что А. П. Деревянко было высказано положение о связи ее генезиса с новопетровской культурой.

В 2001 г. А. В. Гребенщиков высказал сомнение, что на основании близости керамического производства и технологии строительства жилищ можно полагать о преемственности между осиноозерской и новопетровской культурами [2001, с. 51–56]. С. В. Алкин предложил к обсуждению гипотезу о сосуществовании позднего этапа новопетровской и раннего этапа осиноозерской культуры [2011, с. 193–194]. Имеющиеся в настоящий момент радиоуглеродные даты верхней границы новопетровской культуры и даты нижней границы осиноозерской культуры демонстрируют временной разрыв около 4000 лет [Кузьмин, Нестеров, 2010, с. 107–108].

Анализ неолитических культур сопредельных территорий позволил найти аналогии осиноозерской культуре в материалах памятника Хунхэ (3900±30 л. н. или 2470–2297 кал. гг. до н. э. и 3960±30 л. н. или 2504–2399 кал. гг. до н. э.) культуры Анъянси у г. Цицикар пров. Хэйлунцзян [Археология и этнография Приамурья, 2023, с. 152–157].

Актуален вопрос связи осиноозерской культуры с населением эпохи раннего железного века. Предложение А. В. Гребенщикова об участии осиноозерского населения в формировании урильской культуры не объясняет, почему в ее ареале раннеурильская керамика схожа с таковой из Восточного Приамурья. К тому же для урильских памятников Западного Приамурья получены пока самые ранние радиоуглеродные даты (1032–914 кал. гг. до н. э.), которые показывают временную разницу более 1000 лет с самой поздней датой осиноозерской культуры. Роль осиноозерских традиций в сложении урильской культуры пока в недостаточной степени не выявлена [Нестеров, 2013, с. 297–301].

В данной исследовательской ситуации основной задачей является обобщение и анализ всей информации для понимания места и роли поздненеолитической осиноозерской культуры в древней истории Западного Приамурья.

Список литературы

- Алкин С. В. Современное состояние изучения осиноозерской неолитической культуры Среднего Приамурья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2011. С. 188–198.
- Археология и этнография Приамурья / А. П. Забияко, Ван Цзюньчжэн, Д. П. Волков и др. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. 423 с.
- Гребенщиков А. В. Ранний неолит среднего Амура: мифы и реальность // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2001. Вып. 3. С. 49–61.
- Деревянко А. П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск : Наука, 1973. 354 с.
- Кузьмин Я. В., Нестеров С. П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 103–110.
- Нестеров С. П. Начало раннего железного века в Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. 19. С. 297–301.

Комплекс зайсановской культуры поселения Рудная Пристань в Приморье

В. И. Дьяков¹, Е. В. Сидоренко²

¹*Свободный исследователь, г. Владивосток*

²*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток*

Complex of Zaisanovskaya Culture of the Rudnaya Pristan Settlement in Primorie

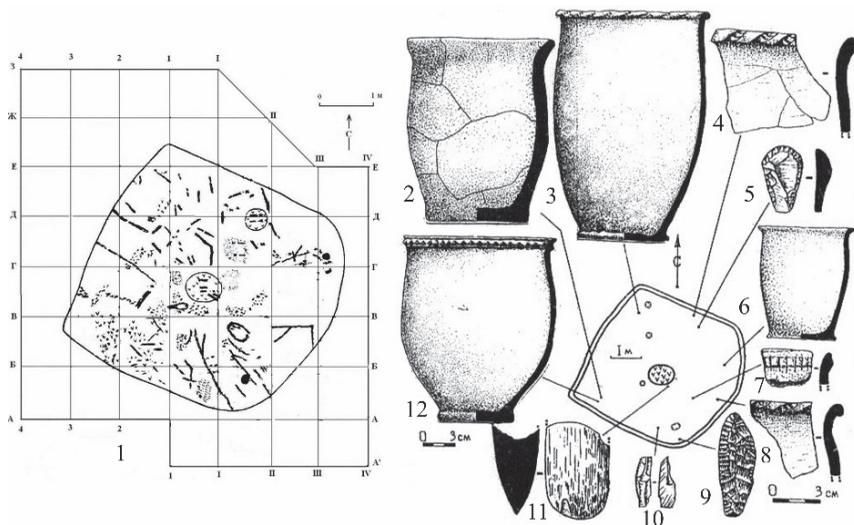
V. I. Dyakov¹, E. V. Sidorenko²

¹*Free Explorer, Vladivostok*

²*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS,
Vladivostok*

Поселение Рудная Пристань в приморской археологии занимает особое место, так как продолжает оставаться опорным для сихотэ-алиньского региона. На материалах памятника выстроена периодизация археологических культур региона от неолита до раннего средневековья. Пока не найдено другого объекта, сопоставимого с ним по информативности, площади, количеству раскопанных комплексов (2745,4 м²).

Материалы памятника частично введены в научный оборот в монографии В. И. Дьякова «Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья» [1992]. В ней акцент сделан на стратиграфическом соотношении зайсановской и руднинской неолитических культур. Однокультурные комплексы подробно не анализировались. В работе охарактеризован комплекс № 25, относящийся, по мнению авторов, к зайсановской культуре. Он не затрагивает и не нарушает заполнение соседних строений, занимает свободный участок и представляет собой локализованный замкнутый комплекс, стратиграфия которого позволяет отнести его к однослойным объектам. Такое положение придает комплексу особую ценность, так как в первую очередь есть возможность описать коллекцию, важную для полной характеристики поздненеолитического культурного горизонта памятника; во-вторых, провести сравнение с другими синхронными объектами; в-третьих, реконструировать постройку из-за хорошей степени сохранности после пожара. В комплексе обнаружены фрагменты как минимум 6 сосудов, из которых 4 археологически целые [Дьяков, Сидоренко, 2018]. Преобладают сосуды баночной формы со слегка выпуклыми стенками (рис., 2, 3, 6), один сосуд имеет форму кубка с сужающейся придонной частью (рис., 12). Сосуды изготовлялись кольцевым ленточным налепом с внутренним креплением лент, в дальнейшем формовалось выглаживанием и проминанием с вытягиванием. Обработка поверхности сосудов

Рис. Комплекс зайсановской культуры № 25 поселения Рудная Пристань (Приморье): 1 – план горелых конструкций; 2, 3, 6, 12 – сосуды; 4, 7, 8 – фрагменты орнаментированных венчиков; 5 – скребок; 9 – нож; 10 – скол с нуклеуса; 11 – лезвийная часть топора

включает выглаживание, затирку и замывку жидкой глиной. Орнамент сосредоточен только в зоне венчика: выпуклый представлен треугольным налепным валиком вблизи кромки (рис., 12), врезной включает косые отписки 4-зубой гребенки по кромке венчика (рис., 3, 4, 8), частые перпендикулярные округлые вдавления по налепному валику (рис. 12) и вертикальные насечки по налепному валику (рис., 7).

Керамические изделия представлены целым пряслищем с вихревым орнаментом (группа двусторонне-выпуклых, тип – биконические). К ретушированным изделиям отнесены наконечники стрел и дротиков, проколки, ножи (рис., 9), скребки (рис., 5), скобели, отщепы с ретушью. В коллекции имеются сработанный нуклеус аморфной формы, скол с нуклеуса с последующей подработкой одного конца и использования в качестве орудия (рис., 10), 4 осколка и большое количество средних, мелких, микро- и чешуйчатых отщепов. Шлифованные изделия представлены 2 обломками рубящих орудий овального сечения (обломок и лезвийная часть топора) (рис., 11). На удлиненных овальных гальках изготовлены 4 отбойника и комбинированное орудие (отбойник+абразив).

В итоге был раскопан слабо углубленный котлован подпрямоугольной формы с большим количеством карбонизированных остатков и локальными участками интенсивного прокала, в центре располагался очаг. Так как строение сторело, то артефакты сохранили свое инситное положение и после прекращения функционирования объекта дополнительно не перемещались.

Комплекс демонстрирует очень хорошую степень сохранности сгоревших деревянных конструкций, по которым можно определить расположение балок (см. рис., 1). Все они идут от центральной опоры к бортам слабо углубленного котлована. Отсутствие параллельных стенам бревен позволяет исключить срубный характер постройки. Для классической каркасно-столбовой конструкции не хватает опорных угловых столбов. Но имеются четыре столбовые ямки, расположенные в один ряд между северным и южным углами и связанные, вероятно, с закреплением несущих опор каркаса. У восточной стены располагался вход с остатками деревянных столбов от входовой конструкции, установленных непосредственно на пол жилища (один частично сохранился, от другого осталось круглое углистое пятно).

Радиоуглеродное датирование образцов обугленных конструкций определило возраст комплекса: 4040 ± 40 л. н. (ГИН-5630); 4030 ± 40 л. н. (ГИН-5982). Полученные даты хорошо коррелированы друг с другом и с результатами датирования соседнего жилища № 23: 4130 ± 40 л. н. (ГИН-5980); 4000 ± 60 л. н. (ГИН-5981); 4110 ± 40 л. н. (МГУ-514).

Список литературы

Дьяков В. И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1992. 140 с.

Дьяков В. И., Сидоренко Е. В. Новые данные по топографии поздненеолитического культурного горизонта памятника Рудная Пристань: керамика комплекса № 25 // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 161–172.

Новые сведения о взаимосвязи культур в неолите Томско-Нарымского Приобья и Прибайкалья²

Д. А. Бычков¹, И. А. Галажинский²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск*

²*Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск*

New Information on the Relationship between Cultures in the Neolithic of the Tomsk-Narym Ob and Baikal Regions

D. A. Bychkov¹, I. A. Galazhinskiy²

¹*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk*

²*National Research Tomsk State University, Tomsk*

Одним из первых исследователей неолита Томского Приобья, включающего северный участок верхнего течения р. Оби, приустьевой участок долины р. Кети и нижние участки долин рек Чулым и Томи, считается Владимир Иванович Матющенко. В его работах была предложена концепция возникновения неолитических культур на обозначенной территории, заключающаяся в синтезе нескольких привнесенных компонентов. Одним из таких компонентов им виделась китойская культура эпохи неолита Прибайкалья [Георгиевская, 1989, с. 44], поскольку в ее материалах им были обнаружены аналогии отдельным типам изделий из камня, бытовавших в выделенной им верхнеобской неолитической культуре [Матющенко, 1973, с. 6–127]. Современный уровень понимания культурогенеза в неолитическую эпоху значительно отличается от представлений 1970-х гг., но выявляемые в настоящее время факты позволяют актуализировать концепции предшественников.

Так, в процессе цифровизации археологических коллекций из фондов Томского областного краеведческого музея им. М. В. Шатилова для внесения в «Госкаталог» среди предметного комплекса эпохи неолита с поселения Алдыган были обнаружены полиэдрический резец, известный также как нуклеус-дрель, и конусовидный нуклеус в крайней стадии истощения. Поселение исследовалось в 1990-е гг. сотрудником музея Я. А. Яковлевым как поселение раннего железного века, в раскопах на котором также были обнаружены комплексы эпохи неолита, непотревоженные более поздними культурными напластованиями [Гребнева, 2017, с. 135–140].

С целью обоснования закономерности наличия аналогичных орудий в комплексах эпохи неолита Томско-Нарымского Приобья был проведен поиск аналогий. В фондах музеев области и университета были осмотрены коллекции неолитических артефактов с обозначенной и сопредельных территорий. В наукометрических базах данных проведен анализ встречаемости

---

² Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2025-0012 «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии».

упоминаний данного типа изделий в научных изданиях. В результате было установлено, что найденные экземпляры к настоящему времени являются единственными орудиями на территории Томско-Нарымского Приобья, подобными такому известному типу орудий как нуклеус-дрель. В публикациях ближайшим из упомянутых мест обнаружения аналогичных изделий является стоянка Минжуль, расположенная на среднем Енисее, в 33 км севернее г. Красноярск [Мандрыка, Сенотрусова, 2019, с. 96–97]. К другим районам обнаружения аналогичных изделий относится Прибайкалье и Северное Приангарье – археологический комплекс Проспихинская Шивера-IV, стоянка Минжуль, стоянка Усть-Карабула, пещера Еленева, стоянка «Шалунин Бык», стоянка Усть-Белая, стоянка Лисиха, стоянка Сосновый Бор.

Было установлено, что к наиболее ранним комплексам относятся артефакты из памятников позднего палеолита и мезолита Прибайкалья. В Северном Приангарье этот тип изделий ассоциирован с мезолитическими и неолитическими комплексами. В окрестностях г. Красноярск такие артефакты обнаружены в мезолитических комплексах и в смешанных – включающих неолитический компонент.

В результате анализа полученных сведений закономерность выявления полиэдрических резцов в неолитических комплексах Томско-Нарымского Приобья, в рамках концепции В. И. Матющенко об их возникновении на основе синтеза, в том числе и с участием прибайкальского компонента, представляется актуальной для более детальной разработки. Наиболее перспективной зоной поиска свидетельств транзита аналогичных изделий в эпоху неолита с сопредельных с Прибайкальем территорий является Кеть-Касский водораздел, сопредельные долины рек и соответствующий отрезок долины Енисея с прилегающими к нему низовьями р. Ангары.

Список литературы

- Георгиевская Г. М. Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 152 с.
- Гребнева Г. И. Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. Томск : Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2017. 554 с.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Многослойная стоянка Минжуль под Красноярском // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск : СФУ, 2019. Вып. 10. С. 86–107.
- Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 1. Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура) // Из истории Сибири. Томск : ТГУ, 1973. Вып. 9. 182 с.

Ангарская изобразительная традиция в наскальном искусстве Нижней Ангары

Т. А. Ключников¹, А. Л. Заика²

¹АНО «Археологическое исследование Сибири», г. Красноярск

²Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск

The Angara Visual Tradition in Rock Art of the Lower Angara

T. A. Klyuchnikov¹, A. L. Zaika²

¹Autonomous non-commercial organization "Archaeological Research of Siberia", Krasnoyarsk

²Krasnoyarsk State Pedagogical University V. P. Astafyev, Krasnoyarsk

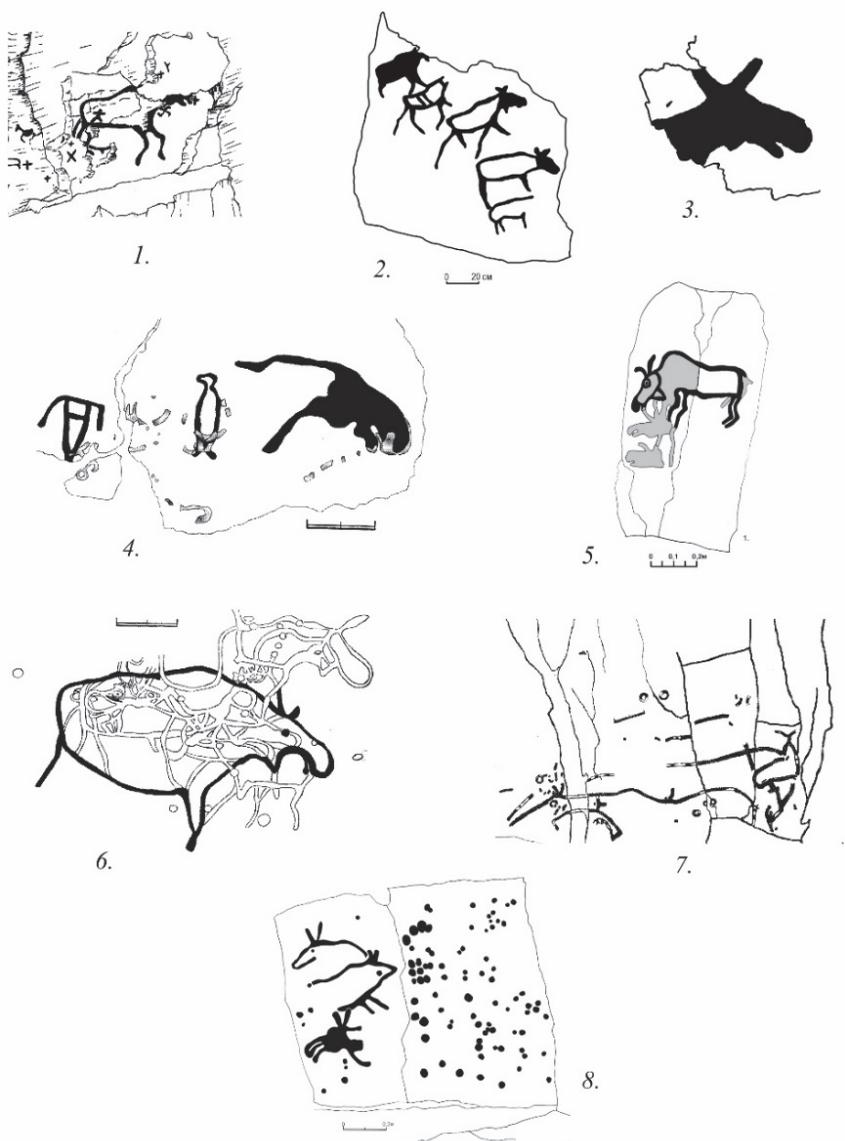
Несмотря на продолжительную историю изучения петроглифов нижней Ангары и выявленный представительный корпус памятников древнего искусства, наскальные рисунки, относящиеся к так называемой ангарской изобразительной традиции, остаются немногочисленными. В нашей работе мы обращаемся к выделению среди петроглифов Нижнего Приангарья изображений, относящихся к данному стилистическому направлению.

Понятие «ангарской» изобразительной традиции было впервые введено Н. Л. Подольским в 1973 г. Им были выделены критерии, основанные на анализе известных к тому времени наскальных изображений Ангары, Среднего Енисея и Томских писаниц [Подольский, 1973, с. 267].

Согласно определению Н. Л. Подольского, ангарская изобразительная традиция включает в себя, прежде всего, изображения лосей, показанных в динамике. Ноги животных широко расставлены, передняя часть корпуса массивна, подчеркнуты горб и подшейная серьга. Рога отсутствуют, а голова иногда гипертрофированных размеров. Пасть животного раскрыта, акцентирована горбоносость. Отмечалось, что для ангарской традиции невозможен разворот фигур животного влево и нехарактерно их горизонтальное расположение.

Термин «ангарская традиция» получил развитие в трудах других ученых. Я. А. Шер, размышляя о путях ее распространения, говорил о вероятном пути движения ее носителей вниз по Ангаре и далее, вверх по Енисею. В его работах вместо понятия «традиция», впервые говорится об «ангарском стиле» [Шер, 1980, с. 187–190]. Позднее, в работах других авторов, оно становится основным [Советова, Миклашевич, 1999, с. 55–57].

Претерпели изменения и критерии выделения ангарского стиля. Так И. А. Пономарёвой указывается, что для «классических ангарских» изображений характерны: расположение фигур на плоскости горизонтально, соотношение размеров головы и туловища 1:3 или 1:4, горб покатый, показ губ, глаз, серьги [Пономарёва, 2016, с. 78].

Рис. Петроглифы ангарской изобразительной традиции в наскальном искусстве Нижней Ангары:

1 – Писаница Манзя-1, 2 – Писаница Рыбное-3, 3 – Писаница Писаный камень, 4 – Писаница Мурский порог, пл. 10, 5 – Писаница Аплинский порог, 6 – Петроглиф Мурожный камень-4, 7 – Писаница Мурский порог, пл. 5, 8 – Петроглиф Нижний брат, р. Бирюса

Анализируя наскальные изображения Нижнего Приангарья от Аплинского порога до устья реки, нами был выявлен ряд памятников, имеющих прямое отношение к ангарской традиции по совокупности критериев, предложенных Н. Л. Подольским.

Полные фигуры такого облика найдены на писаницах: Манзя-1 (рис., 1) и Рыбное 3 (рис., 2). На ряде памятников встречаются частично сохранившиеся изображения, которые могут быть соотнесены с вышеуказанной традицией. Это рисунки на Писаном камне, Мурском пороге и реке Бирюсе (рис., 3, 4, 8). Еще несколько изображений имеет некоторые признаки ангарской традиции, но не полностью ей соответствует. Таково изображение лося на Аплинском пороге (рис., 5), Петроглифе «Мурожный камень 4» (рис., 6) и на плоскости № 5 писаницы «Мурский порог» (рис., 7), где сохатый, нарушая один из главных принципов традиции, изображен движущимся влево.

Все эти изображения при общем сходстве, тем не менее можно разделить на две группы. Первая группа изображений имеет большую стилистическую близость к памятникам верхней Ангары [Окладников, 1966; с. 209, табл. 65]. Это петроглифы Аплинского порога, Манзи, Мурского порога, Мурожного камня 4 и Бирюсы. Вторая группа пока представлена одной, но очень яркой композицией на писанице Рыбное-3, открытой в 2024 г. Фигуры животных в этой группе выстроены по диагонали и движутся вправо и вверх. Контуры двух центральных фигур имеют следы членения туловища, постановку ног, трактовку головы, характерные для изображений Томской писаницы [Окладников, Мартынов, 1972, с. 145].

Таким образом, можно предполагать проникновение в Нижнее Приангарье ранних реминисценций ангарской традиции из Прибайкалья, а поздних – из Западной Сибири, в свою очередь, воспринявшей ангарскую традицию через Минусинскую котловину.

Список литературы

- Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М. : Наука, 1966. 322 с.
- Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища Томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М. : Искусство, 1972. 296 с.
- Подольский Н. Л. О принципах датировки наскальных изображений: По поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР», М. : Наука, 1969, 235 с., с илл. // Советская археология. 1973. № 3. С. 265–276.
- Пономарева И. А. К вопросу о выделении ангарского стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 2. С. 69–80.
- Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеиисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 1999. С. 47–74.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.

Сцена охоты Бутихинской писаницы (Восточное Забайкалье)

О. Ю. Ячменёв

*Забайкальский научный центр ИИАЭ ДВО РАН, г. Чита
Забайкальский государственный университет, г. Чита*

Hunting Scene on the Butikhinsky Petroglyphs (Eastern Transbaikalia)

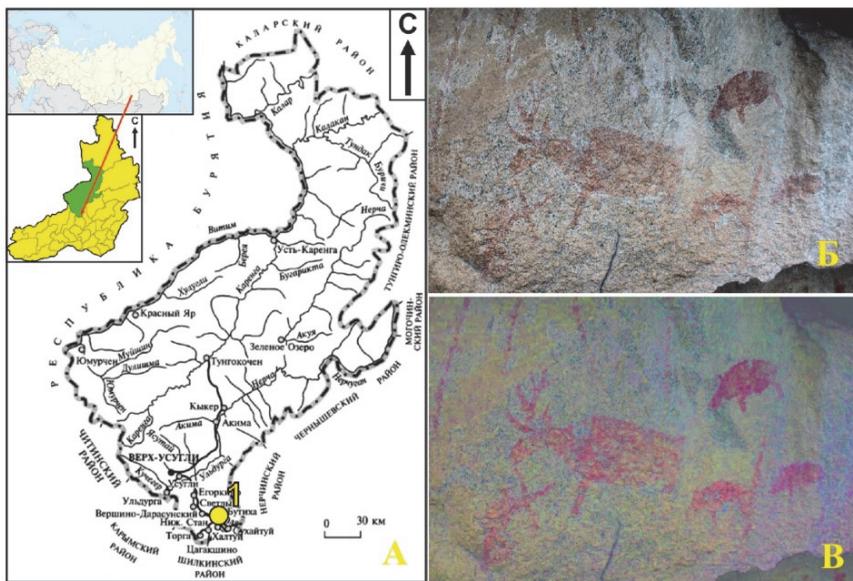
О. Yu. Yachmenev

*Transbaikal Scientific Center INAE FEB RAS, Chita
Zabaykalsky State University, Chita*

Памятник наскального искусства Бутиха был обнаружен в 1959 г. и впервые упомянут в работе М. И. Рижского «Из глубины веков ...» [1965, с. 82–86]. Объект располагается в 15 км от с. Бутиха Тунгокоченского района Забайкальского края, в пади р. Оля (рис., А). Позднее на писанице были проведены более обстоятельные исследования А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской. Они отнесли рисунки к лесной традиции [Окладников, Запорожская, 1970, с. 129]. А. И. Мазин датировал наскальные рисунки Бутихи (группы 4 и 19) эпохой раннего голоцена (ок. 9–8 тыс. л. н.). В процессе археологических раскопок под основанием скалы с изображениями исследователь обнаружил в жертвеннике 3 культурных слоя (к. с.). В 3 к. с. были выявлены наконечники, которые, по мнению ученого, типологически относятся к Хиньскому этапу [Мазин, 1986, с. 105]. По 3 к. с. получена радиоуглеродная дата (10 912±198 л. н.) [Мазин, 1994, с. 80]. В 2017 г. объект исследовался И. А. Пономаревой [Пономарева, 2018, с. 84].

Сюжет, запечатленный на Бутихинской писанице, продолжает поражать исследователей своей достоверностью. Особого интереса заслуживает сцена охоты, которая дает ценные сведения о деятельности древних людей. На плоскости представлена сложная композиция, выполненная красной охрой. В центре внимания – охотник с луком, направленным на лося. Рядом изображены три кабана, олень и лань. Композицию дополняют наклонные и вертикальные полосы, а также аморфные пятна. Рисунки, изображающие человека, сцены охоты и промысловых таежных животных, выполнены в реалистичной манере (рис., Б, В).

На данный момент на соседних территориях практически не зафиксировано подобных сюжетов, за исключением сцены на правом притоке р. Мая в Хабаровском крае, где лучник также целится в сторону уходящего стада лосей [Окладников, Мазин, 1979, с. 46].

Рис. А – расположение Бутихи; **Б** – плоскость с изображением охоты; **В** –обработанная плоскость в программе adStretch

Остается открытой тема интерпретации данного сюжета. С одной стороны, сцена может быть воспринята как достоверное изображение реальной охоты, не требующее дополнительных объяснений. Однако нельзя исключить и гипотезу о магическом значении этой сцены. В археологической науке существует мнение, что изображения охоты часто носили ритуальный характер, а не отражали исключительно практические потребности [Окладников, Запорожская, 1970; Окладников, Мазин, 1979; Мазин, 1986; Кочмар, 1994; Жукова, 2023]. Вместе с тем обнаруживается разногласие во мнениях относительно возраста сцены охоты на Бутихинской писанице. Как уже упоминалось выше, А. И. Мазин датирует основной сюжет эпохой раннего голоцена [Мазин, 1986, с. 105], с его позицией соглашается В. А. Цыбиктаров [2011, с. 96]. В свою очередь, А. П. Окладников и В. Д. Запорожская предлагают более позднюю датировку – эпоха бронзового века (I тыс. до н. э.) [Окладников, Запорожская, 1970, с. 129–130]. И. А. Пономарева, предположительно, связывает ранние изображения с финалом эпохи позднего палеолита (12 тыс. л. н.) [Пономарева, 2021, с. 520; 2023, с. 177]. Таким образом, очевидна необходимость проведения новых исследований этого уникального для Забайкалья памятника наскального творчества.

Список литературы

- Жукова Л. Н. Обряды промысловой магии и лучники в петроглифах рек Лены, Ангары и озера Байкал // Кунсткамера. 2023. № 3 (21). С. 170–182. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2023-3\(21\)-170-182](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2023-3(21)-170-182)
- Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск : Наука, 1994. 272 с.
- Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск : Наука, 1986. 259 с.
- Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск : Наука, 1994. 241 с.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : Наука, 1970. Ч. 2. 262 с.
- Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна р. Алдан. Новосибирск : Наука, 1979. 152 с.
- Пономарева И. А. Исследование памятников наскального искусства в Забайкальском крае в 2017 году // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 82–93.
- Пономарева И. А. Древнейшие наскальные изображения Восточной Сибири: новые открытия и перспективы исследований // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии : сб. науч. ст., посвящ. 80-летию проф. Дмитрия Глебовича Савинова. СПб. : ИИМК РАН, 2021. С. 507–522. <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-22-4.507-522>
- Пономарева И. А. Мир зооморфных образов наскального искусства Забайкалья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 2 (80). С. 171–192. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2023-2-80-171-192>
- Рижский М. И. Из глубины веков: Рассказы археолога о древнем Забайкалье. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 172 с.
- Цыбиктаров В. А. Петроглифы Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. 276 с.

Образ змеи в искусстве неолита – бронзового века Прибайкалья

М. Н. Непогодина

*МБОУ «СОШ № 8», г. Братск
Братский государственный университет, г. Братск*

The Image of a Snake in the Art of the Neolithic and Bronze Ages in the Baikal Region

M. N. Nepogodina

*Secondary School N 8, Bratsk
Bratsk State University, Bratsk*

Образ змеи является одним из ключевых и часто встречаемых в древнем искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и бронзового века. Змеи играют важную роль в понимании духовной культуры.

Образ змеи наиболее широко представлен в наскальном искусстве региона. Писаница Саган-Заба (оз. Байкал). Антропоморфное изображение, посреди туловища которого выдолблена фигура извивающейся змей.

Писаница Бухта Ая (оз. Байкал). В одной из композиций справа от антропоморфного изображения, между рукой и туловищем, расположена рептилия с открытым ртом, рядом с ней справа от руки расположена такая же, только в движении. Также имеется изображение змеи в виде «коленчатой полосы» у шеи водоплавающей птицы.

Писаница на горе Сахюртэ (оз. Байкал). Изображение змеи над оленем в виде изогнутой полосы с поднятой головой.

На писаницах Второго (Среднего) Каменного острова (Среднее Приангарье) встречается наибольшее количество изображений змей – 23, которые изображены в разных контекстах – зигзагообразные, извивающиеся одиночное изображение, «змеиные свадьбы», групповые изображения. Змеи встречаются как в вертикальном, так и в горизонтальном положении, одни изображения с ярко-выраженными головами – у других либо почти не прорисованы, либо не имеют их вовсе. Все фигуры объединяет динамичность.

На писаницах Третьего (Нижнего) Каменного острова (Среднее Приангарье) имеются изображения трех выбитых схематических, горизонтальных змей, две зигзагообразные, одна прямая. Там же – одиночная фигура в виде изогнутой полосы. Один из сюжетов особо интересен: змеобразная изогнутая полоса, поверх которой еще одна более выгнутая.

Писаница Медвежий Ручей 1 (Среднее Приангарье). Реалистичное, динамичное изображение, выполненное краской, голова округлая.

Большекадинская писаница. Рептилия представлена вертикальной зигзагообразной полосой с коротким выступом наверху. Там же фигурирует изогнутая «змеевидная кривая полоса», рядом с которой находится солярный символ в виде равноконечного креста.

Писаница Каменка-Еруглейка. Изображение змеи в виде изогнутой полосы с выступом на голове и открытым ртом, около изображения расположен крест.

На писанице Дубынинского (Долгого) порога (Среднее Приангарье) имеется несколько сюжетов змей в разных композициях: схематичные изображения трех змей с выраженными изогнутыми телами и маленькими головами; широкая дугообразная полоса; короткая широкая полоска в виде дуги; длинные изгибающиеся полосы, на одном конце которых отчетливо видны змеиные головы.

На Ленских писаницах (р. Лена) имеются три фигуры змеи, совершенно разные между собой по стилю. В первом случае змея с головой в виде луковицы изображена с дугообразным сооружением; во втором случае одиночное изображение рептилии со слабовыраженной головой; в третьем случае одиночное изображение с головой в виде луковицы.

Ближайшие аналоги прибайкальским изображениям встречаются на писаницах Забайкалья: Субуктуй, Хотогой-Хабсагай, Бага-Байца, Токтуй, Сали.

Скульптурные изображения змей в Прибайкалье малочисленны, наиболее известен костяной стерженек с фронтальным изображением змеи с могильника Шумилиха, описанный О. И. Горюновой [Горюнова, Новиков, 2009]. Широкая полукруглая голова отделена от узкого прямого туловища полукруглыми вырезами. Глаза, находящиеся в разных плоскостях, обозначены круглыми ямками. Предмет относится к эпохе бронзы.

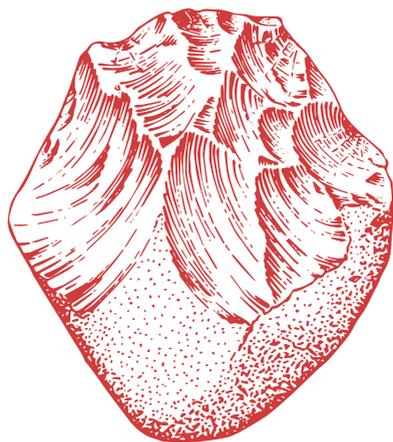
Наибольшее сосредоточение изображений змей в наскальном искусстве Прибайкалья приходится на Среднее Приангарье. Стилистика варьируется от схематичных зигзагов до детализированных изображений с луковичеобразными головами. Важно отметить, что образ змеи встречается в разных контекстах: одиночные изображения; полицефалы; групповые изображения «змеиная свадьба»; змеи, выстроенные в ряды; в совокупности с антропоморфными, зооморфными фигурами как внутри, так и рядом с ними; в совокупности с солярными изображениями. В хронологическом отношении большинство изображений отнесены исследователями к эпохе бронзы, писаницы Каменных островов – к неолиту.

По мнению А. П. Окладникова и М. Ф. Косарева, змея выступала универсальным символом подземного мира и его тайн [Окладников, 1966; Косарев, 1984]. У народов Сибири (селькупов, кетов, тувинцев) она воспринималась как охранитель душ, воплощение мудрости и защитная сила. Изображения змей на шаманских костюмах и детских оберегах были призваны облегчить путешествия в мир духов и обеспечить покровительство.

Список литературы

Горюнова О. И., Новиков А. Г. Антропоморфная, зооморфная и солярная символика на сосудах бронзового века Прибайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 76–82.	Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
	Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука, 1966. 322 с.

ИСТОРИЯ НАУКИ,
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУР
ПОЗДНЕГО ГОЛОЦЕНА
И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ

К истории изучения неолита – энеолита р. Лены: письма А. П. Окладникова Н. К. Ауэрбаху 1930 г.

А. С. Вдовин, Н. П. Макаров

Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

To the History of the Neolithic–Eneolithic Study on the Lena River: A. P. Okladnikov's Letters to N. K. Auerbakh, 1930

A. S. Vdovin, N. P. Makarov

Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Krasnoyarsk

В 1925 г. в составе РСФСР произошло объединение нескольких территорий в большой Сибирский край. В созданном Обществе изучения Сибири ученым секретарем и координатором научного изучения региона становится Н. К. Ауэрбах. Среди археологов, ведущих с ним переписку, заметное место занимают иркутские ученые: Б. Э. Петри, Г. П. Сосновский, М. М. Герасимов, А. П. Окладников и другие исследователи.

Цель данной публикации, отталкиваясь от писем А. П. Окладникова, показать ситуацию вокруг археологических планов изучения древностей р. Лены. Уже в первых своих статьях А. П. Окладников рассматривает вопросы ее каменного века и энеолита [Окладников, 1926, 1928]. В 1930 г. по р. Лене им была проведена удачная разведка. В коротком письме А. П. Окладников сообщает Н. К. Ауэрбаху о своих намерениях: «Многоуважаемый Николай Константинович. Только, что закончилась моя поездка на Верхнюю Лену... Нужно коротко сказать, что теперь есть возможность (впервые) говорить по-настоящему о ленском неолите ... Мой план на след[ующий] год обследовать Лену от Жигалово до Усть-Кута. Теперь только затруднения отпечатать материал по неолиту стоянки и могильники уже почти невозможно т. к. не хватает «печ[атных] листов»; 2-е нет денег для создания антирелигиозного музея на краеведческой основе, при всем обилии материала. Интересно, не сможете ли Вы, от Общества изучения Сибири, оказать нам свое содействие.

С уважением – А. Окладников.»

В следующем письме А. П. Окладников отмечает: «Уважаемый Николай Константинович! ... Мне пришлось поработать на Лене в очень трудных условиях (дороговизна, отсутствие рабочих и натуральный товарообмен на мыло, чай и т. д.). Тем не менее сделано достаточно. На лодке мы доплыли до дер. Сураво. ... Поработали около месяца в районе Качуга.

Итоги таковы: 1. Найден ряд новых доисторических могильников энеолитической поры. Раскопано вместе с разрушенными и разграбленными около 38 погребений. Большинство погребений поздние – типа Глазково (впрочем, «Глазково» требует расчленения). Найдены остатки каменной индустрии (нефр[итовые] белые кольца, кружки, кремневые на[онечники], копий, стрел, проколки, скребки). Много костяных изделий, есть керамика ...

Так, в Усть-Илге найдено погребение с нефритовым большим топором, медным топориком (?) плоским, конечно, с круглодонным сосудом оригинальной формы и одним ушком внизу, двумя отверстиями сверху. Там же были кам[енные] на[к]онечники стрел, медная трубочка, 2 дециметра длиной в которой лежало дерев[янное] изделие, а не ожидаемое мной обычная игла... и, кроме того (погреб[ение] было двойным). Большой костяк был покрыт от головы до пят поперечными узкими, но длинными (см 40–45) отшлифованными пластинками из трубч[атой] кости б[ыть]м[ожет] сохатого. Ведь это ваш Енисей? «Панцырь» Передольского ...

Дальше, в Жигалово, в двойном погребении мною найдено Чадобецкая мотыга с ушками, а рядом нефритовое белое кольцо и перламутровое кольцо. В Коркино обнаружались каменные рыбы, очень изящные, налимного типа, это другая рыболовная культура. Из курьезов упомяну костяные ложки ...

На скалах найдены писаницы. Много разнообразных. Есть писанные красной краской, резные, выбитые и зашлифованные. + По сюжетам: лоси, сцены охоты с луком, арканом, всадники со штандартами и султанами, с перьями на шапках, верблюдом, птицы, «онгоны» и т. д. Есть рисунки, выдающие высокое художественное мастерство...

Иркутск 23/09.1930 А. Окладников»

В дополнении письма исследователь констатирует: «Край не изучен. Мы имеем только вехи, случайно вскрытые, и две сплошных полосы предварительного изучения – В. Лену и окрестности Иркутска с Байкалом в его некоторых частях.

Но, имеющиеся материалы формируют уже некоторые рабочие гипотезы, в частности по вопросу о конце неолита и начале палеометалла; наталкивает на формулировку ряда проблем. Например, 1) нужно расчленить типологически огромный материал погребений. 2) выделить их стадиальные комплексы внутри старых «китоя и глазково» 3) освоить географическое распространение культур разведками 4) в связи с этим – установить (разработать методологические отправные пункты. Установить линии взаимоотношений различных этнических культур, и последнее основное звено для выполнения этой работы: 5) выяснить производственно экономический фон, производственно-трудовой уклад и социальный строй наших китойцев и глазковцев, а в связи с этим «решить» их дальнейшие судьбы ...

В частности, я лелею мечту пройти по Лене ниже Усть-Кута и б[ыть]м[ожет] увязать Селенгу (Монголию-Бакал (Прибайкалье) – Ангару (Приенисейский край), Волгу с Леной и через Лену дойти до Ледовитого океана к арктическим культурам «духам» которых веет от моих Верхнеленцев энеолитической поры, (имеющих связи и с югом) ...

Сообщите Н.К. ваши мысли и конкретные предложения по ликвидации нашей ограниченности.»

Список литературы

Окладников А. П. Неолитические стоянки на Верхней Лене // Краеведение в Иркутской губернии. Записки студенческого научного кружка краеведения при Иркутской государственном университете. 1926. № 3. С. 29–38.

Окладников А. П. Неолитический могильник в местности «Хашпагай» (Верхняя Лена) // Известия Восточносибирского отдела Русского географического общества. 1928. Т. 53. С. 125–134.

Участие иркутских археологов в реализации проекта «Новоэкспорта»³

Е. И. Майзик¹, А. С. Вдовин²

¹*Институт археологии РАН, г. Москва*

²*Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск*

Participation of Irkutsk Archaeologists in the Implementation of the “Novoexport” Project

E. I. Maizik¹, A. S. Vdovin²

¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow*

²*Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Krasnoyarsk*

Распродажи культурных ценностей в конце 1920-х – начале 1930-х гг. затронули не только крупнейшие музеи СССР, но и провинциальные организации, вовлеченные в сбор коллекций для экспорта. В 1929 г. для выявления новых видов товаров, организации заготовок и их поставок за рубеж, в Москве была создана контора «Новоэкспорт». Именно она стала координатором взаимодействия с музеями Сибири, заинтересованными или вынужденно привлеченными в процесс формирования коллекций для внешнего рынка.

Целью исследования является анализ участия иркутских археологов и научных организаций в реализации экспортных инициатив конторы «Новоэкспорт», а также оценка влияния этих инициатив на организацию археологических исследований в 1930 г.

20 марта 1930 г. председатель Общества изучения Сибири Г. И. Черемных обратился в Сибторг с предложением о необходимости проведения в Новосибирске археолого-этнографического совещания, приуроченного к апрельскому Пленуму Совета ОИС. На мероприятие планировалось пригласить представителей Центра и делегатов из сибирских городов, в том числе из Иркутска (Б. Э. Петри, П. П. Хороших, Н. Н. Козьмин).

На совещании обсуждалась подготовка коллекций, потенциально пригодных для экспорта, среди которых особое место занимала археологическая коллекция «Байкальский неолит», которая «знакомит с главнейшими видами и формами орудий и керамики первобытного человека, обитавшего на берегах Байкала в неолитический период. В состав коллекции входит подъемный материал и частично материал из раскопок (дублеты)». П. П. Хороших представил план поездки на о. Ольхон для формирования

---

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 25-18-00790 «Отечественная археология в системе международных научных коммуникаций между двумя мировыми войнами»

образцовой коллекции. Кроме этого, ВСОРГО предложило собрать коллекцию «Ангарский неолит», а из этнографических – фотоматериалы «Жилища бурят» и «Костюм сойотского шамана».

В мае 1930 г. эти предложения были представлены Н. Н. Козьминым на специальном совещании в Иркутске. Однако иркутские ученые признали нецелесообразной археологическую экспедицию на Ангару и предложили исследования на Лене и Белой (Мальта). Инициативу поддержали Б. Э. Петри, А. П. Окладников, Ф. Э. Карантонис, М. М. Герасимов и П. Г. Полторацнев, а также директор Иркутского музея А. Казакова.

О решении иркутских археологов 25 мая 1930 г. Н. Н. Козьмин сообщил в Президиум ОИС, заключая, что р. Лена не входила планы, а возглавить намеченные экспедиции в данный момент невозможно – «мною не усматривается подлежащего руководства работами». В качестве альтернативы, предлагалось приобрести личные коллекции с Ангары и Байкала у Б. Э. Петри и П. П. Хороших.

После отказа иркутских археологов от организации Ангарской экспедиции, была организована только Тунгусская. В ней приняли участие сотрудники Иркутского музея П. П. Хороших и П. Г. Полторацнев. Маршрут проходил по труднодоступным районам Нижней Тунгуски. Несмотря на сложный маршрут, материалы были собраны, но не отправлены в Новосибирск в срок: пятнадцать ящиков были оставлены на факториях до зимней доставки в Иркутск. На запросы о судьбе коллекций иркутская сторона не отвечала. 18 февраля 1931 г. П. П. Хороших был арестован по обвинению в антисоветской деятельности [«Провинциальная» ... , 2013, с. 33–34], однако первые сведения об экспедиции были опубликованы еще в 1930 г. [Экспедиция ... , 1930].

Материалы Тунгусской экспедиции сохранились в Центре восточных рукописей и киелографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, где хранится личный фонд П. П. Хороших. Некоторые материалы были опубликованы О. В. и С. В. Бураевыми [2019, 2020].

Участие иркутских исследователей в инициативе «Новоэкспорта» оказалось ограниченным в силу расхождения научных приоритетов, организационных трудностей и политической нестабильности.

Список литературы

- Бураева О. В., Бураева С. В. Пространство шаманского ритуала у эвенков Нижней Тунгуски (по материалам личного архива П. П. Хороших) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 88–103. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-88-103>
- Бураева О. В., Бураева С. В. Нижнетунгусская этнографическая экспедиция 1930 г. (по материалам личного архива П. П. Хороших) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 3. С. 112–126. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-112-126>
- «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост., авт. вступ. ст. и библиогр. слов.: А. А. Сирина. М. ; Иркутск, 2013. С. 33–34.
- Экспедиции Восточно-Сибирского географического общества // Советская Азия. 1930. № 5–6 (35–36). С. 351–352.

Археология Братска: от первых открытий до современных исследований

М. В. Панюхин

*АНО Центр историко-культурных исследований «Археология Приангарья», г. Братск
Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары, г. Братск*

The Archaeology of Bratsk: From the First Discoveries to Modern Research

M. V. Panyukhin

*Autonomous non-commercial organization “Center for historical and cultural researches
“Archaeology of the Angara region”, Bratsk
Bratsk City United Museum of the History of the development of Angara, Bratsk*

В истории археологических исследований территории, где сегодня расположен г. Братск, как и в целом региона Среднего Приангарья, выделяется три периода археологических исследований, отличающихся по уровню методологического, методического, экономического подходов, приемами полевых исследований, объемом источников, методологией, уровнем теоретического осмысления и интерпретации археологического материала.

Дореволюционный период (начало XVIII в. – 1910-е гг.) характеризуется случайными находками предметов из подъемных сборов и наиболее выразительных наскальных рисунков в окрестностях с. Братск – Острожный, упоминаниями о находках из устных источников, отсутствием долгосрочных исследовательских программ, большим разнообразием участников исследовательского процесса от учителей-краеведов (народный учитель И. И. Воротников, 1857 г., учитель М. Е. Карпов, священник Леонид Малышев), писателей, путешественников и политических ссыльных (геолог А. Л. Чекановский, 1871 г., доктор Б. К. Пласковицкий, 1880 г., революционер В. В. Рябиков. 1912–1914 гг.) до профессиональных ученых (член ВСОРГО Н. И. Витковский, 1882 г.; руководитель археологической секции Общества изучения Сибири и улучшения ее быта М. В. Овчинников, 1914 г.).

Советский период (1920 г. – начало 1990-х гг.) обусловлен развитием исследований на новых организационных началах в совокупности с консолидацией научных сил; обновлением методологических подходов; созданием и реализацией плановых научно-исследовательских программ в рамках тематических исследований и спасательных археологических работ в зоне затопления водохранилищ Братской и Усть-Илимской ГЭС. Масштабные плановые разведочные и спасательные работы до затопления водохранилищ в окрестностях Братска проводились профессиональными археологами в составе научных экспедиций Иркутского краеведческого музея (А. П. Окладников, 1936–1937 гг., М. Р. Полесских, 1949 г., П. П. Хороших,

1955–1959 гг.), Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР (А. П. Окладников, А. В. Никитин, Е. Ф. Седакина, 1955–1960 гг.), Института истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР (Р. С. Васильевский, В. В. Бурилов, 1974 г.).

После затопления водохранилищ плановые исследования проводились совместными экспедициями Иркутского государственного университета, Братского отделения ВООПИК и Братского краеведческого музея (О. М. Леонов, А. В. Волокитин, Е. М. Инешин, В. Н. Соколов, М. Я. Склярский, Т. Н. Кононова, Г. С. Уткин, 1976–1982 гг.). Впервые основное финансирование исследований взяла на себя общественная организация БО ВООПИК.

В современный период (1990–2020-е гг.) исследования в Братске стали проводиться в двух направлениях – научном и производственном. Научные работы проводились за счет средств, выделяемых государственным органом по паспортизации известных памятников археологии, и выполнялись Северо-Западным отрядом Новостроечной археологической экспедиции Центра сохранения историко-культурного наследия Иркутской области (С. А. Дзюбас, О. В. Задонин, А. В. Луньков, при участии братских исследователей В. М. Семенова, А. В. Лукомского). В 1995 г. в Братске возникает собственный центр изучения археологии на базе Братского государственного университета в рамках студенческих археологических практик (преподаватель А. В. Лукомский, 1996–2017 гг., М. В. Панюхин, 2018–2025 гг.). Эпизодические самостоятельные исследования проводил Братский объединенный музей истории освоения Ангары (М. А. Глушенко, 2011–2013 гг., М. В. Панюхин, 2015–2022 гг.).

Доминирование заказов на выполнение государственной историко-культурной экспертизы привлекло широкий круг организаций: ОГАУ ЦСН, ООО «Раритет» (С. А. Дзюбас, 1996–2015 гг., М. В. Панюхин, С. Н. Пержаков, 2016–2025 гг.), ООО «Сибирский центр археологических исследований» (Е. О. Роговской, С. П. Таракановский, Д. Н. Лохов, 2006, 2010, 2014, 2022 гг.), ООО НПО «Экспертиза», ИАЭТ СО РАН (А. В. Выборнов, 2024 г.), АНО Центр историко-культурных исследований «Археология Приангарья» (М. В. Панюхин, С. Н. Пержаков, 2022–2025 гг.).

Современный период характеризуется полным отсутствием планового финансирования исследований со стороны научных и образовательных учреждений. В то же время в Братске существуют уникальные модели сотрудничества академической науки, музея, общественных и некоммерческих организаций, производственных объединений, развитие которых пока видится единственным возможным вариантом для комплексного изучения, сохранения и популяризации археологического наследия территории.

Оригинальный комплекс керамики эпохи раннего металла в урочище Таи (Барабинская лесостепь): дополнение к сказанному или новая культура?⁴

В. И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

A Unique Ceramics from the Early Metal Age, Tai Stow (Baraba Forest-steppe): An Addition to the Above or a New Culture?

V. I. Molodin

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk

Профессор Герман Иванович Медведев, 90-летию которого посвящена данная конференция, отличался не только блестящими открытиями в области археологии каменного века Восточной Сибири, но и широтой мышления, талантом педагога и наставника. Наше общение имело творческое продолжение в виде совместной статьи, посвященной уникальному бронзовому мечу, найденному на Байкале и переданному Г. И. Медведевым в Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН. К моему глубокому сожалению, статья вышла уже после его ухода от нас [см.: Молодин, Медведев, 2015].

Уверен, что новые оригинальные материалы, полученные нашей экспедицией в полевой сезон 2025 г., не оставили бы равнодушным Германа Ивановича.

Почти полувековые ежегодные исследования поселенческих, погребальных и ритуальных комплексов эпохи неолита и бронзы в Барабинской лесостепи позволили достаточно обосновано судить о динамике историко-культурных процессов в лесостепном Обь-Иртышском междуречье Западносибирской равнины в начальной стадии голоцена. Для эпохи бронзы была разработана и введена в научный оборот историко-культурная периодизация, время существования которой подтверждено многочисленными радиоуглеродными датами. Эта схема прошла не только серьезную апробацию в многочисленных научных публикациях, но и с полным основанием вошла в такие итоговые научные сочинения, как новая версия «Истории Сибири» [2022] и «Истории России» [2025].

Напомню читателю, что схема историко-культурных процессов в регионе сводится в настоящее время к следующему: эпоха раннего металла связана с гребенчато-ямочной общностью и усть-гартасской культурой;

---

⁴ Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого» (№ FWZG-2025-0001).

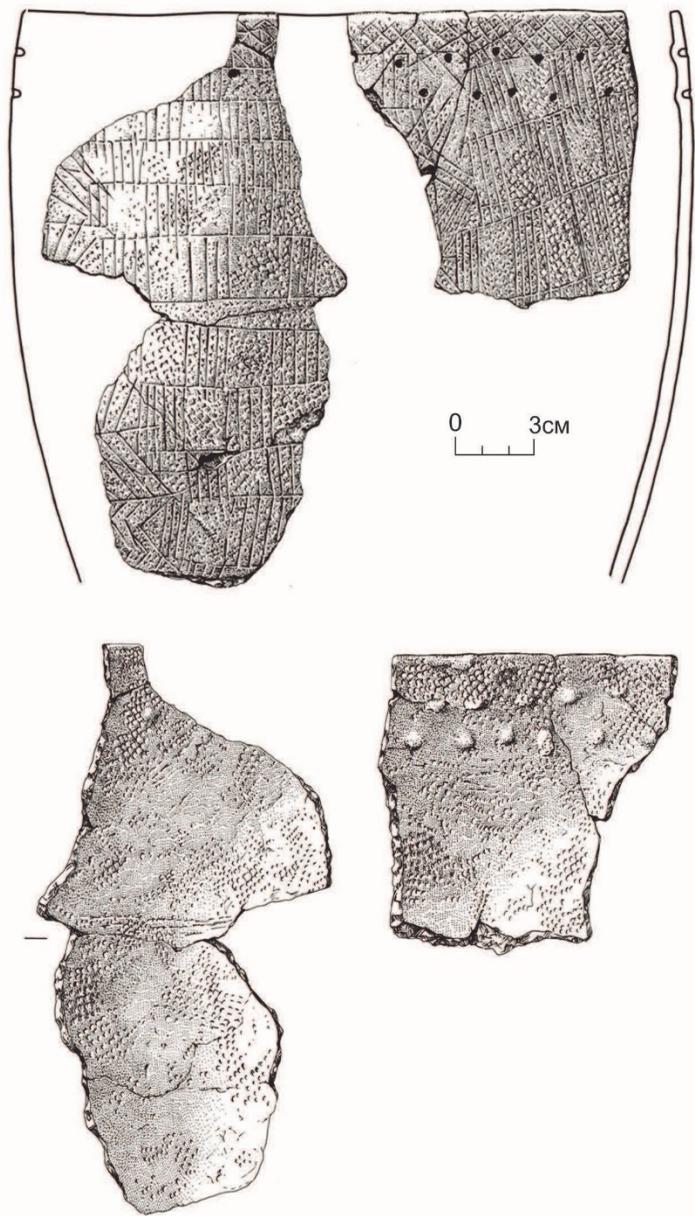
ранняя – развитая пора бронзового века – с одиновской и кротовской культурами; развитая бронза – с андроновской (федоровской) и позднекротовской (черноозерской) культурами; эпоха поздней бронзы – с ирменской и пахомовской культурами. В значительной степени определяющим фактором культурной диагностики является керамическая посуда.

В 2025 г. в урочище Таи (Венгеровский район Новосибирской обл.) исследовано одно из древних сооружений, открытое благодаря геофизическому мониторингу. Исследованный участок террасы был обитаем весьма продолжительное время. Площадь раскопа составила 74 м². Древнейший подстилающий культурный слой, относящийся к гребенчато-ямочной общности и почти полностью разрушенный, содержал, помимо каменных орудий, характерную керамику круглодонной и остродонной формы, украшенную горизонтальными рядами гребенчатого штампа, а по ним – рядами ямочных наколов семечковидной формы.

Жилое сооружение, о котором идет речь, было углублено в материк. Постройка представляла собой легкое сооружение, трапециевидное в плане, с очагом в центре и системой столбовых ям, свидетельствующих о прямостенной конструкции с плоской крышей, полезной площадью около 25 м². Подобные конструкции известны на поселениях эпохи ранней – развитой бронзы Зауралья и Западной Сибири [Чаиркина, 2005; Бобров, 2022].

В означенном сооружении был обнаружен оригинальный керамический комплекс (рис.). Тесто сосудов средней плотности, сильно запесоченное. В исходное сырье добавлялся шамот и органика. Оригинальна выделка сосудов. С внешней и внутренней стороны поверхность целиком покрыта оттисками выбивки. Сосуд изготавливался способом лоскутного налепа. Керамика плоскодонная, баночной формы (банки закрытые). Переход ко дну плавный. Край венчика закруглен и украшен рядами насечек. Верхняя часть тулова украшена одним-двумя рядами круглых ямок. Иногда срез венчика волнистый. Обнаружены развалы двух сосудов, тулово у которых граненое, а край венчика фигурный. Плоские доньшки орнаментированы. Все тулово сосуда покрывалось зонами гребенчатого штампа, включающего как разреженные оттиски, так и длинную, и шагающую гребенку. Зоны узоров ассиметричны. Яркой особенностью декора является нанесение уже по орнаменту острым предметом еще по сырой глине зон геометрического узора, также выполненного ассиметрично, образующего ряды заштрихованных квадратов, напоминающих шахматную доску, в сочетании с другими прочерченными фигурами, хаотично нанесенными и порой слабо читаемыми (рис.).

По своим морфологическим особенностям комплекс более всего напоминает посуду периода ранней – развитой бронзы Зауралья и Западной Сибири, что следует считать эпохальным явлением. Специфика первичной обработки внутренней и внешней поверхности посуды напоминает керамику

Рис. Реконструкция сосуда из жилища памятника Усть-Тартас-5
в рамках комплекса Карьер Таи-1

крохалевской культуры, одной из характерных особенностей которой является наличие значительной составляющей ложно текстильного орнамента [Полосьмак, 1979, с. 45–49]. Вместе с тем яркая специфика орнаментации анализируемого комплекса не позволяет говорить об их тождестве. Рассматриваемый комплекс нельзя отождествлять с керамикой ни одиновской, ни кротовской культур региона. Таким образом, проблему культурной идентификации рассматриваемого комплекса следует считать открытой.

Логично предполагать, что перед нами какое-то новое, ранее еще неизвестное в регионе культурное образование, относящееся к ранней поре бронзового века. Последнее подтверждает полученная радиоуглеродная дата (GV 06232 4143±43 л. н. (2G 2877–2582 до н. э.). Несмотря на рецепт формовочной массы сосудов, его исходное сырье + некалиброванный шамот + органика, данный комплекс имеет и существенное отличие. Часть шамота в формовочной массе изготовлена из слабо ожелезненной глины почти белого цвета, выходы которой отсутствуют в регионе. В формовочной массе также присутствует шамот из такой глины (определения выполнены д-ром ист. наук Л. Н. Мыльниковой). Все это может говорить о том, что керамика имеет не местное происхождение.

Не следует также исключать версию о том, что памятник относится к усть-тартасской культуре, известной по материалам довольно многочисленных могильников, в которых на сегодняшний день было найдено только два сосуда и несколько фрагментов, поскольку по канонам погребальной практики носителей культуры было не принято помещать керамику в погребальные комплексы [Молодин, 2022].

Таким образом, выявлен оригинальный керамический комплекс эпохи раннего металла, который ставит перед исследователями важные проблемы, нуждающиеся в дальнейшем углубленном изучении.

Список литературы

- Бобров В. В. Аятская культура // История Сибири : в 4 т. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1 : Каменный и бронзовый век. С. 395–396.
- История России : в 20 т. М. : Наука, 2025. Т. 1 : Древние культуры на территории современной России (до середины I тыс. до н. э.), кн. 1 : Каменный век и эпоха раннего металла. 825 с.
- История Сибири : в 4 т. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2022. Т. 1 : Каменный и бронзовый век. 660 с.
- Молодин В. И. Усть-тартасская культура // История Сибири : в 4 т. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 1 : Каменный и бронзовый век. С. 408–410.
- Молодин В. И., Медведев Г. И. Уникальный бронзовый меч из Прибайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 4. С. 48–56.
- Полосьмак Н. В. Крохалевка-17 – новый памятник Крохалевского типа // Сибирь в древности. Новосибирск : Наука, 1979. С. 45–49.
- Чайркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2005. 312 с.

Изотопные индикаторы потребления C4-растений у домашних животных Нижнемангиртуйского поселения хунну⁵

Д. А. Миягашев¹, В. Б. Хубанов², А. М. Хубанова²

¹*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ,*

²*Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта, г. Москва*

Isotope Indicators of C4 Plant Consumption in Domestic Animals from the Mangirtuy Xiongnu Settlement

D. A. Miyagashev¹, V. B. Khubanov², A. M. Khubanova²

¹*Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude*

²*O. Yu. Schmidt Institute of Physics of the Earth, Moscow*

Нижнемангиртуйское поселение – один из поселенческих памятников хунну в Западном Забайкалье. Основная площадь поселения располагается на высокой террасе правого берега р. Хилок, в приустьевом участке р. Мангиртуйки. С 2015 г. нами были начаты планомерные работы по изучению поселения. За несколько полевых сезонов было раскопано три жилища полуподземляночного типа и 14 ям хозяйственного и иного назначения [Миягашев, Базаров, 2020].

Археозоологическая коллекция Нижнемангиртуйского поселения включает более двух тысяч костей. Анализ виового состава позволяет сделать некоторые выводы о скотоводческом аспекте хозяйства жителей поселения. Определены остатки шести домашних видов: собака, лошадь, свинья, крупный рогатый скот, овца и коза; трех промысловых: заяц, косуля и благородный олень. Кости птиц и рыб единичны. Остатки домашних животных доминируют в коллекции. Среди них собаке принадлежит 3,7 % остатков. Остатки мелкого рогатого скота (овец и коз) доминируют (40,9 %), 24,8 % остатков принадлежит крупному рогатому скоту, 16,8 % – лошади и 13,8 % – свинье. КРС занимает второе место в костном спектре, однако в пересчете на убойную массу мяса он является доминирующим. Относительное множество костей свиньи и собаки позволяет предположить их заметную роль в хозяйстве Нижнемангиртуйского поселения и характеризует оседлый образ жизни населения.

Прямых свидетельств занятия земледелием жителями поселения не выявлено, однако исследование состава стабильных изотопов азота и углерода в костной ткани некоторых домашних животных указывает на то, что

---

⁵ Работа выполнена в рамках государственного задания FWSW-2026-009 Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии (Миягашев Д. А.) и государственного задания Института физики Земли им. О. Ю. Шмидта (Хубанов В. Б., Хубанова А. М.)

земледелие играло определенную роль в системе жизнеобеспечения нижнемангиртуйских хунну. Соотношение изотопов углерода у животных зависит от растений, которые они потребляют. Растения делятся на три основные группы по типу фотосинтеза: С3-растения, С4-растения и САМ-растения. Для С3-растений характерно среднее $\delta^{13}\text{C}$ около -27% . Для С4-растений – с $\delta^{13}\text{C}$ около -13% , у растений третьей группы значения $\delta^{13}\text{C}$ находятся в диапазоне между значениями растений с фотосинтезом С3- и С4-типа. Кроме того, у лесной растительности наблюдается относительно легкий изотопный состав углерода, а относительно тяжелый изотопный состав обусловлен снижением эффекта изотопного фракционирования при произрастании на открытых пространствах, например, в степи [O'Leary, 1988; Bocherens, 2003; Святко, 2016].

На соотношение стабильных изотопов азота у животных влияют различные физиологические и экологические процессы, в ходе которых значения $\delta^{15}\text{N}$ увеличивается. Например, при недостатке пищи и воды ткани травоядных животных обогащаются тяжелым изотопом азота; при благоприятных условиях, наоборот, количество тяжелого изотопа азота относительно снижается. Кроме того, из-за эффектов фракционирования значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в коллагене костей травоядных животных отличаются на увеличение на 5 и 3–6 ‰ соответственно от изотопного состава их пищи. И далее по пищевой цепи эти значения увеличиваются с каждым трофическим уровнем на 1–1,5 ‰ для $\delta^{13}\text{C}$ и на 3–6 ‰ для $\delta^{15}\text{N}$ [O'Leary, 1988; Изотопный ... , 2015; Святко, 2016]. Таким образом, используя этот метод соотношения стабильных изотопов углерода и азота, можно реконструировать рацион и экологическую среду обитания животных [Святко, 2016; Tahmasebi, Longstaffe, Zazula, 2018; Khubanov, Khubanov, Miyagashev, 2023].

По результатам анализа изотопов костных тканей всеядных животных, таких, как собака и свинья, были получены интересные данные. Образцы этих животных существенно отличаются утяжеленным составом углерода ($\delta^{13}\text{C}$ от $-16,5$ до $-12,3$ ‰) от показателей других животных. Изотопный состав азота ($\delta^{15}\text{N}$ 7,6–8,8 ‰) у них остается на уровне характеристик травоядного рогатого скота. Это указывают на то, что в рационе собаки и свиней этого поселения существенное значение имела растительная пища, особенно растения С4-типа, к которым относится просо. Учитывая, что изотопный состав углерода собаки и свиней сопоставим с значениями $\delta^{13}\text{C}$ у людей хуннской эпохи ($\delta^{13}\text{C}$ от $-15,8$ до $-13,1$ ‰) [Iron ... , 2021], в чей рацион питания входило просо, то, вероятнее всего, собаку и свиней кормили пищевыми остатками с человеческого стола и продуктами растениеводства.

Список литературы

Изотопный анализ как метод таксономической идентификации археозоологического материала / Е. Н. Горлова, О. А. Крылович, А. В. Ти-

унов, Б. Ф. Хасанов, Д. Д. Васюков, А. Б. Савицкий // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, № 1. С. 110–112.

- Миягашев Д. А., Базаров Б. А. Нижнемангиртугуйское поселение и вопросы появления оседлых комплексов хунну в Забайкалье // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 2. С. 107–124. <https://doi.org/10.24412/2658-3550-2020-2-107-124>
- Святко С. В. Анализ стабильных изотопов: основы метода и обзор исследований в Сибири и Евразийской степи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 2. С. 47–55. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2016.44.2.047-05>.
- Bocherens H. Isotopic biogeochemistry and paleoecology of the mammoth steppe fauna. *Advances in mammoth research* // DEINSEA. 2003. Vol. 9. P. 57–76.
- Iron Age Societies of Western Transbaikalia: Reconstruction of Diet and Lifeways / N. N. Kradin, A. M. Khubanova, B. A. Bazarov, D. A. Miyagashev, V. B. Khubanov, P. B. Kononov, A. M. Klementiev, V. F. Posokhov, A. R. Ventresca Miller // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2021. Vol. 38. 102973 (1–8). <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2021.102973>
- Khubanova A. M., Khubanov V. B., Miyagashev D. A. Zoning of Desert, Steppe, Steppe-Forest and Forest Ecosystems by Carbon and Nitrogen Isotope in Mongolia and Western Transbaikalia // *Geography, Environment, Sustainability*. 2023. Vol. 16 (3), N 1. P. 4–31. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2023-2720>
- O'Leary M. H. Carbon isotopes in photosynthesis // *Bioscience*. 1988. Vol. 38. P. 328–336.
- Tahmasebi F., Longstaffe F. J., Zazula G. Nitrogen isotopes suggest a change in nitrogen dynamics between the Late Pleistocene and modern time in Yukon, Canada // *PLoS ONE*. 2018. Vol. 13, Is. 2. e0192713. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0192713>

Отражение этнополитических составляющих в средневековой археологии Дальнего Востока

О. В. Дьякова

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток*

Reflection of Ethnopolitical Components in the Medieval Archaeology of the Far East

O. V. Dyakova

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples Far East FEB RAS, Vladivostok

Средневековая археология Евразии отражает разнообразное взаимодействие культур, повлиявшее на их формирование, систему коммуникационных связей, миграционных процессов в виде переселений (одноактные действия), расселений (постепенное перемещение и освоение территории), завоеваний (колонизация). Уловить эти реальные исторические процессы по археологическим материалам сложно, но возможно. Анализ средневековых материалов евразийских памятников позволил сформулировать трехчленную структуру археологических культур, состоящих из культурно-значимых (аборигенных) признаков, содержащих этническую информацию; региональных признаков, проецируемых на государственные объекты и эпохальные признаки, раскрывающие временные рамки и торгово-политико-культурные коммуникации.

Анализ материалов тунгусо-маньчжурских культур, представленных мохэской, бохайской, культурой амурских и приморских чжурчжэней, показал следующее:

1. В мохэской, чжурчжэньской (амурской) культурах присутствуют аборигенный и эпохальный пласты. Региональный (государственный) практически отсутствует.
2. Аборигенный, региональный (государственный) и эпохальный пласты присутствуют в бохайской культуре.
3. Культура приморских чжурчжэней в период империи Цзинь (1115–1234 гг.) не изучена и ее связь с аборигенным населением не установлена.
4. Культура чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1234 гг.) по типу колониистская, состояла из переселенных из Маньчжурии семей ремесленников и военных.

Результаты мониторинга состояния палеолитических памятников Сухотинского археологического комплекса в 2025 г.

Д. Е. Власенко

Забайкальский научный центр ИИАЭ ДВО РАН, г. Чита

Results of Monitoring the Condition of Paleolithic Sites of the Sukhotinsky Archaeological Complex in 2025

D. E. Vlasenko

Transbaikal Scientific Center INAE FEB RAS, Chita

Сухотинский археологический комплекс располагается на окраине г. Читы, на юго-восточных склонах Титовской сопки (Восточное Забайкалье). Изучался в 1965–1990-х гг. экспедицией ЧГПИ под рук. И. И. Кириллова [Кириллов, Кириллов, 2011]. В XXI в. Сухотино продолжает исследоваться забайкальскими археологами. Ныне комплекс состоит из 17 палеолитических памятников (Сухотино-1–16, мастерская им. С. Н. Астахова), неолитических поселений, наскальных рисунков бронзового века, погребений от эпохи бронзы до нового времени [Кириллов, Кириллов, 2011; Филатов, 2016; Мороз, 2023]. Материалы памятников Сухотино-1–16 по оценке исследователей, охватывающие хронологический период от конца среднего до конца верхнего палеолита, получили свое представление в обобщающих работах [Окладников, Кириллов, 1980; Черенщиков, 1998, 2013; Кириллов, Кириллов, 2011; Филатов, 2016; Мороз, 2023; и др.].

В 2025 г. на Сухотино проводился мониторинг состояния памятников: Сухотино-1, 4, 7–9, 10, 13, 14 (рис.), согласно опубликованной номенклатуре [Филатов, 2016]. На всех объектах собран подъемный материал (~300 экз.), который в большинстве случаев был получен из разрушенных антропогенными факторами участков культурных слоев. Кроме того, был обследован отвал земли на площади почти 1,5 тыс. м², вероятно, появившийся в результате выработки промышленными базами участков Сухотино-2 и 3. На всей площади отвала встречаются каменные артефакты. Было обнаружено местонахождение, получившее название Сухотинский лог. Предварительно, по внешнему облику, материал с нового памятника можно отнести к верхнему палеолиту. Частично Сухотино-1, 4, 7–10, 14 и Сухотинский лог находятся на полевых дорогах, в результате чего, после проезда автомобилей и мотоциклов, культурный слой, залегающий на небольшой глубине, разрушается. Большинство склонов на Сухотино превратились в самостоятельно организованные мотодромы, которые напрямую уничтожают культурные слои стоянок. Одним из важных наблюдений мониторинга является то, что малоизученные Сухотино-7 и 9, вероятно могут быть

Список литературы

- Кириллов И. И., Кириллов О. И. Сухотино // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск : Наука, 2011. С. 280–282.
- Константинов М. В. О возможности создания Историко-культурного музея на Титовской сопке в районе скал Сухотино // Сохранение историко-культурного наследия: опыт, проблемы и перспективы. Чита : ЗабГУ, 2021. С. 12–15.
- Мороз П. В. Прогнозирование поиска объектов каменного века в районе г. Чита на основании анализа расположения выходов минерального сырья // Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая : материалы XII Междунар. конф. Иркутск : Ин-т географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2023. С. 25–28.
- Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.
- Филатов Е. А. Сухотинский геoarхеологический комплекс: Научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геoarхеологического комплекса. Чита : ЗабГУ, 2016. 52 с.
- Черенщиков О. Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино-4 и его место в верхнем палеолите Северной Азии : дис. ... канд. ист. наук. Чита, 1998. 215 с.
- Черенщиков О. Ю. Камень на ладони. Чита : Экспресс-издательство, 2013. 236 с.
- Ячменев О. Ю. Участие студентов в обеспечении сохранности Сухотинских памятников археологии // Сохранение историко-культурного наследия: опыт, проблемы и перспективы. Чита : ЗабГУ, 2021. С. 51–54.

Каменный век Северной Азии и сопредельных территорий: от истоков к современным концепциям

Тезисы докладов
Всероссийской научной конференции,
посвященной 90-летию
Германа Ивановича Медведева
Иркутск, 16–18 февраля 2026 г.

ISBN 978-5-9624-2463-7

Темплан 2026 г. Поз. 7
Уч.-изд. л. 8,0

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 51-19-00
Издательство ИГУ, 664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@law.isu.ru

Подписано к использованию 12.02.2026
Тираж 13 экз. Объем 26,3 Мб

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024×768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше